

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

# ЛЕВИАФАН

Материалы международной научной конференции  
«Геополитика многополярного мира»  
(4 октября 2011 г.)  
ВЫПУСК 3

Евразийское Движение  
Москва  
2012

ББК 66.4  
Л 36

*Печатается по решению кафедры  
Социологии международных отношений  
социологического факультета  
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор  
Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель  
Савин Л. В.

Научно-редакционная коллегия  
Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),  
Флавио Гонсалес (Португалия), Тиберио Грациани (Италия),  
д. филос. н. И. П. Добаев, С. А. Жигалкин, к. ю. н. В. И. Карпец,  
д. соц. н. А. К. Мамедов, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,  
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,  
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Л 36    **Левнафан** : Материалы международной конференции по вопросам многополярности (вып. 3) / [Под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Савин Л. В.]. — М.: Евразийское Движение, 2012. — 236 с.

ISSN 2226-6992

Данный сборник представляет собой материалы международной конференции "Геополитика многополярного мира", прошедшей 4 октября 2011 г. на кафедре Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова..

**ББК 66.4**

ISSN 2226-6992

© «Евразийское Движение», оформление, 2012  
© Авторы, тексты докладов и статей, 2012

# СОДЕРЖАНИЕ

## МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

|                                                                                                         |    |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>Энгдаль, Уильям</i>                                                                                  |    |
| Закат Империи и будущее Евразии . . . . .                                                               | 7  |
| <i>Дугин А. Г.</i>                                                                                      |    |
| Глобализация и однополярный мир: геополитический анализ современной гегемонии Запада (тезисы) . . . . . | 18 |
| <i>Реза Саджади, Сайед Махмуд</i>                                                                       |    |
| Альтернатива американскому диктату: в поисках подлинной многополярности . . . . .                       | 36 |
| <i>Добреньков В. И.</i>                                                                                 |    |
| Мир или война? . . . . .                                                                                | 40 |

## Доклады и тезисы

|                                                                                                         |     |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Аджиев А. И.</i>                                                                                     |     |
| Ислам и его использование в идеологии политического радикализма на Северном Кавказе . . . . .           | 46  |
| <i>Бирюков А. В.</i>                                                                                    |     |
| Инклюзивное развитие как ответ на вызов глобализации по-американски . . . . .                           | 50  |
| <i>Бовдунов А. Л.</i>                                                                                   |     |
| Дискурс многополярности в современной восточноевропейской геополитической и философской мысли . . . . . | 59  |
| <i>Буэла, Альберто</i>                                                                                  |     |
| Геополитика и многополярность. Взгляд из Южной Америки . . . . .                                        | 86  |
| <i>Гнип А. Н.</i>                                                                                       |     |
| Особенности российско-германских отношений в контексте современной энергетической геополитики . . . . . | 89  |
| <i>Ермакова И. В.</i>                                                                                   |     |
| Распространение смертельно опасных ГМО как результат глобализации . . . . .                             | 99  |
| <i>Клименко А. Н.</i>                                                                                   |     |
| Идея «Москва — Третий Рим» и её интерпретация в современных геополитических концепциях . . . . .        | 105 |

|                             |                                                                                                                                  |     |
|-----------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>Корженева О. В.</i>      | Сетевые образы как фактор современной политики . . .                                                                             | 117 |
| <i>Кузнецов А. А.</i>       | Геополитическая ситуация Ирана и перспективы<br>российско-иранского сотрудничества . . . . .                                     | 123 |
| <i>Кузничевский В. Д.</i>   | Казус Ливии и проблема государственного<br>суверенитета в XXI веке . . . . .                                                     | 136 |
| <i>Куртюкова М. И.</i>      | Мировое пространство. Новые технологии . . . . .                                                                                 | 151 |
| <i>Матвиенко Ю. В.</i>      | «Варвары общества». Киберстачка как угроза<br>экономической безопасности России . . . . .                                        | 157 |
| <i>Савин Л. В.</i>          | Эмпирические и нормативные аспекты<br>многополярности . . . . .                                                                  | 168 |
| <i>Слебода, Марк</i>        | «Диалог цивилизаций» как теоретическая модель<br>многополярного миропорядка . . . . .                                            | 175 |
| <i>Смирнов Ф. А.</i>        | Глобальный финансово-экономический кризис<br>как новый рубеж геофинансовой регионализации.<br>Деятельность хедж-фондов . . . . . | 183 |
| <i>Токмакова М. В.</i>      | Теория многополярного мира в мировой<br>политической системе . . . . .                                                           | 190 |
| <i>Koray, Semih</i>         | Turkey's Position in the Struggle for a Multipolar World. .                                                                      | 193 |
| <i>Lapčević, Stevo</i>      | The Role of Religion and the Culture of Identity in the<br>Public Policy: The Balkans Case . . . . .                             | 199 |
| <i>Lazzeri, Daniele</i>     | New global actors for a multipolar world . . . . .                                                                               | 217 |
| <i>Vacarelu, Marius</i>     | To build a real Eurasia: few juridical ideas. . . . .                                                                            | 221 |
| <i>Visintainer, Ermanno</i> | Multipolarism and new regimes in the<br>Mediterranean area . . . . .                                                             | 232 |

*Международная научная конференция*

*«Геополитика многополярного мира»*

**МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ**



# ЗАКАТ ИМПЕРИИ И БУДУЩЕЕ ЕВРАЗИИ

**Уильям Энгдаль**

Геополитик, публицист (США/Германия)

Благодарю за возможность участвовать здесь сегодня. И хочу сказать несколько слов о сегодняшней геополитической ситуации в мире.

Большинство из вас не удивит, что после 1991 г. со стороны единственной оставшейся супердержавы Холодная Война никогда не заканчивалась. Вместо этого, когда был распущен Варшавский Договор, а вместе с ним и Советский Союз, НАТО продолжило расширяться на восток прямо до границ России. Методы этой новой холодной войны переменились и вместо ядерного оружия, хотя оно и осталось, оружием стали Международный Валютный Фонд и Гарвардская шоковая терапии от Джеффри Сакса и прочих. Стратегической целью было и осталось на сегодня демонтаж России как функционирующей страны для того, чтобы контролировать Евразию. В своей знаменитой книге «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский, консультант Президентов США, начиная с Джимми Картера, отмечал, что Евразия является единственной территорией на земле с населением, природными ресурсами, интеллектуальными возможностями для того, чтобы представлять вызов гегемонии Америки.

10 лет назад главным фокусом иностранной политики США было окружение России, как в военном смысле, так и в иных. Сегодня основной акцент делается на окружении поднимающегося Китая и на вбивании клина между Китаем и Россией на

многих разных уровнях. За стратегией дестабилизации от Афганистана до Пакистана и далее, через Ближний Восток и все страны-производители нефти в Северной Африки, Ливию, Южный Судан и так далее, за так называемой «арабской весной» лежит стратегия, нацеленная на контроль Китая и Центральной Азии — Евразии.

Чтобы лучше понимать смысл американской стратегии полезно вернуться в 1939 г., еще до того, как была объявлена Вторая Мировая война. В то время самый влиятельный частный американский мозговой центр, Нью-Йоркский Совет по Международным Отношениям (Council on Foreign Relations, CFR) получил заказ от фонда Рокфеллера на проведение секретнейшей долгосрочной стратегии о том, как Америка смогла бы, по сути, править миром в качестве победителя в предстоящей войне. Проект назвали Исследования Войны и Мира Совета по Международным Отношениям (The War and Peace Studies of the Council on Foreign Relations) и он включал ведущего американского геополитического стратега/географа Исайю Боумана, в то время главу университета Джона Хопкинса, а также другие ведущие фигуры — эти люди позже стали работать в Госдепартаменте США. Одним из положений, введенных ими довольно рано в процессе рассмотрения зависимых геополитических образований мира, которыми они после войны станут управлять, была идея о том, что они не повторят ошибки, сделанной британцами, и не назовут свою империю Американской Империей. Вместо того они станут называть свою миссию расширением демократии, свободы и американской системы свободного предпринимательства для эксплуатируемых масс в мире. Это было блестящей пропагандистской стратегией.

И такие люди, вроде Джона Кэннона, знаменитого мистера Х, написавшего статью в журнале *Foreign Affairs*, который создал стратегию сдерживания Советского Союза и начал холодную войну вместе с окружением президента Трумана, и другие, отмечали, что первостепенной задачей внешней политики Америки является удержание непропорциональных захватов,



которые Америка приобрела в войне и недопущение никаких сентиментов в качестве препятствий для этого.

Эта группа по изучению вопросов войны и мира под руководством профессора Исаяи Боумана разработала стратегию, которую воплотили ООН и родственные ей структуры — Международный Валютный Фонд и Всемирный Банк, которые были участниками Бреттон-Вудской конференции в 1944 г.

Но настоящий расцвет Американского Века и американской Бреттон-вудской долларовой системы пришел не в июне 1944 г. на конференции в Нью-Хэмпшире, он состоялся 9 августа 1945 г. со сбросом атомной бомбы на гражданское население Японии. Послание, переданное этой атомной бомбардировкой гражданского населения, было ясным сигналом целому миру, но, в особенности, России, тогда Советскому Союзу, что в нашем городе только один бандит с кулаками, и его зовут Соединенные Штаты Америки.

Настоящим архитектором американской внешней политики и геополитической стратегии после Второй Мировой войны однако был не Исаяя Боуман и группа Совета по Международным Отношениям, им, на самом деле, был англичанин по имени сэр Хэлфорд Макиндер, географ. И в 1943 г., незадолго до смерти, Макиндер опубликовал в журнале *Foreign Affairs* статью о роли, которую Америка станет играть в послевоенном мире геополитически, как доминирующая супердержава. Геополитическая стратегия Макиндера происходила из работы, которую он делал еще в 1919 г. в контексте Версальских мирных переговоров, где он очертил простую истину, аксиому, — что та держава, которая контролирует Центральную Европу, под чем он подразумевал Германию, Францию, Голландию и примыкающие районы — та держава имеет возможность контролировать то, что он назвал Центром (*Heartland*), под которым он подразумевал Российскую Империю; а та власть/держава, которая контролирует Центр Евразии, способна контролировать Мировой Остров, как он его называл, т.е. весь материк, включая Индию, а также территории

Ближнего Востока, стран Персидского залива и части Африки, и, разумеется, всю Европу. А та сила, которая контролирует Мировой Остров, контролирует весь мир. Макиндер умолчал о вытекающем следствии: большой стратегией Британии является и остаётся навсегда — и позже Американской большой стратегией — предотвращение такого контроля территории между Центральной Европой, европейскими странами и Центром Евразии. Однако в 1943 г. Макиндеру еще не было ясно, каким будет статус Германии в подобной стратегии послевоенного мира, но он предвидел, что необходимо станет контролировать две страны на Евразийском континенте — Россию/СССР (как он её называл, территория оси) или Китай.

И в послевоенный период, когда практически каждый госсекретарь в США являлся протеже группы Рокфеллера, включая Сайруса Вэнса, Джона Фостера Даллеса, Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского, не удивительно, что макиндеровская политика остаётся основой американской внешней политики до сего дня.

Возможно, самым успешным из этих госсекретарей или секретарей иностранных дел в послевоенный период был Генри Киссинджер, который, как утверждают, сделал знаменитое заявление в середине 1970-х гг., во время одновременного кризиса цен на нефть (рост цены на 400%), и взрывного роста мировой цены на зерно. Тогда Киссинджер (утверждают, что он был самым влиятельным лицом в Вашингтоне в начале и середине 1970-х гг., когда Никсон сражался с Уотергейтским скандалом) предположительно заявил: «если вы контролируете нефть, вы контролируете целые страны (он подразумевал США), — если вы контролируете еду, вы контролируете людей. Если вы контролируете деньги — вы управляете целым миром».

Если мы оглянемся и рассмотрим международную политику США, а также политику разведки и военную политику за последние примерно 50 лет, мы обнаружим ряд войн, которые могут быть сведены к американской интервенции, вмешательству, дестабилизации и т.д. ради контроля нефти.

Начиная с ранних 1950-х гг. — дестабилизации ЦРУ режима Моссадыка в Иране и продвижения во власть шаха Ирана в роли марионетки семьи Рокфеллеров. В 1973 г. эта стратегия включала в себя манипуляцию на секретной конференции по планированию в Сальтшёбадене, недалеко от Стокгольма в Швеции, где самые могущественные частные лица из США и Европы, включая Рокфеллеров, Генри Киссинджера, глав компаний British Petroleum, Royal Dutch Shell, Ротшильдов и других, обсуждали и спорили о предстоящем 400% повышении цен на нефть, производимую странами ОПЕК. В 2000 г. меня в свой дом в Лондоне пригласил шейх Ямани чтобы обсудить мою книгу «Столетие Войны». В той дискуссии Ямани спросил, как я обнаружил информацию, приведенную в книге о нефтяном кризисе 1973 г. Я объяснил ему во всех подробностях как я сложил части головоломки. Он был поражен и сказал мне: «профессор Энгдаль, — он назвал меня профессором, я ответил, что я не профессор, но он повторил снова, — профессор Энгдаль — вы единственный человек, который смог сложить картину из всех, кого я знаю, о том, что действительно случилось в 1973 г. Когда меня мой король послал в Тегеран спросить шаха, почему Иран затребовал такое резкое повышение цен на нефть в декабре 1973 г., шах ему ответил, что я должен передать моему королю, что если он хочет получить ответ, то должен поехать в Вашингтон и спросить о том Генри Киссинджера».

И та стратегия, которая принесла контроль над ценой на нефть на мировом рынке в 1973 г., для повышения цены и поддержания гегемонии американской власти в системе, где войны более её не обеспечивали, эта стратегия была обращена вспять в 1986 г. В 1973 г. она послужила целям банков Уолл-стрит и нефтяным гигантам и создала фундамент для долгового кризиса стран третьего мира 1980-х гг. Но в 1986 г. для их целей было выгодно обратное, и в госдепартаменте было обсуждение этих вопросов между госсекретарём Джорджем Шульцем, вице-президентом Джорджем Гербертом Уолкером Бушем (отцом), и

другими лицами о том, как убедить Саудовскую Аравию обрушить нефтяные цены на мировом рынке. Этот обвал мировой цены на нефть до уровня ниже \$10 за бочку (баррель) с уровня примерно \$30 в течение примерно месяца косвенно повлиял и на развал через три года Советского Союза.

В течение 1980-х гг. США скрытно манипулировали событиями на Ближнем Востоке в отношении Ирана и Ирака, чтобы создать ту кровавую войну между ними ради контроля мировых рынков нефти. Соединенные Штаты продолжали манипулировать и после ирано-иракской войны, манипулировали находящимся в долгах и отчаянном положении Саддамом Хуссейном, убедив его, что он может войти и забрать нефтяные богатства Кувейта. Это было ловушкой, поставленной на Саддама Хуссейна Западом. И последовавшая война США против Ирака под ложным предлогом, что он якобы угрожал нефтяным полям саудитов, стало новой фазой прямой милитаризации со стороны США и Пентагона, и создания постоянных военных баз по всему Ближнему Востоку.

Через 10 лет при новом Президенте в сентябре 2001 г. была запущена новая фаза в том, что можно называть последовательностью нефтяных войн, названная Войной с Терроризмом.

Я оставляю на ваше собственное усмотрение различные теории о том, могли ли 19 арабов без серьезной авиаподготовки и вооруженных канцелярскими ножиками для разрезания упаковки захватить четыре коммерческих авиалайнера в воздушном пространстве США, включая нарушение воздушного пространства Пентагона, и лететь, будучи не замеченными ПВО Америки в течение 93 минут, а затем обрушить башни Всемирного Торгового Центра — обрушив 3 башни, кстати говоря, и поразить Пентагон — оставляю разные теории на ваше рассмотрение, я не хочу об этом сейчас рассуждать.

Для администрации Буша-Чейни и ястребов-неоконсерваторов в Кабинете, таких как Пол Вулфовиц, не имело значения, арабы или Дональд Дак взяли бы на себя ответственность за

башни Торгового Центра. Они (все равно) решили следовать программе Войны с Террором, которая будет направлена на весь исламский мир от Афганистана до Марокко. И вся декада 1990-х гг. прошла как серия яростных и прямых нефтяных войн в Центральной Азии — Шеврон пришел и захватил нефтяные ресурсы в Тенгизе в Казахстане, а Бритиш Петролеум — каспийские запасы в Баку. Разведка США посылала оперативных работников в Чечню, чтобы саботировать возможность перекачки нефти по российским трубам. А после 2000 г. США начали подготавливать серию цветных революций, направленных косвенно против Москвы, самыми важными из которых были установка режима Саакашвили в Грузии и оранжевая революция на Украине в 2003-2004 гг. Цель привлечения Украины в НАТО наряду с Польшей, Болгарией и другими бывшими странами Варшавского Договора в том, что это приводит под контроль НАТО — целью для Украины был контроль экспортных нефтепроводов из России на Запад.

На таком фоне следует оценить действия тогдашнего президента Путина и российского правительства по аресту Михаила Ходорковского из компании ЮКОС-Ойл. Ходорковский во время ареста был в процессе переговоров с Джорджем Гербертом Уолкером Бушем и могущественными инвесторами в Вашингтоне, связанными с Пентагоном и ЦРУ, по вопросам передачи 40% ЮКОСа американским интересам, Эксону или Шеврону, а также в процессе, как утверждают, скупки голосов в российской Думе, чтобы стать следующим президентом, а также для изменения российского закона о ресурсах, дабы приватизировать нефть, газ и трубопроводы.

К концу десятилетия американский истеблишмент решил сменить тактику, сменить акценты, вместо жесткой агрессивной линии управления Буша-Чейни они решили обратиться к миру, которое мягче, добрее — лицо Барака Обамы. Барак Обама — мастер демагогии, поставленный президентствовать деньгами тех же самых особых интересов, что содействовали выборам или введению во власть Джорджа Буша и Дика Чейни — а

именно, деньгами Уолл-Стрит, военно-промышленного комплекса и нефти. Американский леопард менял пятна, оставаясь леопардом.

Первым делом или одним из первых дел, с которых начал президент Обама, была эскалация войны в Афганистане, поскольку фокус смещался, и разговоры о перезагрузке американо-российских отношений, поскольку приоритетом становилось сдерживание экономического роста и влияния Китая. Военное присутствие США в Афганистане не имеет практически ничего общего с контролем Талибана или того образования, которое называют аль-Каидой, где бы оно ни находилось, т.е. ничего общего с Осамой бин-Ладеном, который, как говорят, умер 10 лет тому назад. Целью его было создание сети постоянных военно-воздушных баз по всему Афганистану, в Баграме и других местах, направленных стратегически на Китай и потенциально против России, дабы впервые в истории утвердить свой (военный) сапог в центре Евразии, подконтрольный Соединенным Штатам.

В 2008 г. накануне моего первого визита в Китайскую Народную Республику я изучал подоплёку событий на Тибете, когда там возникли бунты предположительно китайских бизнесменов против тибетских монахов в марте 2008 г. И я обнаружил в процессе изучения, что те же самые НПО (неправительственные или негосударственные организации), которые были вовлечены в цветные революции в Грузии и на Украине, а также в других местах, оказались также вовлечены в поддержку требования независимости Тибета со стороны Далай-ламы. Я также обнаружил неизвестный, бесцветный фонд, финансируемый американским миллиардером и геополитическим агентом по имени Джордж Сорос — и я упомянул Trace Foundation в своей статье. На следующий день, отослав статью на политический веб-сайт своего друга в Канаде, я вылетел в Пекин, перестав думать об этом вопросе. В статье я, если говорить кратко, утверждал, что, по моему мнению, бунты и дестабилизация в Тибете были направлены на то, чтобы поставить китайцев в не-

ловкое положение накануне летних Олимпийских игр, и были началом целой серии провокаций, раздражающих, как булавоочные уколы, созданных Соединенными Штатами и НАТО против растущей мощи Китая. А год спустя, в 2009 г. в провинции Синцзянь, центральном перекрестке для нефте- и газопроводов между Казахстаном, Россией и Китаем, а также месте расположения китайских нефтяных полей, те же самые НПО вновь активно организовывали бунты.

В 2008 г. Пентагон создал целое новое стратегическое командование, нацеленное на военный контроль Африки, названный Африком (Africa Command), и причиной этого был растущий успех китайской дипломатии по всей Африке в получении долгосрочных поставок нефти, газа и другого сырья для китайской экономики. Различные дестабилизации, которые мы наблюдали в последние месяцы под названием «арабской весны», являются частью стратегии Африкома по смене режимов в разных частях Африки и на Ближнем Востоке для создания ситуации, более дружественной к долгосрочным планам Соединенных Штатов. Муаммар Каддафи имел, несомненно, много недостатков, но главным из них в глазах Вашингтона было то, что он не пел по вашингтонским нотам. Он начал, среди прочего, раздавать нефтяные концессии китайским и русским нефтяным компаниям и попытался организовать Панафриканский Союз, экономический союз, который был бы менее зависим от Международного Валютного Фонда и американского давления. Одновременно, почти незамеченные миром, НПО Соединенных Штатов успешно оторвали Южный Судан и его нефтяные запасы, которые являлись главным источником снабжения нефтью Китая, и создали независимую Республику Южный Судан, потоки нефти из которой вскоре потекут через Кению а не, как ранее, через Судан.

Три недели назад я вернулся с больших переговоров в Пекине с различными мозговыми центрами и людьми на разных должностях и могу вас уверить, что они очень хорошо

осознают, что эта большая стратегия развития событий в Африке и на Ближнем Востоке направлена в большой степени против экономической нефтяной безопасности Китая. И я могу напомнить, что решение Вашингтона нарушить все предписания Хартии ООН и международного закона объявлением войны против Ливии в марте этого года было сделано не с позиции силы США в мире, но из-за фундаментальной слабости. Слабость эта имеет корни в самом сердце американской системы, какой она была создана по окончании Второй Мировой Войны, а именно контроле денег через Уолл-стрит, Федеральный резервный фонд и Казначейство США. В своей новой книге «Боги Денег», только что вышедшей на русском языке, я описываю в подробностях весь процесс постепенно усиливающегося захвата американской политики и политиков группой из шести главнейших банков, находящихся на Уолл-стрит — Goldman Sachs, J.P. Morgan-Chase, Citygroup, Morgan-Stanley, Bank of America. С 2007 г. по сей день более 14 триллионов долларов денег налогоплательщиков и из балансов Федрезерва были вкачаны в эти шесть банковских институтов — в банки, которые считаются слишком большими, чтобы разориться. Результатом такого выкупа банков стало разрушение американской экономики и самая большая депрессия со времен 1930-х гг.

В этом глобальном кризисе, в котором мы сейчас находимся, что я называю эпохальным кризисом, т.е. кризисом, с которыми мы встречаемся, возможно, каждые четыре или пять сотен лет в истории — в этом кризисе есть одна альтернатива, на которую определённые круги в Западной Европе смотрят с большой нервнойностью, как на способ будущего выхода из кризиса, и этой альтернативой является Евразия. Роль доллара как резервной валюты — единственное, что позволяет Вашингтону финансировать войны против России, Китая и других государств Евразии, включая Иран. Нынешний кризис Греции, кризисы Евролэнда были намеренно подожжены банками Голдман-Сакс, Джей-Пи Морган-Чейз, американскими управляющими



в Федрезерве ради прямой цели — предотвращения замены доллара как мировой резервной валюты на евро.

Европейские элитные круги, по моему мнению, я говорю о Германии и Франции, в первую очередь, также об Италии, ведут себя шизофренически в вопросе о Евразии и их отношении с Евразией. С одной стороны, они знают, что любой рост в будущем немецкого, французского, итальянского экспорта будет зависеть не от американских рынков, североамериканских рынков, но от Евразийских рынков, будь они в Восточной Европе, в России, в Китае или Индии. Но, в то же самое время они боятся разлома североатлантического моста с НАТО, которое, разумеется, является организацией, подконтрольной США, из-за ужасающей военной силы и силы шантажа, которые американцы имеют над Западной Европой и странами Еврозоны.

Я вижу только одну возможность выхода из кризиса для стран вроде России и Китая, а кризис потревожил обе эти страны, как и для Западной Европы, Ближнего Востока и Африки — это более близкое экономическое, политическое и, да, военное сотрудничество между двумя великими державами Евразии, Китаем и Россией. Такая комбинация вовлечет все страны Центральной Азии, как и главных союзников среди нефтепроизводящих стран на Ближнем Востоке и в Африке, и оно могло бы буквально поменять карту мира, создав многополярный мир, где безумия, которое мы наблюдали последние годы, более не будет. Этому сотрудничеству евразийских стран есть другая альтернатива, и она такова, что я лично не хотел бы о ней думать, а именно то, что Пентагон называет полным спектром доминирования, т.е. контроль земли, океанов, воздуха и космоса военной машиной Пентагона.

Как американец и, выражая, как я полагаю, интересы всего американского населения, равно как и людей остального мира, я думаю, что мы заслуживаем лучшего, нежели единое пентагоновское мировое правительство.

# **ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ГЕГЕМОНИИ ЗАПАДА (ТЕЗИСЫ)**

**Дугин А. Г.**

Доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Главным геополитическим вопросом современности является вопрос о том, состоится ли глобализация и произойдет ли конец истории, либо в мире сложится несколько полюсов, то есть полицентричная система.

Глобализация и есть конец истории и конец всех цивилизационных различий, составляющих суть истории. Глобализация как она есть означает также однополярность. В качестве общеобязательного пэттерна цивилизации нам навязывается западноевропейская и американская социально-политическая, экономическая и культурная модель, американский образ жизни и американские ценности. Глобализация грядет не как равный диалог разных культур, но как унификация всех обществ по единому образцу, за который приняты либеральная демократия, индивидуализм, свободный рынок, идеология прав человека. Глобализация есть однополярность. Она исключает сохранение не только национальных государств, но и цивилизационных отличий. Пусть сегодня глобалисты — такие, как Ричард Хаас, глава CFR (Council on Foreign Relations), и говорят о «неполярности» (non-polarity), они имеют в виду просто сокрытие

объективного положения вещей, представление единого западного образца как чего-то само собой разумеющегося и общечеловеческого.

Запад представляет собой одновременно цивилизацию и политический блок. Как цивилизация Запад шире, чем США или страны Европы. Это цивилизация морская и талассократическая. Общим знаменателем здесь является атлантизм. «Цивилизация Моря» имеет столь ярко выраженную систему признаков, как и «цивилизация Суши». Только эти признаки прямо противоположны: индивидуализм, динамика, торговый строй, этика личного обогащения, либерализм, плутократия. По Зомбарту, этот социологический дуализм соответствует паре «героическое общество» («цивилизация Суши»)/ «торговое общество» («цивилизация Моря»).

Современный Запад как геополитическое понятие есть синоним «торгового общества» и воплощает в себе не только стратегический контроль над узловыми точками планеты со стороны американской военной машины, но и доминацию либерально-демократических ценностей. Мы имеем дело с двойной гегемонией: гегемонией силы и гегемонией ценностей, признанных как нормативные, универсальные, общеобязательные.

Глобализация есть не что иное, как победа цивилизации Моря над цивилизацией Суши, талассократии над теллутократией, или в иных терминах, Запада над Востоком, индивидуализма над холизмом, модерна (и постмодерна) над традицией и консерватизмом.

Как бы мы теоретически ни описывали глобализацию и как бы мы к ней ни относились, та глобализация, с которой мы имеем дело на практике, представляет именно такой однополярный процесс. Те, кто стремятся изо всех сил завуалировать однополярную специфику глобализации, говорят о «многосторонности», «сотрудничестве», «демократизации международных отношений». Действительно, в рамках глобализации можно увидеть целый спектр стратегий: от

прямолинейного и откровенного американского империализма (неоконсы — У.Кристол, Р.Кэйген, Р. Каплан и т.д.) до гуманитарного планетарного сотрудничества в рамках транснационального гражданского общества. В первом случае акцент ставится на военно-стратегической доминации для обеспечения прямых национальных интересов США, во втором — на универсализации западных ценностей. Но это не противоположные проекта, а две стороны качественно общей и единой геополитической тенденции — глобального наступления «цивилизации Моря».

### **Отвержение глобализации**

Как только мы принимаем такой геополитический анализ глобализации и соотносим его с основными принципами российской геополитики, мы приходим к однозначному выводу: существующая модель глобализации категорически неприемлема для России, так как несовместима с сохранением ее самостоятельности, с укреплением ее идентичности, с ее национальными интересами как державы и ее социальными ценностями как общества. Победа врага (даже если он во многих аспектах выказывает свое преимущество) не может входить в планы тех, кому доверена оборона страны. На уровне экономики или спорта этот же закон столь же очевиден: подыгрывание конкуренту и сопернику не может быть оправдано тем, что у него лучше идут дела или что он демонстрирует более высокие результаты. Если «цивилизация Моря» теснит «цивилизацию Суши» (а это как раз является сегодня фактом) и стремится превратить серию отдельных побед в основание выигранной войны, это не значит, что «цивилизация Суши» должна помогать ей в этом, подыгрывать, облегчать жизнь. «Великая война континентов» длится много столетий и в ней бывали разные эпизоды — равно как в истории противостояния Рима и Карфагена, Спарты и Афин, Англии и Испании, а затем Англии и России.

Глобализация — такая как она есть сейчас — для России несовместима с жизнью и равнозначна «всемирному потопу»: Море заливает Сушу, что означает «конец Суши».

Из этого вытекает совершенно однозначное отношение к глобализации: Россия как геополитическая реальность обязана противостоять глобализации, сопротивляться установлению однополярной американской гегемонии, оппонировать универсализации «западных» (по сути «талассократических», «морских») ценностей.

Совершенно неверно представлять глобализацию как объективный процесс. В человеческой истории нет ничего абсолютно объективного. Общество строит свое настоящее и будущее на основании выбора, мышления и воли. Человек отличается от зверей и природных явлений тем, что он является существом моральным, то есть способным всегда и в любой ситуации сказать тому или иному процессу, явлению и событию «да» или «нет». «Цивилизация Моря» или «цивилизация Суши» — это вопрос ценностного выбора. Конечно, выбор делается не отдельным человеком и не на пустом месте. Это выбор общества на основе истории и традиций, на основе культуры и сложившихся культурных установок. Вместе с тем на практике сплошь и рядом борьба состоит в том, чтобы навязать выбор, сделанный одним обществом, другим обществам, которые его не делали, выбрали нечто иное или пока колеблются в выборе. Культурный империализм часто сопровождается прямой силовой колониализм, основанный на военном завоевании, а иногда и сопровождается им. Так решается спор между сторонниками «hard power» и «soft power» (Дж. Най). Первые считают, что важнее всего силовая гегемония (интересы), вторые — что культурная (ценности). Но, по сути, в результате эти позиции сходятся: глобализация (как «жесткая», так и «мягкая») ведет к одному и тому же результату — к победе «цивилизации Моря». Общества основанные на иных принципах (традиционные, иерархизированные, религиозные, авторитарные или социалистические общества)

подлежат постепенной трансформации в сторону либерально-демократических норм. Это может происходить через военное вторжение (Сербия, Ирак, Афганистан), цветные революции (Грузия, Украина, Тунис) или через постепенное втягивание в контекст глобализации и построения глобального гражданского общества.

Ни тот, ни другой сценарий (с опорой на «hard power» или на «soft power») неприемлем для России. Включаясь в глобализацию, Россия заведомо соглашается на геополитическую капитуляцию. При этом принятие западных ценностей («цивилизация Моря») столь же разрушительно для российской идентичности, как и прямое следование американским стратегическим интересам.

Россия будет сама собой в XXI веке только в том случае, если она сумеет уклониться от глобализации, отстоять свою теллуократическую идентичность, свой суверенитет, оригинальность своего исторического и социологического облика.

Но отвержение глобализации это лишь половина дела. Кроме этого необходимо предложить положительную позитивную альтернативу. Недостаточно отвергнуть глобализацию, как это делают антиглобалисты. Вместо нового мирового порядка и гегемонии Запада они предлагают лишь «новый мировой хаос», подыгрывая глобалистам и своей безответственностью, экстремизмом и хулиганством лишь подчеркивая «серьезность», «созидательность» и «дисциплинированность» глобалистов.

Реальную альтернативу глобализму надо искать в другом месте. Ею может быть только многополярность.

### **Многополярность в стратегических документах Российской Федерации и ее семантический саботаж**

Многополярность есть альтернативный глобализации проект. Многополярность исходит из базового принципа, что необходимо сохранить разные цивилизации, а не подверстать их все под одну — западную и талассократическую.

Очень важно заметить, что многополярность провозглашена основной национальной стратегией современной России. Но на это мало обращают внимание. Геополитическое развитие теории многополярности, наполнение ее содержанием постоянно пробуксовывает. Обоснованных и содержательных дискуссий относительно сущности многополярности, ее философских и цивилизационных предпосылок, о стратегиях и тактиках построения многополярного мира в нашем обществе практически не ведется.

Складывается парадоксальная картина: Российская Федерация кладет в основу своей Оборонной доктрины и Концепции Национальной Безопасности принцип многополярности, но при этом совершенно не уточняет ни значение термина, ни содержание концепта, не говоря уже о разработке теорий многополярности. Складывается впечатление, что принципиальная декларация многополярности подвергается изнутри систематическому саботажу. Россия провозгласила ориентацию на многополярный мир, но не пояснила, что имеется в виду.

На мой взгляд, это происходит из-за существенного влияния агентов глобализма, атлантизма и Запада в российском обществе. Здесь не место подробно развивать генеалогию прозападных либеральных сетей в современном российском обществе: они дали о себе знать в последние периоды СССР, поднялись к вершинам власти в эпоху распада Советского Союза и стали основной прозападного, ликвидаторского режима Ельцина. При Путине они несколько маргинализировались, но в последнее время снова активизируются и претендуют на выработку основного стратегического курса России во внутренней и внешней политике (ИНСОП). Инерция перестройки и 1990-х, часть российской олигархической элиты, интегрированной в мировую систему, космополитический и либеральный сегмент в российских СМИ и образовательных структурах составляют питательную среду для сетей «цивилизации Моря» в самом центре heartland'а. Это геополитическая «пятая

колонна» и эффективное орудие «soft power» по блокированию геополитического возрождения России. Именно из этих кругов исходят регулярные попытки отказаться от принципа многополярности, признать однополярность и глобализм, а когда им это не удастся, обесмыслить тезис о многополярности или превратить его в нечто несостоятельное и бессодержательное.

### **Многополярность как концепт**

Если отвлечься от привычной размытости и неопределенности в трактовке многополярности в современной России (строго говоря, никакой трактовки вообще не существует), можно на основании принципов российской геополитики выделить несколько признаков, определяющих в самых общих чертах сущность этого концепта.

Многополярность как концепт складывается из следующих фундаментальных моментов:

1) Отказ от однополярной глобализации и развенчание претензий Запада на универсальность его ценностей.

Это предполагает в первую очередь систематическое философское усилие, которое показало бы ограниченность и внутренний этноцентризм, присущие западноевропейской, а в XX веке и американской культуре в самых ее основаниях. Западное общество исторически складывалось как общество, отождествлявшее свои ценности, идеалы, нормативы и принципы с универсальными. Начиная с IX века, Западная Европа постепенно размежевывалась со своими греческими корнями, создавая особую романо-германскую социокультурную систему, уже претендующую на универсализм и монополию на истину. Через средневековую схоластику, продолжившую эту линию, Западная Европа постепенно продолжила тот же самый подход и в философии Нового времени, заменив универсальность католической церкви на универсальность демократии, свободы, либерализма, а после Канта — «гражданского общества». Сами ценности, социальные и политические формы менялись, но



убежденность Запада в том, что именно европейское общество обладает монополией на истину, сохранялась и сохраняется по сей день. В этом проявляется культурный империализм и культурный расизм Запада, убежденного в том, что только западное общество является венцом цивилизации, а все остальные типы культур призваны ему подражать, его имитировать и ему следовать под страхом остаться вне «цивилизованного мира».

Такую претензию Запада на универсализм жестко критиковали русские философы-славянофилы, а еще более последовательно и глубоко — евразийцы 1920-х годов. И на самом Западе постоянно раздавались протесты против таких претензий на универсализм — от Шпенглера и Бергсона до Ф. Боаса, М. Мосса и К. Леви-Стросса. Начиная с 1980-х годов, философы-постмодернисты подвергли «универсализм» уничтожающей критике, показав, что все претензии Нового времени на демократию, равенство и толерантность есть завуалированные формы контроля, репрессивного подавления и исключения «другого».

Многополярность начинается именно с этого философского удара по убежденности западной цивилизации (геополитически — «цивилизации Моря») в том, что их ценности являются высшими, а их общество служит единственным образцом для подражания. Модернизация, осмысленная как вестернизация, должна быть отброшена на глубинном философском уровне. Поэтому многополярность должна начинаться с философской установки на плюрализм цивилизационных ценностей, культур, обществ, политических и религиозных форм. В основе всего должна лежать многополярная философия, высшим принципом которой является позитивное понимание различий, признание права на существование «другого» и отказ от расистских моделей оценки тех или иных социальных форм как низших или высших.

В этом вопросе русская философия может быть важнейшим подспорьем наряду с западными критиками «Заката Европы», социологами, этнологами, антропологами, постмодернистами. Не менее важно обратиться к философам стран Азии или иных

обществ, которые, со своей стороны, размышляли о балансе собственных ценностей и критиковали культурный империализм Запада.

## 2) Переход к мышлению в категориях цивилизаций.

Первый пункт логически приводит нас к необходимости признания плюральности цивилизаций и отношения к этому как к фундаментальному историческому факту, составляющему богатство человечества. Если различие цивилизаций и несет в себе потенциал конфликта, то мы видим, что конфликты не только возможны, но и реально присутствуют в западном мире, где противоречия между западноевропейскими державами (со сложной, в целом, системой ценностей) привели только в течение XX века к двум самым чудовищным и кровопролитным мировым войнам, которые только знала история. Согласие с тем, что на Земле одновременно может существовать не одна, а несколько параллельных цивилизаций с разной социальной парадигмой, не должно автоматически приводить к постулированию «столкновения цивилизаций» (как в случае С.Хантингтона). В такой перспективе — чисто негативной и конфликтологической — видит различия только универсалистская западноцентричная глобалистская мысль. Конфликт между цивилизациями столь же вероятен, как и конфликт внутри одной и той же цивилизации. Переход к признанию множества цивилизаций не гарантирует автоматически мира, но мирный диалог между ними вполне возможен и желателен.

Признание равнозначности цивилизаций открывает возможность разным обществам, культурам, религиям, политическим и экономическим системам свободно существовать, развиваться и изменяться. Глобалисты пытаются настаивать на том, что рыночная экономика, парламентская демократия и гражданское общество являются общеобязательными признаками любого государства, с которым Запад может иметь дело. Остальные зачисляются в

«государства-изгои» и становится «париями». Это блокирует любые попытки развития солидарных экономических систем, основанных на социальной справедливости, поражает в правах все, отличное от парламентаризма, политические системы и ведет к принудительному распаду религиозных общин и десоверенизации, а затем и ликвидации национальных государств.

Признав множественность цивилизации, мы предоставим возможность разным культурам и обществам широко экспериментировать в построении различных экономических систем — как на основе рынка, так и на иных принципах; создавать и реформировать политические системы на основе традиционных представлений или свободного выбора; сохранять или менять традиционные формы обществ и общин, не ориентируясь ни на какие жесткие нормативы социальной антропологии (кто-то может принять принципы гражданского общества на основе чисто индивидуальной идентичности, а кто-то может выбрать коллективные формы идентификации — этнической, религиозной, национальной и т.д.).

3) Определение стратегии интеграции и консолидации в рамках цивилизаций.

Многополярность предполагает интеграционные процессы по цивилизационным признакам. Иными словами, цивилизации чаще всего не совпадают с границами национальных государств, являются более широкими и масштабными, нежели страны. Исламская цивилизация включает в себя множество стран. Точно так же европейская цивилизация. Китайская цивилизация — шире, чем Китай, а индийская — чем Индия. В каждом конкретном случае интеграция может проходить по оригинальным сценариям, вытекающим из конкретных особенностей данной цивилизации. Общего сценария интеграции едва ли можно найти, но в каждом конкретном случае действует общая логика: переход от национальных государств с часто совершенно искусственными административными границами

к более сложным полицентрическим образованиям на основе субсидиарности и широких прав локальных и региональных автономий. Цивилизация в отличие от государства может предполагать широкое разнообразие внутреннего уклада, сложные федеративные и конфедеративные системы отношений. В некоторых случаях вполне можно представить себе зоны с двойной или даже тройной цивилизационной идентичностью, которые могут иметь отдельный особый статус.

Для России интеграция на цивилизационной основе предполагает воссоединение со странами СНГ на новой конфедеративной основе (наподобие предложенного Нурсултаном Назарбаевым в 1994 год Евразийского Союза). Но вместе с тем, общие цивилизационные черты есть у славянского мира Восточной Европы, а также у православных неславянских государств (Греция, Румыния, православная часть албанцев). Поэтому можно смело говорить о евразийской цивилизации, стратегическая и социальная интеграция которой будет естественной формой политического и социального выражения heartland'a.

#### 4) Построение цивилизационных альянсов.

Важнейшей стороной многополярности является определение стратегических осей, которые связывали бы между собой различные цивилизации, отличающиеся по основным признакам. Так для России в ее максимальном (евразийском) измерении можно предположить западную ось мирного сотрудничества с Евросоюзом (объединяющим уже сейчас страны европейской цивилизации). На юге можно предположить сразу несколько осей: Россия — исламский мир (арабские страны, Турция, Китай), Россия — Индия, Россия — Китай. На востоке — альянс с Японией, если, конечно, она сумеет выйти из-под геополитического контроля «цивилизации Моря», то есть США.

Оси альянсов между цивилизациями предполагают менее тесную связь, нежели интеграция внутри каждой из цивилизаций, но тем не менее их баланс должен служить залогом глобального многополярного равновесия.

Здесь важно дать определение полюса многополярного мира. Полюс многополярного мира это не просто страна, национальное государство. Это именно цивилизация.

В случае России как русско-евразийской цивилизации речь идет не только о РФ, но и всех примыкающих к ней зонах, объединенных историей, культурой, экономическим, социальным сходством, подчас религией, этнической близостью, социальными особенностями.

### **Логика построения многополярного мира**

На основе базовых принципов можно предложить ряд конкретных направлений действия для построения многополярного мира.

Необходимо:

1) Теоретически разработать фронтальную критику глобализации, универсализма, опровержение претензий Запада на то, что он выражает собой общую для всего человечества и единственную нормативную цивилизационную модель; вернуть Запад к его цивилизационным границам и к его локальной историко-географической среде, где его претензии оправданы, а его критерии приемлемы (территория Западной Европы, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии); разоблачить его несостоятельность в качестве всемирного образца. Это значит, что мы должны вступить с глобализацией концептуальную и семантическую систематическую войну. Следует учесть в вопросе теоретического оснащения философии многополярности всех — славянофилов (особенно поздних — К. Леонтьев, Н. Данилевский, В. Ламанский и т.д.), русскую религиозную философию (в частности, о. С. Булгаков и о. П. Флоренский), евразийцев (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Н. Алексеев, Л. Гумилев и т.д.), также критику Запада самими западными мыслителями (структуралистами, феноменологами, антропологами, экзистенциалистами, неомарксистами, консерваторами, постмодернистами и т.д.), а кроме того теории, созданные на Востоке, в исламском мире, в Китае, в Африке и Латинской

Америке. Эта идейная борьба имеет принципиальное значение. Теорий глобализации сегодня множество, но им практически нечего противопоставить на серьезном академическом уровне. Нам нужна теория, опровергающая глобализацию в ее основаниях, в ее идейных и исторических предпосылках.

2) Надо разработать теорию многополярности как альтернативу глобализации. Для этого следует тщательно описать цивилизации, имеющиеся в современном мире — евразийско-православную, китайскую, исламскую, индусскую, а также африканскую и латиноамериканскую, выделить их основополагающие интегрирующие черты, очертить ценностные системы, исследовать структуру социальной идентичности и базовые онтологические, гносеологические и антропологические установки. В этой работе следует обращать внимание на морфологию времени и пространства, картину мира, глубинные социокультурные архетипы, свойственные разным цивилизациям — на этом пути нас ждет много сюрпризов (антропологи и этносоциологи знают, что разные культуры имеют дело с совершенно различными формами времени и пространства, качественно отличающимися от тех, которые современным европейцам представляются единственными «очевидными», «реальными» и «объективными»).

При следует развивать связи с Евросоюзом, содействуя, по возможности, укреплению в Европе самостоятельной цивилизационной идентичности и геополитического самосознания, качественно отличных от США. Разделение нынешней атлантической цивилизации («цивилизации Моря») на два больших пространства (ЕС и США) существенно ослабило бы структуру однополярного мира, затормозило бы глобализацию и создало бы предпосылки для становления многополярности. Надо выработать теорию и практику региональной интеграции, так как для создания полюса необходимо объединить потенциалы несколько стран. В этом контексте важно сделать упор на концепцию «большого пространства», разработанную Карлом Шмиттом и ставшую сегодня чрезвычайно актуальной. Ни

одно национальное государство сегодня само по себе не сможет в одиночку сохранить свой суверенитет, сопротивляться давлению глобализации и однополярности.

3) Необходимо выстроить систему альянсов с потенциальными полюсами многополярного мира. Россия-Евразия как один полюс многополярности должна активно развивать отношения с другими потенциальными полюсами: Китаем, Индией, Евросоюзом, исламским миром, Африкой и Латинской Америкой. Здесь следует ожидать, что архитекторы однополярного мира постараются сделать все от них зависящее, чтобы сорвать эти альянсы и спровоцировать между ними конфликты по принципу «разделяй и властвуй». Так уже сегодня делаются попытки вбить клин между Китаем и Россией, Россией и ЕС, исламским миром и Россией, Индией и исламским миром и т.д. Необходимо трезво оценивать и скрупулезно анализировать стратегию тех сил, которые активно заняты строительством однополярного мира и являются субъектами глобализации. В этом случае каждая операция будет проходить не в безвоздушном пространстве, но в конкурентной и насыщенной осознанными игроками геополитической среде. Главными стратегическими партнерами России в среднесрочной и долгосрочной перспективе без сомнения являются Китай, Иран, Индия, Турция, страны арабского мира, Латинской Америки (Бразилия, Венесуэла, Боливия, Куба и т.д.). Все эти страны жизненно заинтересованы в том, чтобы сохранить свою цивилизационную идентичность и освободиться от американской гегемонии. Особое значение имеет деликатное выстраивание партнерства с Европой. Речь В. В. Путина в Германии о «Великой Европе от Лиссабона до Владивостока», воспроизводящая классические тексты континентальной геополитики, является позитивным и вдохновляющим примером этой евроконтиненталистской ориентации.

4) Необходимо развивать существующие институты многополярности и создавать новые. Наиболее серьезными и перспективными из существующих организаций сегодня являются Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС),

усиливающаяся за счет намеченного вступления Индии, Пакистана, Ирана, Афганистана и Монголии, и страны БРИК, куда входят Бразилия, Россия, Индия и Китай — державы, отличные по уровню своего развития и своему потенциалу как от стран «Богатого Севера», так и от стран «бедного Юга».

Надо постепенно превращать эти организации в военно-стратегические и экономические блоки, гарантирующие региональную военную, экономическую и энергетическую безопасность без вмешательства третьей силы (США, глобалистов, НАТО).

Для интеграции евразийского пространства надо развивать и укреплять Организацию Договора по Коллективной Безопасности в области военно-политического партнерства; Евразийское Экономическое Сообщество (ЕвразЭС) и Единое Экономическое Пространство (ЕЭП) в области экономической интеграции, союзное Российско-Белорусское Государство — как форму теснейшего политического объединения двух цивилизационно близких стран (пусть в настоящее время формальная сторона не соответствует реальностям — в любом случае это серьезное и внушительное приглашение к будущей евразийской конфедерации).

Чрезвычайно важно сотрудничество России с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и со странами Исламской конференции.

С Европой надо стремиться создать особый стратегический оборонный, энергетический и социокультурный альянс, который также может постепенно приобрести отчетливые институциональные формы. Здесь ось «Москва-Брюссель» должна быть приоритетной. Надо способствовать формированию у Евросоюза собственных вооруженных сил и самостоятельного ядерного потенциала. Ныне существующие общеевропейские структуры — такие как ПАСЕ не отвечают данной задаче, так как являются в целом выразителями атлантической тенденции и за счет усиленного контроля со стороны США над странами Восточной Европы отражают не столько собственно



европейскую позицию, сколько следует в логике «цивилизации Моря» и глобализации. России нужно думать об создании иных российско-европейских координационных структур.

Следует восстановить отношения с Ираном, являющимся важным стратегическим союзником России на юге Евразии. Особенно следует обратить внимание на эволюцию политики Турции, все более отклоняющейся от глобализации и США и начинающей сближаться со странами евразийской ориентации (в первую очередь, с Россией).

5) Во внутренней политике необходимо укреплять цивилизационную идентичность России, строить гармоничное общество на основе традиционных ценностей и готовить почву для технологического рывка. Если Россия утратит идентичность, то даже успешная модернизация будет бесполезна. Но, с другой стороны, если Россия не будет технологически развиваться, она утратит свою свободу, единство и независимость. Надо одновременно работать в двух направлениях: укрепление идентичности (социокультурный консерватизм) и активное технологическое развитие (технологическая и научная модернизация). Не следует противопоставлять эти понятия: сохранение идентичности невозможно без развития, а развитие будет бессмысленным, если мы утратим субъекта развития, то есть исторически укорененное и самобытное российское общество.

6) Чтобы строить многополярный мир следует в корне изменить ситуацию в образовании, культуре, СМИ, ценностных ориентирах российского общества. Цинизм, индивидуализм, материализм, стяжательство, эгоизм, космополитизм, насмешка над высокими духовными и нравственными идеалами разрушают наше общество, деморализуют целые поколения, подрывают социальные связи. Надо жестко противостоять этому. Россия сможет стать полюсом многополярного мира, только если будет осознавать себя полноценной цивилизацией со своим строго определенным набором ценностей. Эти ценности должны основываться на нашей истории и на нашей культуре — на

традиционных конфессиях России, в первую очередь, на Православии, на идеалах целостности, всеобщности, коллективной соборной антропологии.

### **Геополитика и выборы 2012 года**

В 2012 году нам предстоит выбирать президента. Нам нужен многополярный курс, направленный на укрепление нашей страны и нашей цивилизации. Нам нужна великая Россия. И выбирать следует только того, кто обязуется двигаться в этом направлении.

Достаточно неопределенности и произвольных фигур, искусственно навязываемых нам с помощью чисто технологических трюков. Президентом России в этот переломный период должен стать только тот, кто выведет Россию из сегодняшнего сложного и неопределенного положения и восстановит нашу мощь и величие в рамках справедливого, сбалансированного, гармоничного многополярного мира.

Но мы должны знать его имя и слышать от него ясно изложенные программные тексты, а не общие слова или загадочные намеки.

В 2012 году должен прийти к власти тот, кто возьмет на себя обеспечение России достойного геополитического будущего.

### **Библиография:**

1. *Бенуа де А.* Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
2. *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
3. *Бовдунов А. Л.* Россия как задание. М.: Международное «Евразийское Движение», 2010.
4. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада (The Death of the West). М.: АСТ, 2007.
5. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: УРСС, 2003.
6. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000.
7. *Дугин А. Г.* Геополитика. М.: Академический проект, 2011.
8. *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

9. *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.
10. *Дугин А. Г.* Основы евразийства. М.: 2002.
11. *Мэхэн А. Т* Влияние морской силы на историю. 1660-1783. М.: Воениздат, 1940.
12. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
13. *Ратцель Ф.* Народоведение. В двух томах. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.
14. *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
15. *Шмитт К.* Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб.: Владимир Даль, 2008.

# **АЛЬТЕРНАТИВА АМЕРИКАНСКОМУ ДИКТАТУ: В ПОИСКАХ ПОДЛИННОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ**

**Сейед Махмуд Реза Саджади**

Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в  
России

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Я хочу поблагодарить организаторов этого форума уважаемого профессора В.И. Добренькова, уважаемого А. Г. Дугина и других людей, благодаря которым состоялась данная конференция. После того, как я заслушал очень интересные выступления, я пришел к выводу, что и в самом деле таким образом можно действовать против «богов денег» и «богов земли». Я не специалист по политическим вопросам и по геополитике, поэтому я не буду глубоко вникать в суть этих понятий. Я только могу указать на ту концепцию, на основе которой Иран действовал в течение минувших лет и на основе которой он продвигался успешно вперед.

Из выступления уважаемого профессора мы узнали о том, как США очень мощно, целенаправленно и напористо продолжали проводить свою политику по всему миру. Эта политика побуждает человека размышлять о том, есть ли другой путь для свободолюбивых народов, не желающих следовать стезе, предложенной Америкой? Было сказано и о том, что даже европейские страны ничего не могут сделать для того, чтобы избавиться от этих интриг, и что в финансовых вопросах они зависят от Соединенных Штатов.

Я хочу сказать о том, что в течение минувших 33 лет иранский народ доказал то, что он может действовать против воле

«богов земли» и «богов денег». И поэтому не надо разочаровываться в грядущих перспективах человечества: напротив, мы должны быть уверены, что хорошее будущее наступит.

В 1978 году бывший президент США Джимми Картер во время своего визита в Иран отметил, что Иран является островом спокойствия и безопасности. Это означало, что американцы полностью контролировали Иран и были довольны успешной реализацией собственных планов в нашей стране.

А спустя всего три месяца в Иране началась одна из самых крупных революций в истории XX века. Мощная иранская армия оказалась не в состоянии остановить ход этой революции, и даже международный заговор против революции не свел ее на нет. Естественно, воле иранского народа противились и США, и Советы — были, впрочем, и другие политические силы в мире, которые выступали против этой революции. Помимо США, это были европейские страны, Израиль, некоторые арабские страны: все они были настроены негативно по отношению к революции в Иране.

Исламская революция победила в феврале 1979 года. В этот момент был заключен еще один международный сговор, целью которого было свержение нового революционного правительства в Иране. Поэтому Соединенные Штаты приступили к реализации своих сценариев, опробованных ими в различных точках мира. В иранских условиях они прибегали к помощи этих сценариев раз за разом. Это и подстрекательство этнических разногласий, и военное вмешательство, и террористические акты на территории Ирана.

Вы знаете, что когда Ирак напал на Иран, все мировые государства поддержали Ирак. А когда иракские войска уже были выведены из Ирана, начали действовать различные международные санкции. Естественно, на международной арене против Ирана была начата психологическая война.

Сейчас — несмотря на то, что Иран подписал соглашение о нераспространении ядерного оружия, и инспектора МАГАТЭ посещают иранские объекты, на которых установлены камеры

МАГАТЭ — Иран обвиняют в намерении создать ядерное оружие. В то же время некоторые страны, не подписывавшие такого соглашения, обладают ядерным оружием и проводят агрессивную политику. Но им не предъявляется никаких обвинений.

Однако у тех людей, которые сейчас посещают Иран, складывается совершенно иное представление об этой стране. Они убеждаются в том, что Иран — прогрессивное развитое государство этого [ближневосточного] региона. Иран — это страна, которая сумела сохранить свою независимость и проводит свою политику.

Мы считаем, что Исламская революция, которая произошла в Иране, предложила всему миру новую теорию: имя ей — религиозная демократия. Согласно этой теории, мощь и силу государство обретает благодаря единению народа, его подчинению духовному Лидеру и принятию к руководству Божественных принципов. В соответствии с данной теорией, ядерное оружие, или же мощная армия, или иные силовые полномочия не являются критерием могущества государства.

Мы полагаем, что аналог этой доктрины мы можем найти в книге профессора Дугина «Четвертая политическая теория». Хочу отметить, что не только Иран находится под влиянием этой книги и этой теории — она произвела впечатление и на интеллектуалов из окружающих стран.

В течение 60 лет арабские страны всегда делали территориальные и прочие уступки Израилю. Однако в последние годы из этого правила два раза было сделано исключение именно благодаря руководящей роли религиозной демократии. Так было, когда Израиль совершил нападение на юг Ливана и потерпел поражение от армии Ливана и от групп ливанского Сопротивления.

Израильская армия, гордившаяся тем, что всегда побеждала, была разбита силами молодых ливанских ребят в течение 33 дней. Второй раз это повторилось, когда Израиль напал на Сектор Газа и встретил сопротивление со стороны палестинского народа и движения ХАМАС.

Мы убеждены, что для построения многополярного мира нам необходимо наличие мощных полюсов силы. Это те полюсы, которые не подвергаются влиянию со стороны США, прибегающих к финансовым манипуляциям [для того, чтобы поставить какие-либо страны под контроль]. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что в таком [зависимом от Америки] положении находятся многие страны мира. И поэтому мы очень надеемся, что на социологическом факультете будут уделять больше внимания изучению религиозной демократии, пример которой мы можем наблюдать в Иране.

Благодарю вас!

# МИР ИЛИ ВОЙНА?

## Добреньков В. И.

Доктор философских наук, декан Социологического факультета МГУ  
им. М. В. Ломоносова

Уважаемые коллеги, друзья, гости, я сердечно приветствую вас всех в стенах Московского государственного университета, где сегодня собралось большое интеллектуальное сообщество и поставленные проблемы очень важные и актуальные. Что касается нашего факультета Московского университета, мы давно уже занимаемся проблемой стратегии развития России в XXI веке и, конечно, внешнеполитической стратегией развития России. Чтобы строить внешнюю политику в современном мире в России, нужно, прежде всего опираться на теорию геополитики и, прежде всего, точно определить основные тренды, которые существуют в современном мире.

Сегодня об этом идет речь. На мой взгляд — самый основной, доминирующий тренд, который определяет всю архитектуру международных отношений — это стремление США к мировой гегемонии. Он все определяет в этом мире. Что касается тренда многополярности, этот тренд существует, но только в зачаточном состоянии. Нужно поставить вопрос: Война или мир? Америка нуждается в войне, она хочет войны, но хочет ее не на своей территории. Потому что кризис, который сейчас существует, это не финансовый кризис, финансовый кризис организован самой Америкой, это кризис всей системы либерального капитализма, это тупик истории, это конец истории. Они не знают, что делать. Следующим оружием будет продовольственный кризис. Это будет бум, когда начнут бунтовать и бастовать народы, и его легко организовать, очень легко организовать. По этому поводу тоже есть множество публикаций со выкладками статистическими.



Но суть в том, что задача, которая стоит перед всеми странами — это остановить эту гегемонию. Остановить ее в буквальном смысле этого слова. Как это возможно? Можно ли договориться с Америкой? Никогда. Нельзя вообще в принципе. И все эти дипломатические реверансы — это сплошная иллюзия. Америка никогда не пойдет ни на какие компромиссы. У нее четко обозначенная цель, которая возведена в ранг государственной политики, об этом говорят сами американские лидеры. И ее можно остановить только силой. А это можно сделать, если будут созданы коалиции соответствующих государств. И Евразийский союз будет такой силой. Я всегда мечтал о том, чтобы были такие мощные государства, как Россия, Китай, Иран, вообще я считаю, мусульманские страны это союзники России. Это мое твердое убеждение. Потому что западный мир — это секуляризованный мир, без религиозный мир, который несет полное духовное опустошение. Россия тяготеет к православию, Иран тяготеет к исламу, это религиозные нации, где сохранены традиционные духовные ценности. И в этом смысле мы ближе друг к другу, чем к Западной цивилизации, если иметь в виду Европу и США. Поэтому, я восхищен тем, что говорил Александр Гельевич по поводу теории многополярного мира.

Но я думаю, что не доживу до этого, пока мир будет устроен на пять регионов, цивилизаций и т. д. Я прагматик, я считаю, что сейчас мир должен решать самую главную проблему - остановить Америку. Нужно, чтобы политики прозрели. Меня всегда удивляет, когда по телевидению или в газетах пишут, что вступает Россия в НАТО или имеет к этому альянсу какое отношение ... Только параноик может утверждать, что мы можем в принципе найти общий язык с НАТО. Организация была создана против России, и вместе с тем мы должны что-то с ней обсуждать и т. д. Мы распустили Варшавский договор, следовательно, нужно ставить ультиматум, чтобы распускал НАТО. Я считаю, что нужно быть более агрессивным, в правильном понимании, во внешней политике. А мы

слишком проявляем свою слабость. Раньше Советский Союз категорически заявлял при необходимости, и это имело эффект. А сейчас мы даже слова-то боимся произносить такие. Тем более, государственные деятели. Мне приходилось общаться с депутатами Госдумы, которые занимаются внешней политикой, и они боятся что-либо говорить, хотя очевидно, что у народа другая точка зрения. Я приезжаю Орловскую или Смоленскую область и говорю с простыми людьми. Простой народ все понимает, что происходит в мире, и дает правильную оценку. А у нас государственные люди пытаются затуманить глаза. Это парадоксальная ситуация. Потому что Америка нашу элиту привязала к себе. Государственные запасы там хранятся. Во-вторых, там наша вся наша политическая и финансовая элита имеет счета, там у них виллы и недвижимость. Если что произойдет, они сразу же уедут из России. Ситуацию нужно менять. Надо больше говорить о практической направленности политики. На мой взгляд, Путин должен изменить содержание внешней политики, более четко создать вектор, хотя всегда была более многовекторная внешняя политика. Но приоритеты необходимо обозначить. Америка не может быть союзником, Америка была, есть и будет врагом России на 100%. А мы не хотим признать это и произнести вслух. На самом деле это абсолютно однозначно. Не может быть никакого примирения.

Я в этом смысле пессимист, т. к. мы сидим на пороховой бочке. В любое время может вспыхнуть война. Америка не начнет сама войну, она начнет войну там, в арабском мире, или еще где-нибудь. Но я удивляюсь, что мы иногда не понимаем одну такую вещь. Война уже идет полным ходом. Она никогда не прекращалась. Говорят, что это Холодная война. Идет информационно-психологическая, сетевая война, объектом которой, как Дугин говорил, является сознание человека. Она идет, и можно будет потом любую страну занимать без войска. А мы думаем, что ничего не происходит. Это потому, что у нас нет четкой концепции информационной безопасности,

защиты, нет четких действий в этом отношении. Молодежь России брошена на произвол. В духовной сфере происходит разложение.

Сейчас на политическом горизонте нет другой фигуры, кроме В. В. Путина. Это Очень информированный, компетентный человек в политическом отношении, любящий Россию. Заявивший в Мюнхене о том, что он отстаивает курс независимого развития России и самостоятельности. Это очень важная позиция.

Хотя я не совсем согласен, что национальные государства должны исчезать. Я бы даже усилил национальные государства их государственный и духовный суверенитет. Пока еще рано говорить об их исчезновении. Потому что либеральная глобализация, которую осуществляет США, ставит своей целью ликвидацию национального государства и национальной культуры. Мы должны сопротивляться этому. Это тот рубеж, который они не должны побороть.

Уважаемые коллеги, конечно же, все, кто собрался здесь, это люди, которые размышляют над судьбой мира, над судьбой России, других стран и т. д. У нас нет другого оружия, кроме дискуссии, выступления, мы пишем статьи, пишем книги. И мы надеемся, что нас услышат и власть имущие, услышит простой народ простой, потому что очень важно формировать общественное мнение, которое имеет очень большую силу. Поэтому такого рода мероприятия очень полезны, потому что мы вдохновляемся и развиваемся сами в определенном смысле. И несмотря на некоторый пессимизм, который я высказал, я хочу сказать, что мы должны верить в будущее. Надежда никогда не должна покидать нас. А самое главное, я верю в Господа Бога, что Бог на стороне добра, и зло никогда не победит.



*Международная научная конференция*

*«Геополитика многополярного мира»*

**ДОКЛАДЫ И ТЕЗИСЫ**

# **ИСЛАМ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИДЕОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

**Аджиев А. И.**

Аспирант кафедры политологии Ставропольского  
Государственного Университета

В последние десятилетия широко распространилась практика использования идеологии, основанной на искажении смысла толкования религиозных постулатов, известной как религиозно-политический радикализм. Являясь объектом данной идеологической экспансии, Северный Кавказ вызывает определенный интерес со стороны лиц, заинтересованных в дестабилизации региона. Очевидную роль в эскалации напряжения на Северном Кавказе играют определенные неправительственные международные религиозные организации. В достижении своих целей они используют методы близкие к экстремистским. Большинство таких организаций, называющих себя мусульманскими, посвятили свою деятельность не идее распространения религиозного сознания, а политической борьбе за власть и собственному влиянию в массах. Особенности данного региона способствует таким процессам. В использовании экономического потенциала Юг России значительно отстает от среднероссийских показателей. Уровень безработицы, в 5—7 раз превышающий ее средних показателей по России, создает благоприятные условия для привлечения местного населения в такие организации. Как следствие, сегодня состав участников лево-радикального движения является преимущественно молодым по возрасту. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, без-

работных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.). По данным Национального антитеррористического комитета, возраст 80 % экстремистов, преступная деятельность которых была пресечена за последние 4-5 лет, составлял менее 30 лет<sup>1</sup>. Принимая данные обстоятельства во внимание, необходимо заострить внимание на причинах, побуждающих молодежь вступать в такие организации.

По уровню этнополитической напряженности в стране, регион лидирует среди прочих. Здесь сосредоточены основные российские межэтнические конфликты и сепаратистские движения. В преодоления отрицательных тенденций государство заинтересовано в стабильном обществе и его поступательном развитии, в осуществлении сопротивления внешним раздражителям. Проведение реформ и преобразований зависит, главным образом, от политических предпочтений, установок и норм поведения местных управляющих элит, которые традиционно занимают особую роль в регионе.

Нынешняя взрывоопасность северокавказского региона объясняется, в том числе, и тем, что традиционный ислам здесь подвержен внешним и внутренним дестабилизирующим влияниям. Традиционный ислам ослаблен в связи со всеми историческими коллизиями, имевшими место в ходе пребывания мусульманских народов Северного Кавказа сначала в составе Российской империи, а затем и Советского Союза, в результате чего образовался религиозный вакуум. Официальная исламская структура также понесла ощутимый урон в ходе постигшего ее кризиса, связанного с распадом существовавших в Советском Союзе духовных управлений мусульман, в том числе ДУМ Северного Кавказа<sup>2</sup>. Современное состояние мусульманского

---

<sup>1</sup> «Северокавказский терроризм в контексте национальной и региональной безопасности России», Добаев Игорь, профессор Южного федерального университета, доктор философских наук, Ростов-на-Дону, <http://geopolitica.ru/Articles/1148/>

<sup>2</sup> «Исламский радикализм в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе», Добаев Игорь, профессор Южного федерального университета, доктор философских наук, Ростов-на-Дону, <http://www.ca-c.org/journal/rus-06-2000/09.doba.shtml>

сообщества региона указывает на то, что его фактический раскол на традиционалистов и радикалов, в некоторых случаях смыкающихся с экстремистскими элементами, продолжает увеличиваться, не смотря на поддержку правительством традиционно ориентированных священнослужителей. Тем не менее, укрепление позиций традиционного духовенства, совпавшее с действиями правоохранительных органов против радикально настроенных имамов, ведет к дальнейшей деинституализации экстремистских организаций, ослабеванию их влияния.

Наименее разработанный блок — информационно-пропагандистский и разъяснительные работы. Борьба «за умы» является трудоемкой составляющей антитеррористической стратегии и требует индивидуального внимания. Для усиления идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы на этом направлении Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2008 г. утвержден Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 — 2012 годы<sup>1</sup>, включающий борьбу на Интернет площадке. Министр внутренних дел Рашид Нургалиев заявил на выездном заседании межведомственной комиссии по противодействию экстремизму, проходившей в Хабаровске 3 августа 2011г., что в русскоязычном Интернете беспрепятственно действуют 7.5 тысячи экстремистских сайтов<sup>2</sup>. Затруднение в их ограничении заключается в том, что в основной массе эти сайты зарегистрированы на зарубежных серверах. Учитывая данный факт, вопрос о регулировании информационной сферы остается актуальным.

---

<sup>1</sup> «В Адыгее расширяют информационное поле для противодействия экстремизму», официальный интернет сайт республики Адыгея, [adygheya.ru>press/news/show/?newsid=1248](http://adygheya.ru>press/news/show/?newsid=1248)

<sup>2</sup> Официальный сайт ГУ МВД РФ по Дальневосточному федеральному округу, <http://www.mvddfо.ru/MVD/novosti/ministr-vnutrennih-del-rossii-provel-soveschanie-v-habarovske>



Зачастую экстремистами применяются методы, использовавшиеся ранее и имевшие положительные результаты в других странах. В противостоянии таким методам может помочь опыт, имеющийся в международной практике. В общем ракурсе рассмотрения, он заключается в совершенствовании антитеррористического законодательства, укреплении национальных спецслужб, вскрытии и пресечении каналов финансирования терроризма, а также проведении информационно-пропагандистской и разъяснительной работы среди различных слоев населения<sup>1</sup>.

Снижение внутренних конфликтогенных факторов в северокавказском регионе, способствует ослаблению проявления “внешнего фактора”, продуцируемого геополитическими интересами акторами международных отношений.

---

<sup>1</sup> «Северокавказский терроризм в контексте национальной и региональной безопасности России», Добаев Игорь, профессор Южного федерального университета, доктор философских наук, Ростов-на-Дону, <http://geopolitica.ru/Articles/1148/>

# **ИНКЛЮЗИВНОЕ РАЗВИТИЕ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПО-АМЕРИКАНСКИ**

**Бирюков А. В.**

Кандидат исторических наук, г. Москва

1. На рубеже XXI века США выступили инициатором эпохальной инновации — глобализации, которая стала важнейшим фактором ускорения развития этой сверхдержавы. Глобализация и рост мощи США оказались взаимосвязанными и взаимобусловленными процессами. Поэтому вовсе не случайно в политологической литературе встречается словосочетание «глобализация по-американски», которое отражает особенности глобализации на этапе ее становления. Эти особенности заключаются в субъективном понимании глобального приоритета, когда интересы человечества по существу приравняются к интересам США и окружающих их авангардных развитых стран Запада. В реальности это означает игнорирование интересов других государств и проведение политики их подчинения и использования в качестве объектов эксплуатации. В этих условиях именно имперское мышление американской политической и деловой элиты стало идейной основой глобализации по-американски.

Представляется весьма удачным ход организаторов конференции, предоставивших первое слово известному американскому политологу Уильяму Энгдалю, который очень ярко, на конкретных примерах продемонстрировал стратегию США, которая всегда была нацелена на реализацию имперских амбиций, еще задолго до эпохи глобализации, а с ее наступлением эта закономерность американского подхода только усилилась.

В этой связи хотелось бы напомнить, что в 2001 году Джордж Буш старший, будучи президентом США, заявил: «Наша страна будет определять обстоятельства своего времени, а не они будут вершить ее судьбу». Прямо-таки американский вариант одиннадцатого тезиса о Фейербахе, который в свое время предложил Карл Маркс, который, как известно, утверждал, что «не только обстоятельства творят людей, но и люди творят обстоятельства». Вовсе не случайно, у нас на конференции появилась тема «теории заговора», когда какие-либо события исторического процесса объясняют результатом влияния субъективного фактора. Действительно, американцы располагают мощностью для того, чтобы «творить обстоятельства» в собственных интересах в разных регионах мира.

2. Последние десять лет прошлого столетия ознаменовались не только распадом одной сверхдержавы и невероятным усилением другой, но и ростом неравномерности развития стран мира, ведущей к их поляризации. Казалось бы, глобализация создает условия для того, чтобы все могли воспользоваться плодами общественного прогресса, достижениями науки, новыми технологиями с тем, чтобы «выровнять игровое поле в экономической и политической областях». Однако процесс выравнивания, который, безусловно, имеет место, происходит одновременно с доминирующим ростом числа беднейших стран, многие из которых превратились в государства-изгои. Эти страны остаются на обочине научно-технического прогресса в годы, когда он становится основой успешного движения вперед, наращивания национальной мощи, обеспечения благосостояния своих граждан. В результате имеет место социальная несправедливость - с одной стороны, происходит концентрация благополучных, богатых, технологически насыщенных, стареющих стран, а с другой стороны растет число стран, находящихся в замкнутых кругах нищеты, безысходности, технически дремучести и перенаселенности. Эта опасная тенденция ведет к колоссальному усилению социальной напряженности в мире.

Сегодня социальная напряженность выливается в политическое противостояние, политическую конфронтацию и даже политический терроризм, направленный на уничтожение несправедливости в опоре на собственные варварские способы. Завтра социальная несправедливость может привести к «столкновениям цивилизаций», но не исламского и христианского мира в чистом виде, о которых в свое время писал С. Хантингтон, а цивилизации бедных и отсталых и цивилизации богатых и передовых. Это, наверное, самая большая угроза современного мира. Когда тылы безнадежно отстают, армия проигрывает. Думается, что указанная угроза имеет приоритет перед другими вызовами и опасностями современности, во многом обуславливая их.

3. Научно-технический прогресс парадоксальным образом превратился в фундаментальный водораздел в глобальном мире, который также воздействует на все остальные вызовы и угрозы. В начале XXI века прогресс в био- и нанотехнологиях, их сочетание с прорывными результатами информационных и когнитивных технологий, а также технологий, нацеленных на создание новых материалов, все глубже влияют на человеческую цивилизацию. Достижения в области науки и образования, техники и технологий и их трансформация в инновации как никогда прежде начали определять динамику развития государств, их конкурентоспособность в мировом сообществе, степень обеспечения национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику. Место государства на глобальном рынке наукоемкой продукции, его доступ к современной информационной инфраструктуре, системам образования и подготовки кадров, опора на инновационную модель роста становятся ключевыми условиями благосостояния граждан такого государства на длительную перспективу.

НТР оказывает влияние на процесс поляризации государств. Несмотря на ожидание «спасительных технологий», которые помогут преодолеть разрыв в развитии, пропасть между передовыми и отстающими расширяется и углубляется. Возьмите

хотя бы проблему цифрового разрыва, связанного с распространением ИКТ. Очень скоро стало ясно, что для эффективного использования этой инновационной технологии необходимы соответствующие инфраструктура, система образования, развитое законодательство и даже определенная культура пользования. Без этих компонентов общества оказываются не готовыми для эффективного использования ИКТ. И действительно, через десять лет после Окинавской хартии о глобальном информационном обществе 2000 года, которая поставила задачу обеспечения равного доступа к ИКТ и сокращения цифрового разрыва, информационно-технологическая пропасть между авангардными развитыми странами и отстающими странами значительно увеличилась. Это означает, что природа неравномерности обусловлена политико-экономическими, а не научно-технологическими факторами, несмотря на их возрастающую общественную влияние.

4. «Глобализация по-американски» превратилась в «дьявольский насос», о котором не раз говорил наш великий соотечественник Никита Николаевич Моисеев. Авангардные развитые страны продолжают устранять препятствия, обусловленные суверенитетом, на пути свободного движения товаров, услуг, капиталов, технологий и людей. Они, например, пытаются свести к минимуму значение государственных границ, таможенных барьеров и других процедур, влияющих на такое перемещение. При этом они действуют, исходя из собственных интересов, поэтому препятствия устраняются выборочно и возводятся новые барьеры для того, чтобы фильтровать потоки товаров, услуг, капиталов, технологий и людей. Повсеместное распространение получают распространяемые развитыми странами интерпретации невозможности сохранить секреты и защитить интеллектуальную собственность в глобальном масштабе из-за нарушения правил технологического обмена, интеллектуального пиратства и промышленного шпионажа, нелегальной торговли оружием. Как будто весь негатив исходит

только из стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, хотя фактов, свидетельствующих о том, что перечисленные явления нередко берут начало в развитых странах, имеется достаточно. Во всем неслучайно в развивающихся странах чрезвычайно популярен тезис об исторической вине государств, бывших в свое время колониальными державами и проводивших политику бесцеремонного и наглого ограбления стран периферии, да и неоколониализм попросту стимулирует неэквивалентность обмена. Поэтому во многих проблемах современности, включая перечисленные выше, существенная доля вины приходится на сами развитые страны.

5. Чтобы выжить, человечеству необходима смена парадигмы обеспечения глобальной безопасности, которая должна быть связана, прежде всего, с трансформацией глобализации по-американски и отходом от однополярного мироустройства. Необходимо укрепление ценностей, которые принесут интегративная гуманистически-ноосферная глобализация и многополярный мир. Разработчиками этого типа глобализации являются Борис Николаевич Кузык и Юрий Владимирович Яковец. Они систематизировали и проанализировали основные вызовы и угрозы XXI века и пришли к выводу, что демографический вызов, экологический императив, технологический переворот, экономические трансформации, политическая модернизация и переход к интегральному социально-культурному строю как никогда требуют смены модели развития и оптимизации процесса глобализации. Представляется чрезвычайно важным, что предложенный тип глобализации подходит к развитию человечества комплексно, ставя во главу угла глобальный приоритет и социальную справедливость. Авторы предлагают в качестве «главного звена, которое вытянет всю цепь глобализации» научно-технический прогресс. По их обоснованному мнению, чтобы соответствовать высокой миссии главного звена необходимо интенсифицировать процессы гуманизации, экологизации и демилитаризации НТП.

6. Не менее важна опора на глокализацию как оборотную сторону глобализации, которая исключает возможность попадания в ловушки унификации и утраты идентичности — хронические болезни глобализации по-американски. На Тайване, где в буквальном смысле слова исповедуют глокализацию, трактуют ее как сочетание плюсов глобализации, которые позволяют «выравнивать игровое поле», с региональными, национальными и локальными особенностями. Опора на глокализацию позволила превратить Тайвань в «силиконовый остров». Разумеется, это произошло в результате строительства т.н. конфуцианского капитализма, который имел ярко выраженный интегративный характер, объединяя энергию рыночной экономики и мудрость конфуцианского понимания общественной жизни.

Концепция инклюзивного развития, между прочим, тоже родилась в Китае и, как представляется, является весьма успешной попыткой осмысления глобального приоритета в качестве основы плодотворного и справедливого развития международного сообщества и отдельного государства. Инклюзивное развитие подразумевает собой модель глобализации, в условиях которой абсолютно доминирует «выравнивание игрового поля», ведущее к сокращению дисбалансов и равномерному распределению благ экономического роста. Кроме, того оно подразумевает демократизацию международных отношений и создание справедливого политического и экономического миропорядка, где государства уважают многообразие цивилизаций и осуществляют равноправное взаимовыгодное сотрудничество и вместе противодействуют новым вызовам и угрозам. Это позволило бы сформировать новую многополярную систему международных отношений и подтолкнуло бы к образованию новых политических и экономических центров влияния и мощи.

7. Этот подход к глобализации взяли на вооружение государства БРИКС, которые в Декларации своего последнего саммита в китайском городе Санья 14 апреля 2011 года заявили, что «XXI век должен характеризоваться миром, гармонией,

сотрудничеством и научно обоснованным развитием». Члены БРИКС зафиксировали важность укрепления партнерства в соответствии с принципами открытости, солидарности и взаимопомощи, а также развития сотрудничества инклюзивного характера.

В парадигме инклюзивного развития государство рассматривается в глобальном контексте, который играет важнейшую роль с точки зрения развития. В свое время, еще в период правления Дэн Сяопина, в Китае был принят на вооружение политический курс «открытость значит развитие». Он был актуальным, поскольку при всех возможных издержках масштабного прихода в страну иностранного капитала вместе с ним поступали опыт организации современного бизнеса, относительно передовые технологии, уникальные квалификации, важные импульсы реформирования национальной системы высшего образования, банковской системы, формирования институциональной среды, необходимой для оптимального функционирования рыночной экономики.

Однако обменивая в течение 20 лет рынок на технологии, элита Китая, быстро превратив страну в промышленный центр мирового значения, пришла к выводу, что открытости недостаточно. Источники иностранного капитала имеют собственные интересы, нередко вовсе несовместимые с национальными интересами страны-реципиента, которая не получала ожидаемые результаты. Отсюда был сделан вывод: в процессы глобализации научного и инновационного развития необходимо включаться на основе собственных идей и разработок, выращивать собственных лидеров на приоритетных направлениях, изменить сложившейся потребительский стиль взаимоотношений с зарубежными университетами, научными центрами и ТНК. Поэтому уже в 2007 году на XVII съезде КПК перед обществом была поставлена задача перехода к эндогенному инновационному развитию.

8. В центре инклюзивного развития стоит человек, поэтому приоритетными направлениями здесь являются все аспекты его



жизни и деятельности, включая культуру, образование, здравоохранение, науку, трудоустройство, социальное обеспечение, творчество. Поэтому в странах должны формироваться такие модели общественного развития, которые создавали бы социальную гармонию и стабильность, а экономический рост опирался бы главным образом на научно-технический прогресс, неуклонно повышали бы культурный уровень трудящихся, а характер управленческой работы был бы действительно инновационным. Трансформация модели экономического развития, содействие оптимизации и модернизации экономической структуры, обеспечение согласованного развития экономических и социальных сфер — все это предъявляет более высокие требования к культурному и образовательному уровню трудящихся. Можно сказать, что в инклюзивном развитии политическая и гуманитарная модернизация по своей значимости равноценна экономической и технологической трансформации, поскольку самым важным компонентом развития выступают адекватные человеческие ресурсы — члены гражданского общества.

В этой связи образование является основой всего дела. Это обуславливает особенное внимание вопросам образования: модернизировать его согласно требованиям формирования обучающегося общества, внедрять систему образования в течение всей жизни, обеспечивать доступность образования для представителей разных слоев общества, гарантировать законное право граждан на получение образования, воспитывать высококвалифицированных специалистов, растить выдающихся и творческих людей.

9. Глобальная академическая революция подтверждает инклюзивный характер мирового развития. Полным ходом происходит демократизация высшего образования — число студентов быстро возрастает по всему миру. Наблюдается подъем инженерного образования в развивающихся странах. Открывается перспектива трансформации «утечки мозгов» в «циркуляцию умов». В этих условиях глобальный технологический

трансфер, оставаясь могучим инструментом политико-экономического доминирования авангардных развитых стран в мире, при грамотной национальной политике может стать важнейшим фактором развития эндогенных технологий. Эта тенденция, думается, будет неуклонно развиваться в условиях все более активного участия развивающегося мира в глобальном инновационном процессе. В рамках глобального информационного общества в практическую плоскость встал вопрос интернационализации интернета. Все это меняет картину мирового порядка, который исключает доминирование одного полюса в обеспечении глобальной безопасности и предполагает многополюсную структуру, на знаменах которой написано партнерство и сотрудничество.

# ДИСКУРС МНОГОПОЛЯРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

**Бовдунов А. Л.**

Аспирант кафедры Социологии международных отношений  
Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Для российской геополитики в настоящее время свойственно рассматривать страны Восточной Европы в качестве зоны непосредственного влияния США. Влияние России в них после распада Советского Союза резко уменьшилось, обиды недавней истории, претензии, выдвигаемые к нашей стране со стороны лидеров этих государств, не содействовали дальнейшему улучшению отношений. Элиты восточноевропейских стран, за исключением Сербии, которая только в 2000-х присоединилась к этому тренду, взяли строгий курс на вхождение в НАТО и ЕС.

Однако по мере интеграции в европейские и евроатлантические структуры, непосредственное соприкосновение с Западом вызвало и противоположную тенденцию. Миры Восточноевропейских стран и мир Запада оказались слишком разными, та социокультурная система, куда восточноевропейцам пришлось интегрироваться, для многих оказалась неприемлемой, а их роль на международной арене слишком подчиненной интересам США и западноевропейских стран, чтобы удовлетворять как часть элит, так и мощные контрэлиты<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> *Krastev I. The Anti-American Century? // Journal of Democracy. April 2004. Volume 15, № 2. P.5-16.*

В последнее время в Восточной Европе, как отмечают многие аналитики, происходит рост настроений евроскептицизма и разочарования в либерально-демократической системе, в тех ценностях, которые открыто проповедают США и их союзники. Образ Европы, как замечают сами западные исследователи, теряет свою привлекательность для восточноевропейцев<sup>1</sup>. Если в политическом плане эта тенденция зачастую выражается в росте поддержки популистских движений и их лидеров, то в плане интеллектуальном — появлением оригинальных геополитических и мировоззренческих концепций, отстаивающих идеи альтернативные однополярной глобализации, отвергающие стратегическую ориентацию на США и ЕС, неприемлющие насаждение свойственных современным странам Запада ценностей «чувственной культуры», в которой ведущее место отводится материальной составляющей человеческого существования, процветает культ комфорта и удовольствий, эгоизма и взаимного отчуждения<sup>2</sup>. Эксперты ИНИОН РАН отмечают, что движущей силой определенного «разочарования в Западе» в восточноевропейских странах служат нерешенность социальных проблем, а также несоответствие ценностей Европы в эпоху постмодернистского «конца истории» традиционным и неспособность самой Западной Европы принять в себя восточноевропейцев<sup>3</sup>. Как отметил американский историк Ларри Вульф, занимавшийся изучением возникновения самого понятия «Восточная Европа», Восточная Европа традиционно выполняла функции своеобразного «Другого» для Запада, необходимого при конструировании идентичности самих западно-

---

<sup>1</sup> Поллак Д. Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы / Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М., 2005. С. 10

<sup>2</sup> Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 428-433

<sup>3</sup> Национализм и популизм в Восточной Европе. М.: 2007.

европейцев<sup>1</sup>. Процесс интеграции восточноевропейских стран в межгосударственные и надгосударственные структуры Запада только усилил эту тенденцию. По мнению английского исследователя Томаса Диеса, если ранее Европа пыталась выстроить свою идентичность, отталкиваясь от фигуры темпорального «Другого» (после Второй мировой войны таким «Другим» стало само европейское прошлое), то с «поднятием железного занавеса», отрицаемое прошлое воплотилось в странах Восточной Европы<sup>2</sup>. Отдельные авторы, в частности канадский геополитик эстонского происхождения Мери Куус, полагают, что исследования относительного геополитики и социологии Восточной Европы должны более активно применяться наработки теории постколониализма<sup>3</sup>, имея ввиду не выход из советского или российского «колониального господства», а уникальную ситуацию, при которой к странам и народам Восточной Европы Запад применял и применяет точно так же, как к бывшим в орбите его колониального влияния странам Востока, стратегии ориентализма, как особого культурного кода, освящающего и оправдывающего колониальное и неоколониальное господство, описанного американским ученым арабского происхождения Эдвардом Саидом<sup>4</sup>. Восточная Европа продолжает оставаться внутренним «Другим» для стран Запада, обреченным на подчиненное положение, вынужденным постоянно учиться и «цивилизироваться», тогда как с внешним «Другим» все давно ясно — это мусульманские государства (прежде всего Турция) и Россия<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35.

<sup>2</sup> Diez T. Europe's Others and the Return of Geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. July 2004. Vol. 17, №2. P. 319 — 336.

<sup>3</sup> Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography. 2004. №28. P. 472-489.

<sup>4</sup> Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006

<sup>5</sup> Neumann I. B. The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.

Восточная Европа — это «Другой» Европы и Другая Европа. Несмотря на то, что политическая элита стран региона в большинстве своем настроена проамерикански, интеллектуальные концепции, предлагающие альтернативу как геополитической ориентации на Запад, так и встраиванию в современную западную социокультурную систему, имеют место быть. Главной их составляющей является отвержение идеи однополярного мира во главе с США и Западом в целом, а также признание права самих восточноевропейцев и жителей других регионов мира на альтернативу, на строительство нового, более справедливого, многополюсного миропорядка. С точки зрения национальных интересов России, недвусмысленно провозгласившей в собственной «Стратегии национальной безопасности до 2020 года» движение в сторону многополярного мира своим стратегическим приоритетом<sup>1</sup>, рассмотрение многополярных геополитических проектов, созданных интеллектуалами геополитически важного региона Восточной Европы, могло бы стать одним из шагов на пути институционализации такой системы.

### **Сербия — геополитика Балканского Хартленда**

Среди интеллектуалов, которые развивали и развивают идеи многополярности в Сербии, можно отметить ныне покойного философа и художника Драгоша Калаича, главного редактора газеты «Геополитика» Слободана Ерича, доктора Смиля Аврамову, члена Сената Республики Сербской, редактора журнала «Национальная стратегия» Милоша Кнежевича, американо-сербского геополитика профессора, доктора Срдьа Трифковича, сотрудничающего с палеоконсервативным американским изданием *Chronicles*, философа и публициста Марко Марковича, генерала Радована Радиновича, географа Миломира Степича и многих других. Главным отличием сербских авторов, выступающих с позиций многополярного мира, является ориентации

---

<sup>1</sup> Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

на Россию, сербский национализм, антизападничество. В основном затрагиваются проблемы, которые касаются непосредственно Сербии и Балкан, взаимоотношений России и Сербии, НАТОвской агрессии против Сербии, распада Югославии и т.п.

Одним из крупнейших изданий, посвященных геополитическим проблемам, является журнал «Геополитика», на его страницах публикуются сербские и иностранные авторы, выступающие с анти и альтерглобалистских позиций, геополитики континенталистской школы. Пользующееся большой популярностью издание можно считать одним из самых успешных геополитических проектов, направленных на продвижение геополитики многополярного мира на востоке Европы. Как отмечает его главный редактор Слободан Ерич, в своем интервью информационно-аналитическому изданию Фонда исторической перспективы: «В мире появились новые экономические доминанты — Китай, Индия, Бразилия. Мир становится многополярным и в политической, и в экономической плоскости, на этом фоне особенно дико и абсурдно выглядят диктаторские поползновения НАТО, не только неоправданные, но и не рациональные»<sup>1</sup>. В этих условиях, Ерич призывает к более тесным контактам с Россией (что свойственно всем сербским патриотам).

Географ и геополитик, Миломир Степич, подробно разбирая процесс расширения НАТО и его влияние на геополитическую позицию Сербии, приходит к выводу, что, несмотря на прозападную риторику сербских политиков, расширение и укрепление НАТО наносит удар по национальным интересам, как Сербии, так и России<sup>2</sup>. Наблюдаемое в течение 20 последних лет территориальное сдавливание и фрагментация сербского

---

<sup>1</sup> Столетие. Слободан Ерич: Сербия должна перестать оглядываться на Запад. URL: [http://www.stoletie.ru/slavyanskoe\\_pole/slobodan\\_erich\\_serbiya\\_dolzha\\_perestat\\_oglyadivatsya\\_na\\_zapad\\_2009-04-06.htm](http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/slobodan_erich_serbiya_dolzha_perestat_oglyadivatsya_na_zapad_2009-04-06.htm)

<sup>2</sup> *Степич М.* Сербия и расширение НАТО // *Геополитика*, 2011. Выпуск X. С. 18-41.

пространства на Балканах (последними этапами которого стало провозглашение независимости «Республики Косово» и отделение Черногории), активное участие в котором принял Запад, и прежде всего США и НАТО, имеет геополитический контекст. «Подобная позиция лишь отчасти проистекает из этнонациональной, религиозной и культурно-цивилизационной родственности сербов и русских, сходства исторических наследий, государствообразующих циклов и идеолого-политического опыта. Суть в геополитической аналогии:

А) и русское и сербское пространства унаследовали теллу-рократическую (сухопутную геополитическую идентичность);

Б) тем, чем русский фактор является в мировом и евразийском планах, сербский фактор является на Балканах<sup>1</sup>. С его точки зрения противостояние Запада Сербии объясняется, прежде всего, атлантистской стратегией установления контроля над Хартлендом, которым в общеевразийском и мировом контексте является Россия, а в масштабе Балкан — Сербия.

Другой сербский международник Деян Миревич в качестве наиболее выгодного для Сербии варианта развития рассматривает приоритетное сотрудничество с Россией и через нее со странами «старой Европы», Францией и Германией, альтернативами этому пути могут быть изолированное, самостоятельное развитие, невыгодное из-за катастрофических последствий для экономики и нации в целом, либо ориентация на США, в результате чего Соединенные Штаты будут истощать экономику Сербии и окончательно ее разорят, чтобы воспрепятствовать появлению экономического базиса, достаточного для более самостоятельной внешней политики. «При этом сербы получают возможность погибать в таких странах как Иран, Ирак, Северная Корея, Сирия, Ливия, Индонезия, Куба»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Стенич М.* Сербия и расширение НАТО // Геополитика, 2011. Выпуск X. С. 29.

<sup>2</sup> *Миревич Д.* Запад или Россия / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131.



Ориентация же на Россию сможет «обеспечить внутреннюю стабильность, необходимое выздоровление экономики, позволит максимально использовать внутренние резервы и обеспечить выход на внешний рынок (автор констатирует, что Сербия не использует возможности договора о свободной торговле с Россией, в отличие от Словении и Хорватии), сможет укрепить международное положение страны, сотрудничество с Россией легче осуществить на равноправной основе из-за существующих симпатий к сербам у русского народа и политической элиты, в случае возникновения новых вон на Балканах сербам легче получить оружие от России и в этом случае не придется ломать военную систему страны, приспосабливаясь к западным образцам, поскольку долгие годы она строилась на русском оружии, Россия не будет помогать внутренним балканским сепаратистам и поддерживать их террористические методы»<sup>1</sup>.

### **Хорватия: традиционализм и геополитика**

Восприятие себя в качестве части европейской цивилизации, обострившееся благодаря гражданской войне на территории бывшей Югославии (в Хорватии та ее часть, что шла на территории этого государства официально называется «Войной за независимость»), вызвало и ориентацию нынешней Хорватии на ЕС и НАТО в 90-х. И все же интеллектуальная оппозиция однополярному миру среди хорватов существует, более того, выдвигаемые хорватскими авторами проекты оригинальны и интересны.

Наиболее известным хорватским автором, поддерживающим проект многополярного мира, является бывший хорватский дипломат, ныне советник министра иностранных дел Хорватии, Томислав Сунич, член Европейского движения «Новых правых». Сунич, долгое время работал в Америке и до сих пор ведет передачу на интернет-радио англоязычных новых правых «Voice of reason». Одна из последних его книг

---

<sup>1</sup> *Мирович Д.* Запад или Россия / Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131.

«Homo Americanus: Child of the Postmodern Age» посвящена соотношению традиционного американского мессианизма и современной глобальной модели, которую навязывают США. Стоит отметить, что Сунич — не враг Америки, однако, как и многие американские палеоконсерваторы полагает, что либеральная идеология, мультикультурализм, стремление к мировому господству и насаждению буржуазных в своей основе ценностей либеральной демократии по всему миру угрожает как самой Америке, так и всем народам, которые с ней сталкиваются.

Сунич придерживается консервативных взглядов, критикует либерализм за его нетерпимость к нелиберальным идеологическим концепциям и «тоталитаризм»<sup>1</sup>, отвергает политику мультикультурализма, как заведомо утопичную и разрушающую культурные основания европейской цивилизации<sup>2</sup>. Сунич оппонирует идеям «глобальной» демократии, как противостоящей правам народов на собственное уникальное развитие<sup>3</sup>.

Не менее интересен другой представитель хорватских новых правых, Юре Вуич, также сотрудник хорватского министерства иностранных дел, геополитик. Его работы посвящены как общегеополитическим вопросам, в частности изменению традиционной геополитики в эпоху постмодерна, так и проблемам роли Европы в новом мироустройстве. В статье «Империя и мы» Вуич выдвигает идеал европейской империи, которая является в первую очередь духовной сущностью, знаменуя собой обращение к альтернативным современному буржуазному, постлиберальному обществу общественным и политическим моделям, базирующимся на

---

<sup>1</sup> *Sunic T.* Historical Dynamics of Liberalism: From Total Market to Total State // Journal of Social, Political and Economic Studies. 1988, vol. 13 No 4.

<sup>2</sup> *Sunic T.* Can Europe Learn the Lessons of Yugoslavia? Or will it continue to build societies destined to explode? URL: <http://www.amren.com/ar/2001/09/>.

<sup>3</sup> *Sunic T.* Global Village and the Rights of People. URL: <http://www.rosenore.org/articles/global.php>

исторических и религиозных традициях Европы. Понятие «империи» выступает у него синонимом европейского интеграционного проекта, базирующегося на признании прав народов на сохранение своего культурного и этнического своеобразия. Различия и выраженную в них свободу народов сохраняет именно империя, отмечает Вуич, которая «восстает против современного денежного варварства и смиряет святое варварство наших предков». В этой статье хорватский автор поддерживает идею евразийского континентального блока, противостоящего англо-саксонским талассократиям и описывает основные линии европейской имперской геополитики — к Северному морю, Балтике, Средиземноморью и Индийскому Океану<sup>1</sup>. Вуич жестко выступает против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, в частности против идеи Ю. Хабермаса о постепенном движении в сторону европейского национального государства, построенного на принципах Модерна, как противовеса «вульгарной сверхдержаве» США. Гражданский патриотизм стерилен, утверждает Вуич, современная бюрократическая, рационалистическая, подавляющая этнический Эрос структура ЕС не подходит для Европы как возможного полюса в глобальной системе. Глобальному или европейскому демосу могут быть противопоставлен проект Европы как союза, объединяющего различные демой (мн. число от демос), причем политическое разделение на демой должно соответствовать культурному многообразию Европы, ее регионов, выстраивая европейский проект на органической, а не искусственной основе<sup>2</sup>. С точки зрения Вуича, Европе необходим переход от либеральной постдемократии и невыполнимой идеи единой европейской демократии (что требует наличия единого европейского демоса, единой политической и культурной общности) к демой-кратии,

---

<sup>1</sup> *Vujic J.* L'Empire et nous. URL: <http://www.juregeorgesvujic.com/2011/jure-vujic-lempire-et-nous/>

<sup>2</sup> *Vujic J.* Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // *Ab Aeterno*. 2010. Issue 3. P. 54-55..

к единству многообразия, составляющих Европу национальных единиц, что означает переход «от общей идентичности к разделяемым или плюральным идентичностям, от общности идентичности к общности геополитических проектов больших континентальных пространств и, наконец, от многоуровневого управления к многоцентричному или многополярному управлению»<sup>1</sup>.

Кроме геополитиков, выходцев из научных и дипломатических кругов защитником идеи многополярного мира может быть назван популярный правый католический публицист, участник войны в бывшей Югославии Марко Франчишкович. С его точки зрения, политика союза с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрываются глобализмом, американским протестантизмом и пр. Хорватия только бы выиграла, если бы переориентировалась в своей внешней политике одновременно на Россию, для которой предоставила бы выход в Адриатическое море, и Германию. Таким образом, славянская с одной стороны, но католическая и традиционно ориентирующаяся на Германию Хорватия упрочила бы свои позиции, став наиболее желанным и важным стратегическим партнером двух континентальных государств на Балканах, содействуя их сближению и являясь своеобразной «скрепкой» между ними<sup>2</sup>.

### **Чехия и Словакия: славянское единство как геополитический фактор**

То, что даже в католической, враждебной сербам, которым многие русские симпатизируют, Хорватии, для концепций многополярного мира характерны русофильские настроения

---

<sup>1</sup> *Vujic J.* Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // *Ab Aeterno*. 2010. Issue 3. P. 57.

<sup>2</sup> *Franciscovic M.* Geopolitička spajalica. URL: [http://hrsvijet.net/index.php?option=com\\_content&view=category&layout=blog&id=50&Itemid=331](http://hrsvijet.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=50&Itemid=331)

(которые, однако, никогда не перерастают, например, в сербофильские), связано тем, что Россия, так или иначе, остается крупнейшей и наиболее геополитически сильной и субъектной славянской страной. Сформулированная в середине XIX века славянская идея как отмечает известный российский и словацкий писатель, журналист, бывший депутат Национального Собрания Республики Словакия Сергей Хелемендик, не только жива, но и может стать вектором глобальной геополитики, если Россия начнет хотя бы частично опираться на нее в своей внешней политике в Восточной Европе. «Возрождения политическое славянство боятся супостаты пуще огня — и не зря боятся! Потому что славянство есть потаенная, скрытая сегодня от глаз большинства, но, тем не менее, живая, реальная сила взаимного притяжения на уровне инстинктов и подсознания», пишет Хелемендик, — «В Чехии, Словакии, у балканских славян есть много авторов, утверждающих, что 21 век будет веком славян. И на них, как бы странно это ни казалось в России, не смотрят как на чудаков. Их уважают, к ним прислушиваются.

Западные и южные славяне, несмотря на чудовищную антирусскую пропаганду своих СМИ, обычно купленных американцами на корню, все внимательнее смотрят в сторону России. Не понимая в российской политике практически ничего, они верят в Россию и свои надежды связывают с сильной Россией-защитницей, покровительницей. Их притягивают к России вековые исторические инстинкты»<sup>1</sup>.

Важной составляющей российской геополитики в Европе, и в Европе Восточной, с точки зрения автора, прежде всего, должно стать использование методов *soft-power*, мягкой силы<sup>2</sup>, направленной на общества европейских стран. Главной составляющей такого геополитического проекта должен быть

---

<sup>1</sup> Хелемендик С. Политическое славянство может ожить. Ино-СМИ. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20081215/246058.html>

<sup>2</sup> Хелемендик С. Очень мягкое влияние России. Chelemendik.ru. URL: <http://chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=191>

проект идеологический, обозначенный Хелемендиком как БРИ (будущая российская идеология), который бы делал ставку на сохранение традиционных ценностей, тем самым превращая Россию в идеологический полюс, для всех тех, кто озабочен сохранением христианской европейской цивилизации. «БРИ станет идеологией христианского мира и спасет христианскую цивилизацию от полной деградации. Или хотя бы сохранит для будущего здоровую, жизнеспособную часть. И так в очередной раз восторжествует всемирная отзывчивость русской души над уродливым эгоцентризмом тех, кто пишет имя Бога на украденных у всего мира деньгах. Торжеством БРИ станет многократно повторявшийся в Истории процесс — Россия снова будет прирастать, к России будут тянуться, чтобы выжить»<sup>1</sup>.

Одним из ведущих представителей современной чешской геополитической мысли, прямым наследником основателей чехословацкой геополитической школы В. Дворского и Я. Корчака является Оскар Крейчи, на геополитическую концепцию которого также оказала определенное влияние панславистская парадигма. С точки зрения Крейчи, временем наибольшего могущества чешского государства был период с X по XI век, расцвет Великой Моравии. Тогда Великоморавское княжество контролировало важнейшие европейские торговые пути и, благодаря связям с Византией, умело противодействовала утверждению германской гегемонии в этой части континента. Позже венгерское вторжение оторвало Великую Моравию от Византии, и вызвало перемещение центра чешской государственности на Запад, в результате, Чехия попала в орбиту германского влияния и постепенно утратила независимость. Исходя из геополитического прочтения истории, Крейчи выделяет три традиционных ориентации чешской внешней политики: германское, восточное и западное. Германская ориентация, с его точки зрения, наименее желанна, с ней связано принятие пангерманской

<sup>1</sup> Хелемендик С. Христианскую цивилизацию может защитить только Россия. Chelemendik. URL: <http://chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=96>

идеологии<sup>1</sup> и подчинение чешских национальных интересов немецким. Наиболее соответствует интересам Чехии (или Чехии и Словакии, поскольку Крейчи негативно оценивает распад чехословацкого государства) восточная ориентация. Традиция опоры на Восток, начинается с установления прочных связей между Византией и Великой Моравией и в дальнейшем связана с поиском союза с Россией, как противовеса германской гегемонии в Европе. Связанный панславянской идеологией или пролетарским интернационализмом Восточный блок Крейчи считает несокрушимым. Ориентация на Запад (Франция, США, Великобритания), по мнению Крейчи возможна только тогда, когда восточная великая держава ослаблена или сама вступает в сговор с Германией<sup>2</sup>.

Оскар Крейчи сожалеет о том, что Россия сейчас слишком слаба, чтобы оказывать влияние на геополитическую обстановку в Восточной Европе, утверждая, что посткоммунистическая чешская элита сдала страну в руки Германии (имеется прежде всего немецкая экономическая экспансия), в то время как Запад не стремится ограничить немецкое влияние<sup>3</sup>. Антинемецкие настроения Крейчи и в целом чешской геополитической школы вносят серьезные препятствия в реализацию доктрины «континентального блока», где союз России и Германии играет главнейшую роль, однако для корректной и приемлемой для Чехии и других славянских держав традиционно с опасением воспринимающих усиление Германии, его переформулировки, необходим учет и таких русофильских, но антигерманских настроений, свойственных некоторым геополитическим школам и западнославянским обществам. Очевидно, Россия может выступать в качестве гаранта суверенитета ряда

---

<sup>1</sup> *Krejčí O.* Geopolitics of the Central European region: the view from Prague and Bratislava. Prague: 2005 P.121.

<sup>2</sup> *Drulak P.* Czech geopolitics: Struggling for survival. URL: [www.cceisaconf.ut.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id.../drulak.doc](http://www.cceisaconf.ut.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id.../drulak.doc)

<sup>3</sup> Там же.

восточноевропейских (прежде всего славянских держав) в условиях союза с Германией, не отдавая их окончательно в немецкую зону влияния. Стоит учесть и тот факт, что нынешнее руководство ФРГ ориентировано атлантистски и стремление Германии расширить свою зону влияния в 90-х годах, оставаясь союзником США, способствовало расширению НАТО под предлогом «объединения континента»<sup>1</sup>. В том, что касается Чехии, необходимо понимать, какую важную роль играет образ немцев для чешской национальной идентичности. Как заявил в феврале 2005 года в Карловом университете в Праге президент Чехии Вацлав Гавел, Германия традиционно воспринимается чехами двойственно — с одной стороны как источник разного рода стандартов, к которым чехи стремятся, а с другой — как угроза<sup>2</sup>.

### **Польша: к стратегическому союзу России и Европы**

Идея стратегического союза ЕС и России разрабатывается современным польским геополитиком, руководителем Института геополитики в Чехонсто́ве<sup>3</sup> Лешеком Сыкульским. Его книга «К Новой Европе. Перспективы отношений Евросоюза и России» уже вызвала бурную волну обсуждений. Главной идеей, в защиту которой выступает Сыкульский, является необходимость освобождения Европы от англо-американского влияния. Таким образом, сильный экономически Европейский Союз станет и в полной мере геополитически субъектным. С точки зрения автора, решить эту задачу Европа сможет только путем объединения с континентальной массой России. Такой блок может стать одно из сильнейших, если только не самой сильной геополитических

---

<sup>1</sup> Афанасьев В. В. Роль Германии в расширении НАТО на Восток. / Афанасьев В.В., Соколов Ю.В. Политическая структура мира. М.: Канон, 2010. С. 52-55.

<sup>2</sup> Fawn R. Ideology and national identity in post-communist foreign policies. N.Y.: Routledge, 2003. P. 216.

<sup>3</sup> Институт геополитики в Чехонсто́ве. URL: <http://www.geopolityka.org.pl/index.php?lang=ru>



концепций в истории человечества. Критикуя позицию Великобритании, как американского «троянского коня» в ЕС, ослабляющего институты Евросоюза и провоцирующего раскол в Европе, автор предлагает Польше перестать идти на поводу у атлантистских стратегов и перестать играть, по сути, в анти-европейскую игру. Вместо того чтобы способствовать расколу между «старой» и «новой Европой» Варшава могла бы занять конструктивную позицию, по отношению к формирующемуся треугольнику «Париж-Берлин-Москва» (в необходимости формирования такого треугольника Л. Сыкульский убежден). Напряжение союзнических отношений с Россией с точки зрения автора может служить залогом укрепления польского авторитета в Европе<sup>1</sup>.

Польская политика на восточной направлении, суть которой сейчас, заключается в расширении «санитарного кордона», путем подключения к нему Украины и Белоруссии, подвергается Сыкульским критике. Восточное партнерство, продвигаемое Варшавой, получает трактовку «Партнерства против России», поскольку его цель «в интеграции части евразийского пояса для создания геополитического противовеса российскому центру силы»<sup>2</sup>. Автор призывает отказаться как от традиционного для Польши восприятия своих взаимоотношений с Россией через призму жертвенности, бесконечных польских страданий, отказать как от виктимизации, которая «делает польскую культуру столь активно депрессивной и непримиримой во взаимоотношениях с восточным соседом»<sup>3</sup>, так и от некритического восприятия западной, прежде всего американской внешнеполитической мысли, что лишает польскую геополитику инициативности и своеобразия, выхолащивает ее содержание, заставляя копировать американский интеллектуальный дискурс.

---

<sup>1</sup> Гулевич В. Leszek Sykulski, «Ku Nowej Europie:perspektiva zwiazku Unii Europej I Rosji» // Геополитика. 2011. Выпуск 10. С. 111-112.

<sup>2</sup> Цит по. Гулевич В. Указ. соч. С. 113.

<sup>3</sup> Там же. С. 112.

Преодоление навязываемого американского смыслового стиля, воздействующего на «широкие массы интеллигенции и обывателей через экспорт геополитических кодов, в соответствии с интересами Вашингтона»<sup>1</sup>, является главной задачей польской геополитики на смысловом уровне.

Оценивая противодействие Польши сближению России с Германией, основывающееся во многом на страхах и мифах межвоенного периода, Сыкульски отмечает, что «попытка ехать на автомобиле, смотря только в зеркало заднего вида, заканчивается обычно трагически, умелое использование польских мифов и иллюзий (мессианство, приграничье), антикварных, но все еще модных геополитических концепций (Междуморье), а также подогревание ошибочных геополитических кодов позволяет американской дипломатии успешно разрушать идеи объединенной Европы»<sup>2</sup>.

С точки зрения Сыкульского континенталистская, евразийская ориентация Польши выдвинула бы ее в ряды наиболее влиятельных держав континента. В качестве первоочередной задачи польского государства автор выделяет организацию пространства безопасности в Восточной Европе и переориентацию Восточного Партнерства на то, чтобы оно служило налаживанию взаимопонимания между объединенной Европой и Россией, а не способствовало созданию зон нестабильности<sup>3</sup>. Геополитическую ось Париж-Берлин-Варшава,-Анкара-Рим Л. Сыкульский рассматривает в качестве «Нового Междуморья», в зону влияния которого попали бы Адриатическое, Черное и Балтийское моря, которое, однако, в отличие от «Междуморья» Пилсудского было бы направлено не против России, а против США и его основного союзника в Старом Свете Великобритании<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Цит по. Гулевич В. Указ. соч. С. 113.

<sup>2</sup> Регнум. Лешек Сыкульски: Геополитические мифы Джорджа Фридмана: взгляд из Польши. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1361578.html#ixzz1XZMMdyQK>

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Гулевич В. Указ. соч. С. 114.

Из современных польских интеллектуалов, выступающих в поддержку идеи многополярного мира можно отметить также Ярослава Томашевича, доктора политических наук, редактора журнала «ЗакоженЕне», автора работы «Этноплюралистический манифест»<sup>1</sup>. В нем и в других своих работах Томашевич стремится выйти за грань, разделяющую левых и правых, отвергая как шовинизм и расизм имплицитно присущий большинству националистов, так и либеральный и левый космополитизм и пренебрежение этносом и этническими корнями общества, выдвигая в качестве норматива идею сохранения культурного и этнического многообразия обществ, этноплюрализма.

Отмечая в качестве корневой задачи человечества сохранение многообразия культур и народных традиций, Томашевич призывает:

«Изобилие бытия — это ключевая ценность, которую необходимо защищать. Защищая это сокровище, мы одновременно защищаем богатство и разнообразие мира вокруг нас, реальную свободу группы (сообщество не может быть свободным, не осознавая свою отдельность). Более того, будучи укорененными в специфической культуре мы более восприимчивы к уникальности других культур. Все культуры одинаково чужды и безразличны для человека, лишенного корней. В этой ситуации мы можем говорить не о толерантности, но об отсутствии его собственной идентичности»<sup>2</sup>.

### **Румыния: мировоззренческие альтернативы однополярной глобализации**

Восточноевропейцы понимают свою чуждость той социокультурной системе, в которой они оказались. Поляки, в идентичности которых особое место всегда занимал католицизм<sup>3</sup>, входя в европейские структуры, входят в

---

<sup>1</sup> *Tomasiewicz J.* The ethnopluralist manifesto URL: <http://www.freepressproject.com/477.html>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> *Косела К.* Поляк и католик. Переплетенная идентичность // Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности. М.: ИНИОН РАН, С. 96 — 105.

уже постхристианскую Европу, где традиционные связи между христианством и западноевропейской цивилизацией оказываются разорванными. Все это осложняет вопрос о месте современной Польши в Европе<sup>1</sup>. Схожие процессы, но уже в отношении Православия происходят и в Румынии. В румынской интеллектуальной элите возникает понимание враждебности национальной культуре глобализационных процессов. Так О. Хурдузеу описывает движение на пути в НАТО и ЕС как движение в сторону новой глобальной империи, которой препятствует румынская православная идентичность<sup>2</sup>. В обоих случаях и румыны, и поляки представляют себя как последних носителей духовного начала в оставившей Бога Европе. С точки зрения Хурдузеу, Запад забывает о своих христианских корнях, и задачей православной Румынии является возвращение Европы к идеалам христианской духовности, таким образом, противоборствуя негативным последствиям глобализационных процессов<sup>3</sup>. Интересно, что такая позиция сочетается с приверженностью Овидиу Хурдузеу альтернативным моделям экономики, в частности идеям дистрибутивизма, который разрабатывался католическими мыслителями Г.К. Честертоном и Х. Беллок. Как отмечает румынский ученый, схожая с дистрибутивистской модель экономики, альтернативная как капитализму, так и марксистскому социализму разрабатывалась в межвоенный период румынской национал-царанистской партий под руководством И. Михалаке<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Касанов Ж. Католическая Польша в постхристианской Европе // Восточная Европа: Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М.2005 С. 87.

<sup>2</sup> Глобализация, ее значение для Румынии и румынской культуры (сводный реферат) / Восточная Европа: Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М.2005 С. 91-94.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> CrestinOrtodox.ro. Interviu cu Ovidiu Hurduzeu despre Romania profunda.URL: <http://www.crestinortodox.ro/interviuri/interviu-ovidiu-hurduzeu-despre-romania-profunda-125286.html>

Другой румынский интеллектуал, один из крупнейших румынских историков, Дан Замфиреску является автором идеи «Третьей Европы», которой также свойственны мессианские нотки и неприятие современного вектора развития западной цивилизации. Как отмечает сам Замфиреску, опорным пунктом этой концепции служит понимание того, что «добровольной и проникнутой энтузиазмом нашей трансформации в колонию ... существует альтернатива»<sup>1</sup>. Третья Европа — это реальность географическая, этнографическая, историческая и духовная, в основном совпадающая с регионом Балкан, как описывает ее Замфиреску — «группа народов которые наследуют эллинской, фракийской, восточно-римской и византийской цивилизации, переплетаясь, таким образом, в уникальную традицию в Европе, которая их сближает, индивидуализирует и создает из них особую общность, не противостоящую остальной Европе, но уникальную»<sup>2</sup>. Не совпадающая ни с Западом, ни с Востоком эта уникальная цивилизационная общность, при обращении к своему богатому культурному и духовному наследию, оставленному в сторону «западниками» XIX столетия, может родить альтернативу современному развитию Европы, которое Замфиреску рассматривает пессимистически. «Третья Европа, которая, через Элладу, и самая старая Европа», — пишет он, — «возможно и должна стать сущностным препятствием на пути универсальной катастрофы человека и природы, катастрофы запрограммированной тем, как распоряжается глобальными делами Западная Европа, смоделированная демоническим гением Макиавелли и ментальностью итальянских банкиров»<sup>3</sup>. Третья Европа должна стать ценностным полюсом не только новой Европы, но и нового мира, возникающего на руинах разваливающейся западной цивилизации, особую роль с точки зрения

---

<sup>1</sup> *Zamfirescu D. A treilea Europa*. URL: <http://calinmihaiescu.wordpress.com/2010/10/31/a-treia-europa-de-dan-zamfirescu/#more-330>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

ученого должна играть сама Румыния<sup>1</sup>. Как и в случае польских авторов, для румынских интеллектуалов также свойственен мессианский настрой, ярким воплощением которого в мировой культуре кроме отмеченных выше современных авторов, служит межвоенное творчество М. Элиаде<sup>2</sup>.

Идеи «Третьей Европы», особой балканской православной общности находят свое воплощение в геополитической концепции «Балканского союза», предлагаемой румыно-молдавским публицистом О. Раку. Раку обращается к имеющей длительную историю идее «Балканской Федерации»<sup>3</sup>, начало которой было положено еще в XIX веке социалистами ряда балканских стран, потом в межвоенный период государства региона образовали Балканскую Антанту, которая мыслилась как военный, политический и экономический союз, последняя попытка создания Балканской Федерации имела место после Второй мировой войны, однако проекты лидера Югославии И. Б. Тито о создании федеративного государства из Югославии, Болгарии и Албании провалились из-за начавшегося советско-югославского конфликта<sup>4</sup>.

С точки зрения Раку Европейскому Союзу также не удалось эффективно интегрировать государства Балкан. Несмотря на то, что часть государств Балкан уже вошла в ЕС, а часть является кандидатами на членство, «перспективы этого проекта стоят под вопросом из-за финансового кризиса в Европе, а также по причине внутренних конфликтов в ЕС»<sup>5</sup>. Раку полагает, что «регионализация Европы и борьба «пограничных государств» за

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> См. Eliade M. De unde incepe misiunea Romaniei? // *Vremea*, Februarie 1937. Anul X, nr. 477, 28, P.3; Eliade M. Nationalism // *Vremea*, 1937. Anul X. Număr Special de Pasti. P. 3.

<sup>3</sup> См. Campus E. Ideea federală în perioada interbelică Editura Academiei Romane. București, 1994.

<sup>4</sup> Раку О. Балканский Союз — альтернатива Союзу Европейскому? // *Геополитика*, 2011. Выпуск X. С. 69-71.

<sup>5</sup> Там же. С. 71.

свою автономию против «конкурирующих зон влияния», как и попытки Франции и Германии утвердить порядок на континенте, будут определять в ближайшее время обращение к альтернативным геополитическим проектам. Тем более что ни Европейский Союз, ни НАТО больше не в состоянии гарантировать безопасность стран бывшего социалистического лагеря, более того, Сербия и Румыния выразили недовольство политикой Вашингтона и Брюсселя в отношении проблемы сербской провинции Косово, которая продолжает оставаться больной раной на теле Балкан»<sup>1</sup>.

Проект нового Балканского Союза предполагает использование выгодного географического положения Балкан, через которые проходят основные коммуникации, связывающие Европу с Малой Азией и Ближним Востоком. Тот факт, что через Юго-Восточную Европу должны пройти альтернативные энергетические проекты «Южный поток» и «Набукко» также свидетельствует о важном геостратегическом положении региона. «Балканы представляют собой зону повышенного интереса для России, Турции, Ирана и Китая, что открывает ряд перспектив заключения союзов»<sup>2</sup>, отмечает Раку. Проект также имеет и свой идеологический фундамент, формируемый триадой: «консерватизм, традиционализм, Православие»<sup>3</sup>. Объединение балканских народов (имеются ввиду, прежде всего, православные народы), невозможно, постулирует автор, иначе как через сохранение идентичности и уважение ценностей каждой нации. Для этого необходимо обратиться к общим цивилизационным корням и строит проект на основании общих ценностей. «Балканский Союз можно построить, только отталкиваясь от консервативных и традиционалистских ценностей, принимая во внимание

---

<sup>1</sup> Раку О. Балканский Союз — альтернатива Союзу Европейскому? // Геополитика, 2011. Выпуск X. С. 72.

<sup>2</sup> Там же. С. 73.

<sup>3</sup> Там же.

и единство в лоне Православной Церкви», — отмечает О. Раку. Для этой цели многому поможет общее византийское наследие, на почве которого выросли балканские нации, в противовес ценностям Европейского Союза, восходящим к просветительским принципам французской революции 1789 года. Как христианский Константинополь был антиподом языческого Рима, так Балканский Союз может стать антиподом Европейского Союза. Вокруг подобных идей можно будет объединить Республику Молдову, Румынию, Болгарию, Сербию, Македонию и Черногорию. Балканы стали бы не только простым оборонительным геополитическим проектом, но и наступательным идеологическим проектом»<sup>1</sup>. В мессианских традициях румынской мысли, О. Раку, также предлагает Румынии и Молдове занять ведущее место в этом союзе<sup>2</sup>.

### **Босния: примирение Модерна и Традиции как шанс возникновения более справедливого мироустройства**

Обращение к Балканам не только как к проблемной зоне, но и как к источнику традиций, которые могли бы помочь Европе выйти из кризиса «чувственной цивилизации» свойственно и для боснийского философа Русмира Махмутчехаича. Бывший министр энергетики в правительстве Боснии, один из основателей независимого боснийского государства, он в разгар конфликта между сербами, мусульманами и хорватами вышел из правительства А. Изетбеговича, так как выступил против узкого боснийского национализма последнего, считая, что для Изетбеговича было важно создать государство и добиться власти на населенных исключительно мусульманами землях. Такая стратегия «раздела Боснии» по трем ее религиозным общинам, противостояла всей философии Махмутчехаича<sup>3</sup>. В результате

---

<sup>1</sup> Раку О. Балканский Союз — альтернатива Союзу Европейскому? // Геополитика, 2011. Выпуск X. С. 73.

<sup>2</sup> Там же. С. 74

<sup>3</sup> *Mahmutcehajic R.* Bosnia the good: tolerance and tradition. Budapest: Central European University Press, 2000. P. 10.



в 1992 году он вышел как из правительства, так и порвал все связи с партией Изетбеговича — Партией демократического действия. В 1997 году Р. Махмутчехаич основал неправительственную организацию «International Forum Bosnae», объединяющей интеллектуалов, выходцев из всех этнорелигиозных общин Боснии и Герцеговины. В то же время в основании деятельности организации, ее мировоззренческим ядром являются концепции Махмутчехаича, которые он весьма активно стремится пропагандировать.

Основа подхода Р. Махмутчехаича — философия традиционализма Р.Генона, Т. Букхардта, Ф. Шуона, а также мировоззрение суфийского ислама, традиционно распространенного в Боснии. В то же время в отличие от многих традиционалистов Махмутчехаич отвергает не столько сам Модерн, сколько его конкретную форму, проявляющуюся в современном состоянии западной цивилизации. С его точки зрения, националистические идеологии, сербская и хорватская, а также и собственно бошнякская являются феноменами Модерна, в корне противостоящими Традиции, как духовному единству основных религиозных конфессий Боснии. Историческая традиция сосуществования в Боснии различных религиозных конфессий, отвергается в ходе развертывания властных практик, соответствующих националистическим идеологиям Модерна. Их результатом становятся этнические чистки, а также попытки Сербии и Хорватии поделить территорию Боснии. В ответ, в среде бошняков возникает специфическая форма исламского экстремизма, противостоящего настроенному на мирное сосуществование с христианами традиционному боснийскому суфийскому исламу<sup>1</sup>.

Технократизм и экономоцентризм современной цивилизации Запада, эксцессы национализмов, заключенных каждый в религиозную (православную, католическую и исламскую) оболочку противопоставляются «истинно боснийскому» пути,

---

<sup>1</sup> *Mahmutcehajic R. Bosnia the good: tolerance and tradition. Budapest: Central European University Press, 2000. P.11.*

(т.е. основывающемся на взаимном уважении различий друг друга)<sup>1</sup>. Р. Махмутчехаич утверждает, что мнение о несовместимости христианства и ислама, на которое часто обращают внимание сторонники концепции «столкновения цивилизаций» берется не из самого христианского учения, но из цепи исторических событий, составляющих секуляризованную и идеологизированную матрицу истории, в которую последовательно вовлекается христианство<sup>2</sup>. На самом деле, причина в том, что ислам и присутствие исламской культуры, факт обращения части славян в ислам входит в противоречие с имплицитной и эксплицитной целью балканских националистических идеологий — стремления стать частью Запада, постепенного продвижения в ЕС, то есть ислам входит в противоречие с развитием общества по секулярной либерально-капиталистической модели<sup>3</sup>.

Хотя эксплицитная критика либерализма как идеологии не так ярко проводится в творчестве Р. Махмутчехаича (как отмечают комментаторы, во многом потому, что финансируется его НПО из либеральных фондов)<sup>4</sup>, «но из его работ понятно, что он считает рыночно ориентированную демократию с ее культом индивидуальной автономии опасной для боснийской традиции»<sup>5</sup>. Либерализм, несмотря на все его достижения, многие из которых философ готов принять, провозглашая конец истории, стремится гомогенизировать мир, привести его к одной модели — западной и либеральной, таким образом, стирая многообразие народов и культур, религиозных традиций. В то же время многообразие, постулирование необходимости

---

<sup>1</sup> *Young M.* Religion, Community, Identity: Rusmir Mahmutcehajic and the future of Bosnia [Электронный ресурс] URL: [www.hks.harvard.edu/kokkalis/GSW7/.../Mitchell%20Young%20Paper.pdf](http://www.hks.harvard.edu/kokkalis/GSW7/.../Mitchell%20Young%20Paper.pdf)

<sup>2</sup> *Mahmutcehajic R.* The denial of Bosnia. Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 2000. P. 6.

<sup>3</sup> Ibid. P. 11.

<sup>4</sup> Young M. Op.cit.

<sup>5</sup> Ibid.

и сакральности фигуры Другого (под которым понимается, прежде всего, другая культура, иная религиозная форма, другой путь к сакральному) является еще одним принципом философии Махмутчехаича<sup>1</sup>, и с его точки зрения необходимым элементом истинно традиционалистского взгляда на мир.

Залог примирения сербов, хорватов и босняков, как и залог сохранения Боснии в дальнейшем состоит в смене мыслительной парадигмы, хотя бы в боснийской элите, в отходе от модернистского национализма и в обращении к традиционализму и постулируемым им ценностям. Обращение к основам религиозных традиций без нетерпимости, с уважением религиозного выбора другого, с постулированием необходимости единства в многообразии составляют основу предложения Махмутчехаича не только для Боснии, но и для всего современного мира<sup>2</sup>. Американский ученый Митчелл Янг отмечает, что для философии Русмира Махмутчехаича характерно расширение традиционного мусульманского понятия «умма» как всемирной общины верующих на другие религии, в результате, общность всех верующих мира понимается как «умма умм», общность различных религиозных путей, ведущих к единой цели<sup>3</sup>. Босния — пример наиболее сложного взаимопереплетения религий, регион, где представители различных религиозных общин расселены традиционно проживают в тесном контакте друг с другом<sup>4</sup>.

С точки зрения Махмутчехаича не Запад должен учить Боснию, но Босния обратившись к самой себе, может научить Запад истинной толерантности, предложив модель общественных отношений основанных на обращении к Традиции, взаимоуважении религиозных общин и общем поиске сакрального. Хотя

---

<sup>1</sup> *Mahmutcehajic R.* With the Other. URL: [http://www.worldwisdom.com/public/viewpdf/default.aspx?article-title=With\\_the\\_Other\\_by\\_Rusmir\\_Mahmutcehajic.pdf](http://www.worldwisdom.com/public/viewpdf/default.aspx?article-title=With_the_Other_by_Rusmir_Mahmutcehajic.pdf)

<sup>2</sup> *Mahmutcehajic R.* Bosnia, the good: tolerance and tradition. Op.cit. P. 117.

<sup>3</sup> Young M. Op.cit.

<sup>4</sup> *Mahmutcehajic R.* Bosnia the good: tolerance and tradition. Op.cit. P. 31.

и не критикуя яро либерализм, но утверждая примат духовного начала над материальным и критикуя универсалистскую сторону либерального проекта, Махмутчеаич стоит ближе к идее многополярного мира, мира основанного как раз на принципе плюрализма, ценности диверсификации народов и культур. Его ценностный консерватизм, неприятие экономоцентричной и гомогенизирующей мир глобализации, также сближает его концепцию с идеями философской многополярности.

Ориентированная на противостояние либерально-капиталистической модели и сохранение национальной идентичности часть восточноевропейских обществ уже сейчас выдвигает геополитические проекты альтернативной организации этого пространства, которые выглядят благоприятными для России. Общность геополитических и ценностных вызовов рождает в некоторых случаях и общность проектов по решению схожих проблем получают свое развитие в восточноевропейской правовой мысли, в теоретических концепциях и программах конкретных партий и движений. Здесь представлен лишь беглый обзор основных концепций и персоналий, но думаем, что и он будет полезен в условиях, настоящего идейного «железного занавеса», что пал между Россией и востоком Европы после разрушения социалистической системы.

Главными составляющими концепций многополярности, предлагаемых интеллектуалами Восточной Европы являются: отвержение ценностной системы современного Запада, стремление найти ей как геополитическую, так и мировоззренческую альтернативу, ориентация на Россию как особый духовный центр и главный гарант безопасности на евразийском континенте, либо попытка представить свой регион в качестве такого центра в будущей многополярной мировой системе.

С точки зрения теории социокультурной динамики Питирима Сорокина, те вызовы, с которыми сталкиваются восточноевропейские общества, идентичны тем, с которыми сталкивается и Россия. Как отмечает В.И. Добренков, постсоциалистическое общество, выйдя из идеационной фазы,

«проскочило идеалистическую и сорвалось в чувственную культуру»<sup>1</sup>. Общность проблем вполне может быть конвертирована в концептуальную общность их решений и в виде «мягкой силы» — в геополитический ресурс, если Россия поддержит иную цивилизационную альтернативу, нежели та, что предлагается Восточной Европе в рамках западной социокультурной суперсистемы, принадлежность к которой определяет и геополитическую ориентацию на ее центр — США. Запрос на такую альтернативу существует. Принятие социокультурной системы современности обществами Восточной Европы, присоединение к суперсистеме, где в качестве базовых ценностей выделяются «демократия, права человека, этика и нормы предпринимательской деятельности»<sup>2</sup> означает ценностную ориентацию на Запад и сближение с ее историческим центром, где данный тип проявляет себя наиболее долго и интенсивно, то есть с США, где находятся основные продуцирующие центры данной культуры<sup>3</sup>. Отвержение, чувственной социокультурной системы современности в геополитическом плане будет означать и выбор антиатлантического геополитического вектора.

---

<sup>1</sup> *Добреньков В. И.*, Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина // Русское Время. Журнал консервативной мысли, январь-март 2010. №1 (2). С. 4-11.

<sup>2</sup> *Мнацаканян М. О.* «Нации: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). М.: Анкил, 1999. С. 95.

<sup>3</sup> *Уткин. А. И.* Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 23.

# **ГЕОПОЛИТИКА И МНОГОПОЛЯРНОСТЬ. ВЗГЛЯД ИЗ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ**

**Альберто Буэла**

Доктор философских наук, профессор Технического  
Университета в Буэнос-Айресе, Аргентина

## **«Новая южноамериканская стратегия» как появление отложенного пространства**

С распадом Советского Союза в 1991 г., наиболее значительным политическим событием второй половины XX века, закончилось более чем сорокалетнее биполярное противостояние СССР и США. Аналитики и мыслители представляли себе переход к «однополярному миру» во главе с США, где их превосходство будет обеспечено наличием обширной глобальной сети стратегических диспозитивов. Но новое тысячелетие сразу же началось с кризиса однополярной парадигмы, что позволяет пересмотреть стратегические и геополитические постулаты, которые были направлены на обеспечение «конца истории» и увековечивание гегемонии атлантизма, что позволяет идеологически, геополитически и стратегически актуализировать новый номос, то есть новое разделение Земли. Именно в этом смысле мы говорим о многополярности как о геополитической концепции, которая дает обоснование идее мира как вселенной, потому что, как утверждал Карл Шмитт, мир — это «плюриверсум».

Южная Америка, пространство, где мы задаемся вопросом о мире и его проблемах, должна быть одним из полюсов — или большим пространством — с которым связана его судьба, защита его основных стратегических целей и решение задач этого времени, в том числе, связанных с врагами этого пространства. Именно в этом смысле большая часть времени последних

нескольких лет мною были посвящены разработке того, что мы называем «Новой южноамериканской стратегией», которая, как все мы надеемся, станет нашим вкладом как американцев в создание многополярного мира.

### **Теория ромба**

Мы разработали «теорию ромба», которая по существу является геополитическим соединением городов Буэнос-Айреса, Лимы, Каракаса и Бразилиа. В результате этого соединения появляется иррегулярный ромб. Первое, что появляется в результате этой операции — это создание биокеанических пространств с выходами в Атлантический и Тихий океаны, где внутренний Хартланд континента будет защищен стратегическими линиями, соединяющими вершины ромба.

Участие Аргентины в Хартланде, по нашему мнению, должно проходить через вал Сальта Санта Крус де ла Сьерра, потому что стратегия Бразилии не позволяет открыть нам водный доступ по линии Парана — Парагвай — Гуапоре. В дополнение к этому можно добавить неохотное участие Парагвая, который является чисто коммерческим игроком.

Конечно, наша южноамериканская геостратегия выступает против Соединенных Штатов в лице державы-гегемона на Американском континенте с их планом «Колумбия», подразумевающим размещение баз морской пехоты в двух шагах от Амазонки, оказывая давление на линию Лима — Каракас. Более того, устанавливая зону своих стратегических интересов у тройной границы (Аргентина — Бразилия — Парагвай), США вмешиваются непосредственно на водоносный горизонт Гуарани и давят на линию Буэнос-Айрес — Бразилиа. Размещение базы в Чако, согласно документам аргентинского политолога и исследователя Карлоса Перейра Меле, будет препятствовать выстраиванию линии Буэнос-Айрес — Лима и оказывать непосредственное давление на стратегический коридор Корумба — Санта-Крус — Пуэрто де Тринидад.

Как видно, от этого гипотетического ромба вне прямого давления со стороны США остается только одна ось

между Бразилиа и Каракас, однако со стороны Гайаны и Суринам, которые моделируются в качестве независимых колониальных протекторатов, также могут исходить операции по дестабилизации.

Сегодня мир по-прежнему следует велениям США как глобальной талосократии. Их идеологические критерии и стратегические императивы по вмешательству постоянно поощряются как в европейских канцеляриях, так и в Центральной и Южной Америках. При широком вмешательстве в государственные дела и права человека НАТО (т.е. под руководством США) умалчивает геостратегические критерии по «борьбе с исламским фундаментализмом», в то же время позволяя создание мусульманской республики Косово в европейском Хартленде.

Сегодня строительство многополярной системы является основной геополитической необходимостью для сохранения межгосударственного политического порядка, так же как вчера это было необходимо для государственного суверенитета. Конечно, покупка политического сознания будет самым прибыльным бизнесом в течение следующих пятидесяти лет. Целью является стандартизация людей, гомогенизация через единого работодателя — либеральную демократии или социал-демократию — и консолидация единого политически корректного мышления. Однако, народ не хочет идти на такое самоубийство, растворяясь в глобализации, и желает сохранить себя в бытии.



# **ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ**

**Гнип А. Н.**

Аспирант кафедры международных отношений и  
дипломатической службы, Львовский Национальный  
Университет им. И. Франко, Украина

Сегодня энергия стала настолько важным фактором в существовании государств, что от ее перманентного присутствия зависит стабильность любого государства, особенно с энергоемким производством. В связи с этим, постоянно повышается значение энергоресурсов, провоцирующее открытое и скрытое противоборство между ведущими странами за их обладание. Государства, имеющие постоянный доступ к источникам энергии и являющиеся монополистами в этой области, имеют значительные рычаги влияния на целую международную политику. Можно сказать, что сегодня энергетическая геополитика уже изменила геополитику в ее классическом понимании. Если в прошлых веках страны боролись за оккупацию территории, колонии и за материальные богатства, то в наше время весь интерес состоит из экономических и, в первую очередь, энергетических ценностей. Если богатое на энергетическое сырье государство желает осуществить давление на власть других государств, то ему нужно лишь приостановить поставки энергоносителей и увеличить цены на них. Однако иметь в собственности ресурсы развития, еще не значит эффективно ими управлять и реагировать на вызовы извне. Кроме того неэффективное управление

может привести к значительным потерям для государства<sup>1</sup>. Итак, мировое стратегическое равновесие определяется сегодня преимущественно энергетической составляющей. Историк А. Крылов отметил, что в XXI веке энергетический фактор приобретет особую остроту. Страны «золотого миллиарда» потребляют сегодня до восьмидесяти процентов всех мировых ресурсов. Развивающиеся страны стремятся ускоренными темпами догнать это развитие и всем им для этого нужно все больше энергоресурсов. Однако ограниченность этих ресурсов ставит под сомнение возможность развивающихся стран когда-нибудь догнать страны «золотого миллиарда»<sup>2</sup>.

Итак, изменения конфигурации мировой политики, связанные с экономическим ростом в Южноазиатском регионе, который все больше нуждается в энергоресурсах, глобальное потепление, которое сделает добычу нефти и газа вполне реальной в недоступных ранее зонах и отсутствие альтернативных источников энергии указывают на то, что в ближайшее время традиционные энергоресурсы будут играть важную роль в мировой политике. Немаловажным является и тот факт, что добыча и реализация углеводородов является сегодня самым выгодным видом предпринимательства, с чем Европа активно борется, путем снижения доходов посредников и либерализацией энергетического рынка. Неравномерное расположение энергетических ресурсов и соответствующее положение государства на энергетическом рынке влияет на выстраивание стратегии как во внешней, так и во внутренней политике и приводит к возникновению у ряда государств таких внешнеполитических линий, как энергетическая дипломатия. В связи со всеми этими факторами

<sup>1</sup> Ангелов В., Турко Н. Энергетика и геополитика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=22070>

<sup>2</sup> Маслов О. ТОП Геополитика «труб»: украинно-европейский сепаратный сговор, межстрановая конкуренция и Глобальная энергетическая Хартия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imperiya.by/economics.html?id=5016>

можно говорить о том, что для многих государств понятие энергетической политики дополняет понятие внешней политики, а порой они являются даже тождественными понятиями. Ввиду этого можно говорить о такой новой отрасли геополитических исследований как энергетическая геополитика, основой которой становится формула — кто контролирует энергетические ресурсы, тот контролирует мир.

Энергетика является нестатической сферой и при рассмотрении любых процессов или направлений сотрудничества в этой области следует учитывать ситуацию в планетарном масштабе. Наибольшее влияние на изменение энергетических показателей и расстановки сил играет нестабильная экономическая, а теперь уже и политическая ситуация в странах Северной Африки, которые всегда были значительными поставщиками углеводородов в Европу, строительство проекта «Набукко», который активно продвигается Европейским союзом, нахождение сланцевого газа в США, что делает их менее зависимыми от экспорта, безуспешность создания единого газового рынка, последние трагические события на атомных реакторах в Японии, в связи с чем, произошел пересмотр энергетической политики Евросоюза.

В последние десятилетия XX века внешняя энергетическая политика государств сформировалась как самостоятельное функциональное направление. Ее понимают, как сферу деятельности государства в международных отношениях по защите и отстаиванию национальных интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов<sup>1</sup>. Сегодня чрезвычайно важным понятием, которым оперируют в международных отношениях, есть понятие «энергетической безопасности». Оно было введено после нефтяного эмбарго 1973 г. и в то время трактовалось как энергетическая независимость государства. Но сегодня, ввиду

---

<sup>1</sup> *Жизнин С.* Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. — М.: ООО Ист Брук, 2005 с. 58. 64. 65.

ряда отношений государств на энергетическом рынке и при рассмотрении, в частности, российско-германских отношений в энергетической сфере, необходимо различать понятия «энергетическая независимость» и «энергобезопасность». Государство может быть зависимым от других через импорт энергоресурсов и, тем не менее, сохранять собственную энергобезопасность благодаря покупке энергоресурсов по стабильным ценам у политически стабильных государств, и при условии существования между государствами надежных контрактов. Ярким примером такого сотрудничества является именно энергетическая кооперация России и Германии. Стоит отметить, что два государства являются одними из крупнейших в Европе и, оставив позади эпоху конфликтов и политического противостояния, осуществляют сегодня политику равноправного партнерства. Между этими государствами, несмотря на определенную разницу в видении отдельных вопросов, существует принципиальное совпадение взглядов по широкому спектру целевых установок в области политики, экономики и гуманитарной сфере. Германия не поддержала в апреле 2008 г. План действий НАТО относительно членства Украины и Грузии в связи с позицией РФ в этом вопросе, а также заняла достаточно мягкую позицию относительно военной акции РФ в Грузии в августе 2008 г.<sup>1</sup> Россия является одной из немногих стран, с которой Федеральное правительство Германии проводит межправительственные консультации под руководством Федерального канцлера Германии и президента России. Сегодня Германия сильно опережает другие европейские страны в качестве импортера российских товаров и занимает первое место по прямым инвестициям капитала в РФ. Она также пытается максимально использовать отношения с Россией, поскольку около 40% газа покупает именно у нее.

---

<sup>1</sup> *Laurent Ruseckas*. The «Geopolitics of Energy»: Less Than Meets the Eye. // The Faster Times. [Electronic resource]. — Available at: <http://www.thefastertimes.com/internationalenergy/2009/07/04/the-geopolitics-of-energy-less-than-meets-the-eye/>

Россия является энергодобывающей страной и прибыли от продажи энергоресурсов сегодня составляют основу российского бюджета и фундамент российской экономики. В связи с этим, от возможности организации сбыта энергии странам, которые в ней нуждаются, напрямую зависит современная российская экономика. Энергетическая геополитика России ориентирована на реализацию таких целей, как обеспечение прямого доступа к потребителям энергоресурсов в Евразии и создания общего энергетического консорциума с другими энергодобываемыми странами Евразии<sup>1</sup>. Как указывает П. Усов, основным энергетическим средством в руках Москвы есть газ и в чуть меньшей степени нефть. Если по запасам и добыче нефти Россия находится на восьмом месте, то по залежам и поставке газа она занимает первое место и является фактическим монополистом<sup>2</sup>. Российская государственная система газопроводов включает широкую сеть трубопроводов и компрессорных станций, протянувшихся на более чем 150 тысяч километров по всей России. Согласно законодательству РФ лишь «Газпром» имеет право использовать эти трубопроводы. Эта сеть является, наверное, самым ценным владением России помимо нефти и газа. В ней сердце газовой политики Кремля и ядро конфликта с западными странами.

Энергетические отношения Германии и России берут свое начало еще с семидесятых годов прошлого века с соглашения «газ — трубы», что реализовывалось в сложных идеологических условиях Холодной войны. Именно газопроводы, построенные Советским Союзом на кредиты немецких банков, дали, и продолжают давать серьезный экономический эффект<sup>3</sup>. Важным

---

<sup>1</sup> *Дугин А.* Энергетическая геополитика. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://geopolitica.ru/Articles/1214/>

<sup>2</sup> *Усов П.* Энергетические войны. Новые механизмы геополитического влияния. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://n-europe.eu/content/?p=1038>

<sup>3</sup> *Ахтамзян А.* Геополитика и энергетика России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.endf.ru/14\\_1.php](http://www.endf.ru/14_1.php)

импульсом развития энергетического диалога между двумя странами на современном этапе стало совместное заявление на высшем уровне о сотрудничестве в области энергетики в рамках рабочего визита в ФРГ Президента России В. Путина 8 сентября 2005 г. и подписания соглашения о строительстве «Северного потока» между «Газпромом» и немецкими компаниями «Е. ОН Рургаз» и «БАСФ» в марте 2006 г., главой консорциума которого стал бывший канцлер Германии Г. Шредер, у которого еще в период канцлерства сложились дружеские отношения с В. Путиным. «Северный поток» — это один из крупнейших существующих подводных проектов, заложенный по дну Балтийского моря по нейтральной территории, который соединит газовый терминал в городе Выборг вблизи Санкт-Петербурга и город Грайфсвальд в Восточной Германии. Проект стоимостью около 4,7 млрд. евро стартовал в конце 2005 г., а уже в октябре 2011 г. планируется начало его эксплуатации. Российскому «Газпрому» принадлежит 51% акций, а немецким компаниям «БАСФ» и «Э. ОН Рургаз» по 24,5% каждой. Стоит также сказать, что Южнорусское газовое месторождение в Западной Сибири будет разрабатываться совместно «Газпромом» и «БАСФ». Как только проект североευропейского газопровода будет завершен, Германия будет получать почти на 55 млрд. кубометров российского газа в год больше.

«Северный поток» направлен заложить основу российско-германского сетевого межгосударственного союза. Этот проект в той или иной степени затронул все европейские страны и привел к ряду напряжений между Россией и Западом. Наибольшее неудовлетворение проект вызвал у стран-транзитеров — Польши, Украины и Балтийских стран. Польский министр иностранных дел Радек Сикорский даже назвал этот проект «газовая труба Молотова-Риббентропа»<sup>1</sup>. Польша и другие соседние страны

---

<sup>1</sup> S. Taylor. «Why Russia's Nord Stream is winning the pipeline race». [Electronic resource]. — Available at: <http://www.europeanvoice.com/article/imported/why-russia%E2%80%99s-nord-stream-is-winning-the-pipeline-race/63780.aspx>.

Германии для противодействия строительству трубопроводной пытались использовать конвенцию по окружающей среде «ЭСПО», что привело к задержке его строительства фактически на несколько лет. Именно эту конвенцию сегодня использует Германия в качестве противодействия польскому терминалу СПГ в Свиноусте для сгущенного природного газа из Катара, для чего она дополнительно использует рычаги влияния на ЕС и в чем ее активно поддерживает Россия. Для Германии в будущем будет выгодной возможность стать монопольным экспортером газа для Польши и продавать ей российский газ, но уже по собственным ценам. В связи с этим польский проект является значительным конкурентом для Германии.

Проект «Северный поток» стал ярким показателем растущего немецко-российского сотрудничества и фактической переориентации германской дипломатии, даже когда это происходит не на пользу интересам европейских партнеров Германии. Уникальный газопровод делает Германию фактическим дистрибьютором российского газа в Центральной Европе<sup>1</sup>. Несмотря на свои тесные связи с администрацией США и внешнеполитическую линию, которая была провозглашена в ее правительстве, Меркель была вынуждена смириться и принять проект «Северный поток», что является ярким свидетельством ее прагматичной политики. Важным фактором реализации «Северного потока» несмотря на все протесты, стало то, что Брюссель занял нейтральную позицию и не мешал Германии. Она с легкостью получила финансирование от европейских финансовых институтов. Это было достигнуто благодаря лоббированию в ЕС идеи включить трубопровод в качестве проекта, входящего в общий европейский интерес совместной энергетической сети<sup>2</sup>. Несмотря на массовые протесты,

---

<sup>1</sup> A.Petersen. The Russo-German Energy Pincer. [Electronic resource]. — Available at: <http://blogs.euobserver.com/petersen/2010/09/12/russo-german-energy-pincer/>

<sup>2</sup> Russia-Germany Nord Stream Pipeline Under Way. Written by Global Intelligence Report. [Electronic resource]. — Available at: <http://oilprice.com/Geo-Politics/Europe/Russia-Germany-Nord-Stream-Pipeline-Under-Way.html>

Великобритания подписала с Газпромом долгосрочный контракт о транспортировке газа через «Северный поток», что внесло значительные геополитические изменения в европейскую энергетическую политику<sup>1</sup>. Газопровод «Северный поток» позволит России и Германии проводить независимую политику и еще больше влиять в регионе Восточной и Центральной Европы, однако это не значит, что поставки газа через Украину и Польшу прекратятся. В. Путин неоднократно заявлял о том, что чем больше существует возможностей для экспорта российского газа в Европу, тем лучше для России и Европы.

Еще одной важной сферой российско-германского сотрудничества является сотрудничество в области электроэнергетики. К сожалению, действующее в странах ЕС законодательство в этой области ограничивает экспорт электроэнергии из стран, не являющихся членами ЕС. С начала 2011 г. вся произведенная в России электроэнергия продается по рыночным ценам, также произведено разделение энергетических компаний на генерирующие, сетевые и сбытовые. В результате масштабной приватизации большая часть генерирующих мощностей перешла в собственность европейских энергетических компаний. Эти изменения в целом соответствуют европейским стандартам, поэтому имеет смысл сотрудничество в данном направлении, поскольку для европейских стран выгоднее будет покупать произведенную в России электроэнергию, чем транспортировать в Европу газ для ее производства. Стоит, в частности, отметить, что кооперация между Германией и Россией также все больше охватывает и такие темы, как энергоэффективность и возобновляемые источники энергии. Именно рост интереса к эффективному использованию энергии обуславливает не в последнюю очередь создание летом 2009 г. российско-немецкого энергетического агентства.

---

<sup>1</sup> Russia-Germany Nord Stream Pipeline Under Way. Written by Global Intelligence Report. [Electronic resource]. — Available at: <http://oilprice.com/Geo-Politics/Europe/Russia-Germany-Nord-Stream-Pipeline-Under-Way.html>



30 мая 2011 г. канцлер ФРГ А. Меркель заявила об отказе Германии от атомной энергетики и о закрытии всех АЭС к 2022 г. Сама канцлер является сторонником атомной энергетики, однако, учитывая значительное давление со стороны общественности и желание сохранить шансы на победу в 2013 г., Меркель отвергла геополитические и экономические преимущества от мирного атома и приняла противоречивые для себя решение, что сблизит Германию и Россию в вопросах международной политики еще больше.

Что касается проблем сотрудничества двух стран в будущем, то, скорее всего значительных проблем не возникнет. Россия — производитель, Германия — потребитель не могут быть конкурентами и могут лишь дополнять друг друга. Тем более что для России также довольно выгодно иметь партнера, который может успешно лоббировать ее интересы в европейских структурах. Конечно, можно говорить в перспективе про азиатского конкурента Германии — о Китае, куда Россия сегодня вкладывает большие средства, однако на европейском континенте Германия остается бесспорным лидером экспорта российских энергоресурсов и тем более, по моему мнению, партнерство с Германией для России является более перспективным. В целом, российско-германское энергетическое сотрудничество является достаточно стабильным. Учитывая сильную зависимость Германии от российских газа и нефти, Россия хоть и воспринимает свои энергоресурсы в качестве политического рычага, однако не позволит себе в будущем вести газовые войны с ней или проводить энергетический шантаж, поскольку это было бы глупо по отношению к собственной экономической и политической ситуации. Германия проводит разумную политику, поскольку в вопросах энергетики лоббирует в первую очередь собственные интересы и активно внедряет их в рамках общеевропейской энергетической политики. Россия, в свою очередь, нашла для себя стабильного и сильного игрока в Европе, который помогает

ей реализовывать свою энергетическую концепцию. Россия, обладая развитой газотранспортной инфраструктурой, могла бы выступить в качестве инициатора процесса формирования евразийского энергетического пространства, при условии конструктивного сотрудничества со странами восточной Европы. Таким образом, эти два государства в предстоящие 40-50 лет останутся энергетическими партнерами и будут иметь значительные прибыли от этого сотрудничества. В глобальном разрезе, успешная реализация сетевого сотрудничества в энергетической отрасли создаст условия, при которых остальные государства Восточной и Центральной Европы будут зависимыми от кооперации ФРГ и РФ, что позволит им получить рычаги влияния и приведет к реализации государственных интересов в этом геополитическом регионе.

# **РАСПРОСТРАНЕНИЕ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫХ ГМО КАК РЕЗУЛЬТАТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

**Ермакова И. В.**

Доктор биологических наук, международный эксперт по экологической и продовольственной безопасности, г. Москва

Считается, что биотехнология, применяемая для создания и модификации организмов или усовершенствования определенного типа процессов, является перспективным направлением науки, важным для развития человечества. Однако существенным моментом является правильность применяемых технологий, несовершенство которых может стать причиной генетических уродств, бесплодия, неизвестных болезней у растений, животных и человека. Глобализация многих процессов, внедрение «зелёной» революции, захват продовольственного и аграрного рынка привели к масштабному распространению плохо изученных и смертельно опасных генетически модифицированных организмов (ГМО) по всей планете, что привело к ухудшению состояния природной среды, сокращению биоразнообразия, высокой заболеваемости и смертности людей. Для продвижения ГМО была создана широкая сеть по подготовке специалистов в Университетах, организации научных лабораторий и фермерских хозяйств. Обратной стороной такой активности стало отсутствие объективного контроля за влиянием ГМО на живые организмы. Учёные, которые обнаруживали негативное воздействие ГМО на животных, подвергались атаке со стороны компаний-производителей. Их эксперименты считались некорректными, результаты признавались недействительными, возникали

трудности с публикацией статей. Самих ученых лишали грантов, а некоторых увольняли. Первыми пострадали американские учёные Игнасио Чапела и Дэвид Квист, которые доказали генетическое загрязнение в результате попадания ГМ пыльцы в другие растения [Quis & Chapela, 2001]. Был уволен из своего Института известный английский ученый Арпад Пуштаи, первый заявивший о патологии внутренних органов животных, в корм которых добавляли ГМ-картофель [Pusztai, 1998]. Известный американский писатель Уильям Энгдаль в своей нашумевшей книге «Семена разрушения...» описал, как с помощью одного телефонного звонка был уволен А.Пуштаи только за то, что он рассказал о результатах своих исследований. То, что произошло с Пуштаи «влекло за собой тревожные выводы для будущего академической свободы и независимой науки. Но это также имело огромные последствия для распространения ГМ-культур по всему миру» [Энгдаль, 2009, с.38].

Потеряла гранты группа итальянских ученых Малатесты, выявившая структурные изменения в органах мышей, питавшихся кормом с ГМ-соей [Malatesta et al., 2002, 2003]. Необоснованной критике подверглись и работы российских исследователей, т.е все наши исследования [Ермакова с соавт.] при обнаружении высокой смертности новорожденных крысят, патологии внутренних органов и нарушения репродуктивных функций крыс при добавлении в их корм ГМ-сои, устойчивой к гербициду раундапу (линия 40.3.2). Попытки повторить эксперименты как самими авторами, так и другими исследователями пресекались в самом начале. Так, в своём письме известный английский публицист Brian John написал, что «случай с Др. Ермаковой является явным отголоском зловещих событий 2002 года, когда сестринское издание Nature опубликовало рецензированную статью под авторством Квист и Чапела (см выше) по вопросу загрязнения ГМ-кукурузой». Показательной является история канадского фермера Перси Шмайзера, который стал

лауреатом Альтернативной Нобелевской премии за свою многолетнюю борьбу с транснациональной корпорацией «Монсанто», являющейся основным производителем ГМ-культур.

Уильям Энгдаль в своей книге обращает внимание на ещё один очень важный момент — продовольственную зависимость разных стран мира от гигантов биотехнологии [Энгдаль, 2009]. Зачем нужна была корпорациям эта зависимость: для управления или уничтожения? При этом Энгдаль подчеркнул, что, решая продовольственные и другие задачи с помощью ГМО, попутно уничтожается биоразнообразие планеты. Особое внимание уделялось технологии ГУРТ или «терминатор», в результате которой ГМ семена становились стерильными [Энгдаль, 2009, с.247]. Стерильность семян привела к массовым самоубийствам (более 200 тысяч) среди фермеров в Индии.

Получение генетически модифицированных организмов (ГМО) связано со «встраиванием» чужого гена в ДНК других растений или животных с целью изменения свойств или параметров последних [Кузнецов и Куликов, 2005]. Вредное воздействие ГМО было показано на млекопитающих. Так, включение в рацион крыс ГМ картофеля с геном лектина луковиц подснежника приводило к угнетению иммунной системы, уменьшению веса внутренних органов и патологическим изменениям в них [Pusztai, 1998]. Итальянские ученые [Malatesta et al., 2002; Vecchio et al., 2003] обнаружили патологические изменения в печени, поджелудочной железе и семенниках у подопытных мышей, в корм которых была добавлена ГМ-соя (RR). Австралийскими коллегами было показано, что ГМ-горох приводит к изменениям в иммунной системе и воспалению легких у мышей [Prescott с соавт., 2005]. В работе французских ученых было выявлено негативное влияние ГМ-кукурузы линии MON863 (Seralini et al., 2007), а в исследовании австрийских — ГМ-кукурузы линии NK603хMON810 (Velimirov et al., 2008) - на состояние внутренних органов (печень, почки, поджелудочная железа и др.) и репродуктивные функции грызунов. В

проведенных нами экспериментах было обнаружено ухудшение физиологического состояния потомства, нарушение поведения крыс и отсутствие второго поколения, в корм которых добавляли ГМ-сою (RR, 40.3.2). У животных наблюдалась повышенная тревожность и агрессивность, у некоторых самок - нарушение материнского инстинкта [Ermakova, 2006, 2007; Ермакова, 2009]. Было выдвинуто несколько версий патогенного воздействия ГМ-сои линии 40-3-2 на животных. Помимо мутагенного эффекта генетических вставок, накопления токсичного гербицида и проникновения трансгенов в клетки внутренних органов животных выдвигалась также версия о патогенном действии бактериальных плазмид, используемых для внедрения генов при создании ГМО («эффект плазмид»).

В настоящее время основную причину бесплодия, токсикозов и патологических изменений во внутренних органах после использования ГМО в пище связывают с несовершенством технологий получения ГМО, а, именно, с самим процессом «встраивания» чужого гена в геном другого организма [Кузнецов с соавт., 2004; Wilson et al., 2004]. Известно, что для внедрения генов используют вирусы, плазмиды (кольцевые ДНК) или др., способные проникнуть в клетку организма и затем использовать клеточные ресурсы для создания множества собственных копий или внедриться в клеточный геном (как и «выпрыгнуть» из него) [World scientific statement..., 2000]. Плазмиды и ГМ-вставки были обнаружены в клетках разных органов не только животных, использующих в пищу ГМО, но и их потомства [Schubbert и др., 1994, 1998; Doerfler, 1995; Netherwood et al., 1999].

И если выше речь шла о применении специальной технологии «терминатор», то вскоре стало ясно, что сам способ получения ГМО является терминаторным, который запускал процесс глобального бесплодия живых организмов.

Масштабное распространение опасных ГМО привело к высокому уровню заболеваемости и смертности людей, сокращению биоразнообразия, резкому ухудшению состояния

природной среды, что, в конечном счёте, может стать причиной необратимого разрушения биосферы планеты. Небольшая, на первый взгляд, ошибка в биотехнологии превратила ГМО в оружие массового поражения (ОМП), а глобализация процессов по их внедрению и распространению поставила жизнь на планете на грань исчезновения, что ещё раз подчёркивает важность многополярного мира, когда ошибочные действия в одной стране могут быть нейтрализованы адекватными действиями в других странах. На примере ГМО можно видеть, как при глобализации из-за одной биотехнологической ошибки может быть уничтожена жизнь на Земле.

### Литература:

1. Кузнецов В. В., Куликов А. М. Генетически модифицированные риски и полученные из них продукты: реальные и потенциальные риски// Российский химический журнал. 2005. 69 (4). С.70-83.
2. Ермакова И. В. Влияние сои с геном EPSPS CP4 на физиологическое состояние и репродуктивные функции крыс в первых двух поколениях// Современные проблемы науки и образования. Биологические науки. 2009. №5, с.15-21.
3. Энгдаль Уильям Ф. Семена разрушения. Тайная подоплёка генетических манипуляций. Нестор-история, СПб, 2009, С. 319 .
4. Doerfler W. The insertion of foreign DNA into mammalian genomes and its consequences: a concept in oncogenesis. Adv Cancer Res. 1995, 66, 313-344.
5. Ermakova I.V. Genetically modified organisms and biological risks. Proceedings of IDRC, Switzerland, 2006, pp.168-171.
6. Ermakova I.V. GM soybeans—revisiting a controversial format// Nature Biotechnology, V.25, N12, 2007, pp 1351-1354.
7. Engdahl F.William. Seeds of destruction. The Hidden Agenda of Genetic Manipulation. Global Research, 2007.
8. Quist, D.; Chapela, I. Transgenic DNA Introgressed into Traditional Maize Landraces in Oaxaca, Mexico// Nature 414, 6863. P. 541-543.
9. Malatesta M., Caporalony C., Gavaudan S., Rocchi M.B.L., Tiberi C., Gazzanelli G. Ultrastructural, morphometrical and immunocytochemical analysis of hepatocyte nuclei from mice fed on genetically modified soybean// Cell Struct. Funct., 2002. 27. P.173-180.

10. Netherwood T., Bowden R., Harrison P., O'Donnell A. G., Parker D. S., and Gilbert H. J.
11. Gene Transfer in the Gastrointestinal Tract// *Appl Environ Microbiol.* 1999. 65(11). P. 5139—5141.
12. Prescott, V. E., Campbell, P. M., Moore, A., Mattes, J., Rothenberg, M.E., Foster, P.S., Higgins, T.J.V. and Hogan, S.P. Transgenic expression of bean alpha-amylase inhibitor in peas results in altered structure and immunogenicity// *Journal of Agricultural and Food Chemistry.* 2005. 53. P.9023-9030.
13. Pusztai A. Report of Project Coordinator on data produced at the Rowett Research Institute. SOAEFD flexible Fund Project RO 818. 22 October 1998.
14. Schubbert R., Lettmann C. and Doerfler W. Ingested foreign (phage M13) DNA survives transiently in the gastrointestinal tract and enters the blood stream of mice// *Molecules, Genes and Genetics.* 1994. 242. P.495-504.
15. Schubbert R., Hohlweg U., Renz D. and Doerfler W. On the fate of orally ingested foreign DNA in mice: chromosomal association and placental transmission in the fetus// *Molecules, Genes and Genetics.* 1998. 259. P.569-576.
16. Seralini G.E., Cellier D., Vendomois JS. New Analysis of a Rat Feeding Study with a Genetically Modified Maize Reveals Signs of Hepatorenal Toxicity// *Arch. Environ. Contam. Toxicol.* 2007.
17. Velimirov A, Binter C and Zentek J. (2008) Biological effects of transgenic maize NK603xMON810 fed in long term reproduction studies in mice. Report, Forschungsberichte der Sektion IV, Band 3., Vienna, Austria, 2008.
18. Vecchio L., Cisterna B., Malatesta M., Martin T.E., Biggiogera B. Ultrastructural analysis of testes from mice fed on genetically modified soybean// *Eur. J. Histochem.* 2003. 48. P.449-453.
19. Wilson A., Latham J., Steinbrecher R. Transformation-Induced Mutations in Transgenic plants: Analysis and biosafety implications// *Biotechnology and Genetic Engineering Reviews.* 2006. 23. P.209-237.
20. World Scientists Statement. Supplementary Information of the Hazards of Genetic Engineering Biotechnology». Third World Network, 2000.



# ИДЕЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

**Клименко А. Н.**

Аспирант Института международных отношений и социально-политических наук (кафедра теории и истории международных отношений) Московского Государственного Лингвистического Университета

Во второй половине XV века Московское княжество представляло собой лишь одно из многих русских государств и земель. С духовной точки зрения, в русских землях преобладало двоеверие, т.е. смесь христианства и дохристианских древнеславянских верований. Однако, конечно, с течением времени учения византийских духовных подвижников проникали в Русь всё глубже. Пропорционально этому процессу восточное христианство становилось для Руси цивилизационной основой, что исторически обусловило цивилизационную границу между Западом и Русью (эта граница была тождественна границе между православием и католичеством). «Хотя основания христианской культуры в Руси и в католической Европе были тождественными, — пишет Г. В. Вернадский, — раскол между греко-православной и римско-католической деноминациями имел своим следствием постепенное создание культурного барьера между Русью и Западом»<sup>1</sup>. Можно предположить, что и сама идея «Москва — третий Рим» во многом стала результатом этого «культурного барьера» между Западом и Русью, переросшего в противостояние.

---

<sup>1</sup> *Вернадский Г. В. История России. Россия в средние века. Тверь — Москва. ЛЕАН АГРАФ. 1997. С. 18.*

Что касается исторического контекста, в котором была сформулирована идея «Третьего Рима», изучая сам текст послания (старца Филофея к Василию III), где звучит знаменитая формула, становится понятно, что Филофей не восхваляет московского князя, а тонко его обличает, намекая на несоответствие Василия III и некоторых представителей Церкви идеалу «Третьего Рима».

В условиях несправедливости и самочинства со стороны московских властей был насильно присоединён к Московскому княжеству Псков. В «Плаче о городе Пскове» автор сравнил Москву с многокрылым орлом, который вырвал Ливанский кедр (то есть силу) — за грехи псковичей. Происходившее вселило такое горе и отчаяние в сердца псковичей, что они интерпретировали постигшую их трагедию как приближение Антихриста. В таких обстоятельствах псковичи решили обратиться за помощью к настоятелю Елеазарова монастыря в Пскове, монаху Филофею, который пользовался у них большим почтением. Филофей отправил послания дьяку Мисюрь-Мунехину и самому московскому правителю Василию III. В этих посланиях псковский монах предпринял попытку повлиять на московского князя и как на политика, и как на христианина.

Во-первых, Филофей указывает на «вдовство» Новгородского епископского престола (после послания изменений не последовало, и епископ так и не был избран). Во-вторых, на самодурство, жестокость и даже содомию московских должностных лиц. Следует отметить, что Василий III послушался Филофея и удалил «угнетателей» из Пскова, заменив их благонамеренными наместниками. Наконец, в посланиях Василию III Филофей пишет о том, что после падения Константинополя Русь остаётся единственной хранительницей православия, а сам Василий III — единственным православным христианским правителем на Земле. Стало быть, он несёт особую ответственность перед Церковью и государством.

Послания Филофея не были направлены на восхваление московской власти и менее всего являлись идеологической концепцией. Видя несправедливость и горе, которое московские наместники приносили псковичам, Филофей, как сын своей земли и как христианин, указал на то, что Московский князь несёт особую ответственность за происходящее.

Таким образом, говоря о «Москве — третьем Риме» как о концепции (в т.ч. геополитической), не следует понимать её, во-первых, в качестве обоснования для экспансии и/или империалистических претензий и, во-вторых, в качестве идеологии теократического государства. Концепция «Москва — третий Рим» связывает три звена: правитель — Церковь — народ (государство). Достойный христианский правитель должен хранить и защищать веру и Церковь, чтобы тем самым был защищён и весь народ. «Третий Рим» в данном случае не мессианская идеология, а призыв к высочайшей ответственности за хранение восточного христианства — православия и за православный народ Руси. Указывая на то, что «Москва — третий Рим», Филофей является не идеологом и не апологетом, а обличителем.

Г. Флоровский пишет по этому поводу: «Если Москва есть Третий Рим, то и последний, — то есть: наступила последняя эпоха, последнее земное «царство», конец приближается. «Твое христианское царство инеем не останется». С тем большим смирением и с «великим опасением» подобает блюсти и хранить чистоту веры и творить заповеди. В послании к великому князю Филофей именно предостерегает и даже грозит, но не славословит. Только уже вторично эта апокалиптическая схема была использована и перетолкована официальными книжниками в панегирическом смысле»<sup>1</sup>.

Впрочем, роль идеи «Москва — третий Рим» превосходит исторические рамки правления Василия III. Она стала одновременно и выражением культуры, ценностей русского народа.

---

<sup>1</sup> *Протоиерей Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Минск. Белорусская Православная Церковь. 2006. С. 15

«Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютно добра, следовательно такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием», — писал Н.О.Лосский<sup>1</sup>. Это объясняет появление такой идеи, которая являла бы религиозную, а точнее религиозно-мессианскую сущность русского народа. Русь представляется катехоном, удерживающей силой против наступающей власти беззакония, сатаны<sup>2</sup>. «Четвёртого Рима» не будет — будут последние, апокалиптические времена, когда настанет Второе Пришествие Христа. Поэтому геополитический идеал этого эсхатологического мировоззрения — это «защищённая и защищающая русская православная империя-катехон»<sup>3</sup>. С геополитической точки зрения, идея «Москва — Третий Рим» испытала трансформацию — в XIX и в XX веках. В XIX веке — во время так называемого Восточного вопроса, когда геополитическим идеалом стало взятие Константинополя (Царьграда), «оседлание» черноморских проливов, а также духовное лидерство в Православном мире. В XX веке идея «Москва — Третий Рим» приняла новую геополитическую форму: в 1943-1948 гг. РПЦ рассматривалась как главный агент для подчинения Восточной Европы и Ближнего Востока, с перспективой создания «Московского Ватикана».

Концепт «Москва — Третий Рим» всегда возникал в поворотные пункты русской истории, а именно: при возникновении независимого Московского государства, в конце существования

---

<sup>1</sup> Лосский Н. О. Характер русского народа. — М., Издательский Совет Русской Православной Церкви, Издательство «ДАРЪ», 2005. — 336. С. 6.

<sup>2</sup> Происхождение термина и понятия «катехон» восходит к словам апостола Павла во 2-м послании к Фессалоникийцам, где он говорит о невозможности наступления конца мира, пока не «взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:7).

<sup>3</sup> [Перевод с англ. Dmitrii Sidorov. Post-Imperial Third Romes: Ressurections of a Russian Orthodox Geopolitical Metaphor. <http://www.scribd.com/doc/36222879/Post-Imperial-Third-Romes-Resurrections-of-a-Russian-Orthodox-Geopolitical-Metaphor>].

Российской империи, во время (и после) Второй мировой войны. Поэтому понятно, что распад СССР возродил интерес к данному концепту — новая Россия находится в поиске своей роли в системе мировых координат. В начале XXI века продолжение идеи «Москва — Третий Рим» можно увидеть в геополитических взглядах Назарова М., Холмогорова Е., Цымбурского А., Нарочницкой Н., Дугина А. Во второй части данной работы будут рассмотрены их представления о роли России в духовно-геополитической картине современного мира.

По мнению А. Дугина, русский народ — это «цивилизационная константа»<sup>1</sup>. Русский народ всегда сохранял мессианскую сущность, а когда политическая форма не соответствовала национальному содержанию, наступал кризис. Запад определяется автором как «культурная и геополитическая антитеза России»<sup>2</sup>. Дугин считает, что русский универсализм принципиально отличается от Запада, поэтому стратегия России должна быть антизападной.

Россия в своей геополитической миссии видится А. Дугину империей, что не может не напоминать о «христианском Риме», империи, где «нет ни эллина, ни иудея». «Отказ от имперо-строительной функции означает конец русского народа... как цивилизационного явления»<sup>3</sup>. Границы империи постоянно расширяются, в её состав входят всё новые культуры, религии, территории с «общим знаменателем», поэтому экспансия — это, по мнению А. Дугина, неотъемлемая часть развития и жизнедеятельности русского народа. Причём экспансия предполагает не расширение «жизненного пространства», а утверждение особой миссии, особого — русского — типа мировоззрения.

А. Дугин предлагает создание Новой Евразийской Империи, которая, с точки зрения внутренней организации, не будет

---

<sup>1</sup> Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством — Изд. 4-е, Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 2000 — 928 стр. С. 188.

<sup>2</sup> Там же. С. 190.

<sup>3</sup> Там же. С. 197.

являться государством-нацией. Новая Евразийская Империя, по идее А. Дугина, будет обладать «гибкой и дифференцированной этнорелигиозной структурой»<sup>1</sup>. В качестве альтернативы губерниям предлагаются «этнорелигиозные области», обладающие «максимальной степенью культурной, языковой... автономией»<sup>2</sup>. При этом геополитически, стратегически и идеологически Новая Евразийская Империя должна действовать как единый субъект.

М. Назаров в своей книге «Вождю Третьего Рима» считает, что исторически Россия в своей внешней политике отстаивала справедливость, поэтому восстановление «Третьего Рима» тождественно восстановлению по отношению к другим государствам «традиционной русской внешней политики в новых условиях»<sup>3</sup>.

Отношение М. Назарова к Западу однозначно негативное: по мнению автора, Запад даже не иудео-христианская, а антихристианская цивилизация (под еврейским влиянием). Назаров предлагает противопоставить Западу восстановленное поствизантийское пространство православных стран. Более того, возможность союзничества увеличивается М. Назаровым до более широких масштабов, чем поствизантийское пространство. Союзником России может стать любое государство, готовое принять общее правило: не вмешивайся во внутренние дела других народов и не поступай с другими так, как не хотел бы, чтобы поступали с тобой.

Что касается границ «Третьего Рима», М. Назаров придерживается мнения, что легитимные границы России — это границы Российской империи по состоянию на 2 марта 1917 г. Исходя из этого, неизбежно возникает вопрос: как относиться и

---

<sup>1</sup> Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством — Изд. 4-е, Москва, «АРКТОГЕЯ-центр», 2000 — 928 стр. С. 212.

<sup>2</sup> Там же. С. 213.

<sup>3</sup> <http://www.rusidea.org/?a=410708>

что делать с теми территориями Российской империи, которые сейчас являются отдельными, подчас не симпатизирующими России странами? В случае некоторых территорий (например, Карелии), М. Назаров считает оптимальным решением процесс референдума — пусть не политики, а сам народ проявит своё отношение к России. В случае с другими территориями (например, Польши, Финляндии), автор большое значение придаёт деятельности православных церквей. «Россия должна покровительствовать этим духовным гражданам Третьего Рима (т.е. прихожанам и православным-полякам, финнам. — А. К.), восстановить особые связи с ними, независимо от государственных границ. То же касается и более отдалённой нашей утраты — Аляски с прилегающими островами, где сохранились православные алеуты и эскимосы»<sup>1</sup>. Однако не описывает ли М. Назаров не что иное, как основную направленность в деятельности ОБЦС РПЦ?..

М. Назаров положительно относится к экспансии. Причём расширение должно иметь целью не выгоду территориальных и других приобретений, а христианские мотивы помощи и восстановления справедливости. Следует отметить, что в таком смысловом акценте мнение М. Назарова созвучно мнению А. Дугина.

Автор придаёт особое значение Белоруссии, характеризуя её как «форпост на пути расширения НАТО», более того, как «единственного искреннего военного союзника России». Подводя итог своим размышлениям о Белоруссии, М. Назаров приходит к оригинальной идее: «Белоруссия могла бы... взять на себя миссию «удерживающего» для всего русского народа. Только так и сама Белоруссия сможет выстоять»<sup>2</sup>.

Е. Холмогоров предлагает идею «политического Православия», которое он определяет как «формирование конкретной политической позиции на основании догматики,

<sup>1</sup> <http://www.rusidea.org/?a=410900>

<sup>2</sup> <http://www.rusidea.org/?a=410900>

канонов, нравственного и аскетического учения, истории и историософии Православной Церкви»<sup>1</sup>. Е. Холмогоров остроумно замечает, что для современности характерен запрос на идентичность. В связи с этим автор задаётся вопросом, какой ему видится православная идентичность в современной России, и находит решение «на путях перекидывания мостиков между текущей идентичностью, самосознанием человека, и православной идентичностью»<sup>2</sup>. И эта мысль глубоко христианская по своей сути. Указание на то, что христианство может и должно соответствовать и гармонизировать с современностью, есть во 2-м послании коринфянам апостола Павла: «...буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6). Таким образом, нужно не «модернизировать» православие, исходя из запросов современного общества, но и не считать православие архаизмом. Нужно уметь находить новые, современные формы воплощения (политические ли, культурные ли и т.д.), исходя из вечных, непреходящих истин.

Автором рассмотрена идея православной геополитики. По мнению Е. Холмогорова, она состоит из двух аспектов: «геополитики Удерживающего» и «геополитики Византизма»<sup>3</sup>. Первый аспект — «геополитика Удерживающего» — предполагает, что та геополитическая деятельность имеет религиозную ценность, которая укрепит Россию как великую державу. Е. Холмогорову важен не процесс, а результат — стабильное и крепкое положение России на международной арене. Что касается второго аспекта — «геополитики Византизма», она «должна быть подчинена цели установления православного политического порядка и восстановления инфраструктуры спасения на тех территориях, <...> где Православие является не конфессией среди конфессий, <...> а системным фактором идентичности.

---

<sup>1</sup> Холмогоров Е. Политическое Православие. Правая.Ру от 10 июня 2005 г. <http://pravaya.ru/leftright/472/3579>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.



Эта православная геополитика включает в себя и идею православной миссионерской экспансии, осуществляемой на тех направлениях, где эта экспансия может принести добрый плод»<sup>1</sup>. Будучи сама по себе интересной и стоящей дальнейшей разработки, идея Е. Холмогорова страдает от отсутствия конкретики. Уточнение и пояснение особенно нужны в отношении второго аспекта православной геополитики. Что подразумевает автор под выражением «добрый плод»? То есть, на каких направлениях, по мнению Е. Холмогорова, экспансия принесёт «добрый плод» и в чём он заключается? Это автор не конкретизирует.

Уже создав геополитическую концепцию «Остров Россия», В. Цымбурский занялся исследованием этимологии слова «остров» и пришёл к интересным заключениям. Помимо основного своего значения, это слово в древнерусской литературе трактовалось как обособленная от других территория, её население; в другом случае «острова» толковались как поместные (суверенные) церкви отдельных народов. Поэтому В. Цымбурский пришёл к выводу о том, что понятие «остров» сыграло особую роль в менталитете русского народа, и выделяет «Третий Рим» как «островной» прасимвол.

Автор называет Московский период «эпохой «островной» самореализации», поскольку в XVI — XVII веках произошло «признание геополитической, культурной и социальной органичности пребывания России вне коренной Европы»<sup>2</sup>. По сути, В. Цымбурский повторяет теорию Н. Я. Данилевского<sup>3</sup> о том, что Европа представляет собой несовместимый с Россией культурно-исторический тип. Мысль Цымбурского оригинальна тем, что он вводит понятие «территорий-проливов»: Россия

<sup>1</sup> Холмогоров Е. Политическое Православие. Правая.Ру от 10 июня 2005 г. <http://pravaya.ru/leftrigh/472/3579>

<sup>2</sup> Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993 — 2006. / В. Л. Цымбурский. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 544 с.

<sup>3</sup> Речь идёт о теории культурно-исторических типов, изложенной в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

отделена от романо-германской Европы т.н. «территориями-проливами», то есть народами, примыкающими к Европе, но не входящими в неё. К таким «территориям-проливам», «омывающим» «остров Россию», Цымбурский относит Прибалтику, Польшу, Чехию, Венгрию.

Что касается роли Москвы в начале XXI века, Цымбурский не придаёт ей никакого особого значения: «Москва — больше не душа России. <...> Остальные, что бездушные вовсе? Я думаю, что душа России обретается и в Москве, и в Костроме, и в Нижнем Новгороде, и в Новосибирске»<sup>1</sup>. Скептическое отношение к сакральному смыслу Москвы в истории России как результат приводит Цымбурского к идее переноса столицы на Урал, так чтобы столица России выполняла специфическую роль «скрепы» всего российского пространства.

Современный «паттерн идентичности» России Цымбурский видит имперским. При этом уточняет: «...этот паттерн... должен совпасть с тем, который Империя, сильно деформировав, переняла у Московского царства...»<sup>2</sup>. То есть, придавая современному «острову России» черты империи, Цымбурский скорее ориентируется на «империю» Московского царства (как на наследника Римской и Византийской империй), а не на Империю Петербургского периода.

Если для вышерассмотренных авторов (Дугин, Назаров, Холмогоров, Цымбурский) Запад — это, с цивилизационной точки зрения, оплот зла и противник, без каких-либо оговорок, то для Н.Нарочницкой ключевой предпосылкой для дальнейших суждений стало видение глубинного духовного единства Запада (а конкретно Нарочницкая имела в виду именно Европу), с одной стороны, и России — с другой. Следствием такого взгляда на

---

<sup>1</sup> Цымбурский. Третий Рим и Вторая Великобритания. <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2467>

<sup>2</sup> Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993 — 2006. / В. Л. Цымбурский. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 544 с.

Европу стало позитивное отношение автора к синтезу российского и западного векторов истории.

Культурно-исторический стык двух платформ — европейской и русской — отмечали многие авторы, начиная от славянофилов и Н.Я. Данилевского, евразийцев и заканчивая современными авторами, рассмотренными в данной работе. Но все они считали, что европейский (романо-германский) культурно-исторический тип несовместим с Россией (Н. Я. Данилевский), а в наиболее жёстких трактовках — враждебен ей (А. Г. Дугин). Н. Нарочницкая же смотрит на «соприкосновение» Европы и России не как на линию духовно-геополитической борьбы, а как на линию соединения и сотрудничества. При этом Нарочницкая делает важный акцент на том, вокруг чего она видит западно-славянское сотрудничество, общность целей и задач. «Объединяет (Россию и Европу. — А. К.) «Отче наш», Нагорная проповедь — вот общий фундамент нашей культуры и истории»<sup>1</sup>.

Однако не связанная, а, наоборот, противоречащая изначально христианскому пониманию западная трактовка свободы привела к извращению этого понятия, превратившись в «либеральную технократию»<sup>2</sup>. Н. Нарочницкая, указывая на то, что на Западе произошла трансформация свободы из христианского идеала в либерализм, помещает эту трансформацию в центр христианской историософии и делает узловым местом современного противостояния «Москвы — Третьего Рима» и «апостасии». Конкретно США Н. Нарочницкая называет «феноменом поистине последнего — четвёртого царства», «лидером апостасии»<sup>3</sup>.

Таким образом, Нарочницкая видит современный мир как продолжение борьбы «апостасии», отступничества против

---

<sup>1</sup> Россия и русские в современном мире / Наталия Нарочницкая. — М.: Эксмо : Алгоритм, 2011. — 416 с. — (Политические тайны XXI века). С. 334-335.

<sup>2</sup> Там же. С. 276.

<sup>3</sup> Там же. С. 352.

России — «Третьего Рима», в котором «сошёлся», по идее старца Филофея, весь православный мир. Европа и Россия могут объединиться, но только на основе христианских ценностей. Возможно, излагая эту идею, Нарочницкая имела в виду, что преображённые, вернувшиеся к христианству до Великой Схизмы (до православно-католического раскола XI в.) Европа и Россия способны на современном этапе составить единый «Третий Рим» — маяк истины и спасения. Европу в нынешнем её состоянии, то есть как продолжательницу американских интересов, континентальный придаток НАТО, часть «Рах Americana», Нарочницкая, наоборот, склонна противопоставлять России (в том случае, разумеется, если сама Россия будет достойна миссии «Третьего Рима»): «возрождение Православия в России есть одно из самых серьёзных препятствий на пути Рах Americana»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Россия и русские в современном мире / Наталия Нарочницкая. — М.: Эксмо : Алгоритм, 2011. — 416 с. — (Политические тайны XXI века). С. 340.

# СЕТЕВЫЕ ОБРАЗЫ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

**Корженева О. В.**

Аспирант Санкт-Петербургского Государственного  
Университета

Известно, что в наши дни значительно возросла роль массовой коммуникации. Вовлечение в этот процесс огромного числа людей, рост каналов и источников информации позволили говорить о формировании особой медиареальности, созданной благодаря господству визуальных образов. Медиа существуют внутри нас, определяют стратегию поведения, наши желания и взгляды<sup>1</sup>.

Именно информационное поле является средой, в которой формируются, утверждаются и нивелируются ценности. И чаще всего этот процесс происходит через своеобразных «посредников» — медиаобразы. Именно они, рождаясь и функционируя в медиасреде, оказываются «переносчиками» идей и смыслов, доводящими их до сознания конкретных людей. Многие исследователи говорят о наступлении «цивилизации образа», об «обществе зрелищ». В данных условиях по-настоящему существует лишь то, что показано, растиражировано по каналам СМИ. Пусть даже «триумф» того или иного образа длится недолго, но именно он является подлинным бытием и подлинной реальностью<sup>2</sup>.

Сегодня наиболее яркой и динамичной информационной средой является Интернет. Именно здесь наиболее полно

---

<sup>1</sup> Савчук В. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия. // Медиа философия II. СПб, 2009. С. 227

<sup>2</sup> Дугин А. Г. Философия политики // <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909073146.xhtml>

проявляются характерные черты, особенности и тенденции развития медиареальности. В сетевое пространство каждый желающий может проецировать свои мысли, идеи и интересы, создавая собственный медиаобраз, а иногда и не один. Эти образы составляют специфическую сетевую «публику» (чаще — толпу), представители которой вступают между собой в различные отношения, в том числе и политические. Считается, что медиареальность принципиально закрыта от влияний извне, зато её обитатели легко становятся жертвами воздействия других участников процесса массовой коммуникации. В современных условиях «виртуальная толпа» становится субъектом политики, а точнее того, что сегодня принято так называть. Представляется более правильным говорить о постполитике, как о явлении виртуальном, существующем только в пространстве «презентации», в высказывании, в плоскости «экрана»<sup>1</sup>.

Вместе с тем, как и реальная толпа, толпа виртуальная остаётся идеальным объектом манипуляций. Она легко потребляет информационный продукт, предлагаемый ей, и в нужный момент может начать действовать в соответствии с заложенными в нём установками. Неслучайно её активизация происходит в моменты важных политических событий, а термин «твиттерные революции» уже занял своё место среди понятий, обозначающих характерные явления современной политической реальности.

Следует отметить, что сетевую «политику» можно считать формой массовой культуры. Их роднит и лёгкость восприятия, и вовлечение максимально широких слоёв населения, и приоритет процесса перед содержанием, и многое другое. Самое главное, что позволяет причислить «виртуальную политику» к масскульту — это принципиально случайный, вероятностный характер, отсутствие признаков цельного бытия и чёткой

---

<sup>1</sup> Дугин А. Г. Философия политики // <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909073146.xhtml>

ценностноориентированной структуры, а также зрелищный, игровой характер. Здесь господствует мозаика случайных форм, лишённых смысла, но способных вызвать спонтанную реакцию «виртуально толпы». Следует подчеркнуть, что «сетевая политика», как и другие формы массовой культуры, оказывают значительное влияние на формирование взглядов, стандартов и примеров для подражания.

Массовая культура, являясь продуктом и результатом развития западной (атлантистской) цивилизации, несёт в себе её культурный код, пропагандирует её ценности и способствует установлению её гегемонии. То же можно сказать и о сетевой политике (во всяком случае, в её «оранжистском» сегменте, который пока доминирует в рунете).

Если мы посмотрим на медиаобразы видных деятелей «оппозиции», то обнаружим в них черты, характерные для атлантистской цивилизации. Речь здесь идёт даже не об идеологии (которой, по существу, как раз нет), а о принципах, на которых они строятся. Но если мы вспомним о характерных особенностях медиареальности, то обнаружим, что именно образы и формируют нормативы поведения и взглядов на жизнь у потребителей массовой информации.

Например, очень характерным в этом плане представляется образ Алексея Навального. Здесь можно видеть и развитие качеств авантюризма, риска (вспомним перипетии его тяжб с нефтяными компаниями, и якобы преследования со стороны ФСБ и движения «Наши» — всё это похоже на типичный приключенческий сюжет), и чувствительность к конъюнктуре (у известного оппозиционера отсутствует программа, зато он умело пользуется наиболее популярными темами), и индивидуальная «доблесть» (борьба с коррупцией выступает скорее предлогом, фоном, на котором происходит самопрезентация). Добавим к этому безразличие к традициям и нормам, выражающееся, хотя бы, в речи, характерной для представителей сетевой толпы, но не для политического деятеля (характерные примеры:

«Единая Россия — партия жуликов и воров»; «Транснефтята конечно отжигали как могли»; «Транснефтятки, я жду ваши протокольчегии»; «Министерство регионального развития в очередной раз демонстрирует ничем не прикрытое стремление пилить бабло не сильно стесняясь внимания общественности»; «Когда-нибудь, чувачки, вам придется за это ответить»), и многие другие свойства морской цивилизации.

Зато в образе Навального отсутствуют черты, которые характеризовали бы его как серьёзного политического деятеля. Главное, у него отсутствует чёткая политическая программа. Но она «виртуальной толпе» и не нужна — главное, чтобы медиаобраз хоть на короткое время привлекал к себе внимание. Следует отметить, что и биография известного блогера его аудиторию мало интересует. Дело в том, что сетевой герой — это герой без прошлого и без будущего, потому что в сети царит вечное настоящее, там нет и не может быть никакого движения к чему-либо.

Очевидно, что традиционные ценности русско-евразийской культуры в сетевом политическом дискурсе либо отрицаются, либо игнорируются. Действительно, как можно говорить о мессианстве, если отсутствует даже позитивная политическая программа, уступая место насмешкам и отрицанию. В такой форме политика превращается скорее в игру или зрелище. О ценностях целостности, державности, консерватизма и т.д. также не имеет смысла говорить — они не актуализируются в виртуальном политическом дискурсе.

Совершенно естественно, что данная медиареальность формирует соответствующее отношение к политике, которое не предполагает в ней сакрального измерения, глобального проекта и ориентации на иерархичную систему ценностей.

Говоря о политике в рунете, нельзя не отметить ещё одно тревожное явление. Сегодня изменению традиционного для России отношения к политике способствует (сознательно или, скорее, несознательно) сама власть в лице главы государства.



Дело в том, что блогосферу как место взаимодействия представителей «виртуальной толпы» и пространство «игры» можно назвать наследницей площадной (или балаганной) традиции. Оба явления отменяют иерархию, создают перевёрнутую реальность — «антимир». Но если царь, высмеиваемый на площади (причём, высмеивался скорее абстрактный царь, а не конкретная личность), сам в этом участия не принимал и не появлялся там, то президент Медведев сам становится блогером, то есть становится участником данного коммуникативного процесса, причём делает это одним из оснований своего имиджа. Попадая в число блогеров — принципиально анонимных, виртуальных, становясь «одним из», власть сама отменяет своё положение на вершине иерархии, низводит себя до уровня «виртуальной толпы», лишает себя сакральности. Между тем, как особое отношение к власти составляет одну из главных особенностей русско-евразийской политической культуры. Нередко именно образ власти как персонификация государства и политического проекта способен объединить людей, мобилизовать для достижения высоких целей.

Таким образом, Интернет-«политика» сегодня по большей части выступает формой глобальной массовой культуры. Распространение «оранжистских» идей и образов в российском медиапространстве можно назвать «медленной революцией». Даже если против России не удастся напрямую применить технологию «твиттерной революции», воздействие её адептов не пройдёт бесследно. Традиционные русско-евразийские политические ценности в формирующемся дискурсе заменяются на противоположные — атлантиские. Следовательно, происходит изменение сознания людей, вовлекаемых в него. Причём, воздействие оказывается в первую очередь на активную молодёжь, потому как именно она является главным потребителем подобной информации. Это обстоятельство придаёт описываемому явлению ещё большую значимость и опасность.

В наши дни противостояние двух цивилизаций происходит главным образом в информационной сфере, и виртуальное сетевое пространство занимает здесь отнюдь не последнее место. Следовательно, для противодействия описанным тенденциям необходимо разработать стратегию, которая позволила бы «наполнить смыслом» виртуальную политику и возродить традиционное восприятие Политического. Сегодня битва происходит в сфере символов и образов за символическое пространство, и именно от её исхода во многом зависит будущее.

## **ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ИРАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**Кузнецов А. А.**

Кандидат политических наук, г. Москва

Внешнеполитические приоритеты Исламской Республики Иран во многом определяются сложной и по-своему уникальной геополитической ситуацией этой страны, а также теми вызовами и угрозами, которые несет данная ситуация.

Уникальность иранской геополитики объясняется тем, что эта страна, занимающая центральное, ключевое положение в регионе Среднего Востока имеет выходы на такие различные в географическом, экономическом и культурном аспектах регионы как Ближний Восток, Центральная Азия и Закавказье. С каждым из этих регионов у Ирана на протяжении его трехтысячелетней истории складывались непростые отношения притяжения и отталкивания. Учитывая то, что Иран — это страна с имперской традицией государственности, в каждом из этих регионов она исторически отстаивает свои стратегические интересы.

Кроме того, специфика иранской геополитики состоит в том влиянии, которое на нее оказывает тридцатилетнее противостояние Ирана и США, берущее начало со времени исламской революции 1979г. в Иране. Данное противостояние выражается в строгом режиме экономических санкций, наносящих существенный ущерб иранской экономике, а также в военно-политическом противостоянии по периметру иранских границ. Присутствие военных контингентов США в Афганистане и в Ираке, 6-го флота США в Персидском заливе, военных баз в

Пакистане и Турции увеличивает опасения иранской стороны. Учитывая напряженные и даже сопернические отношения между двумя странами, Иран фактически находится во враждебном окружении.

Информационный фон последнего года создают иллюзию, что главной причиной американо-иранских противоречий является иранская ядерная программа (ИЯП). Несмотря на то, что рассмотрение этой программы выходит за рамки темы доклада, хотелось бы высказать ряд соображений на этот счет. Иран действительно осуществляет ядерную программу, но было бы большой ошибкой полагать, что эта программа однозначно осуществляется в военных целях. Атомная энергетика необходима для иранской экономики. В немалой степени это объясняется тем, что в настоящее время природный газ составляет в энергетическом балансе Ирана 55%. Это непропорционально большая доля. Развитие ядерной энергетики позволило бы Ирану высвободить значительную часть газа для экспортного потенциала и тем самым существенно увеличить доходы этой страны.

Кроме того, мировое сообщество вполне терпимо относится к наличию ядерного оружия у двух других держав Ближнего и Среднего Востока — Израиля и Пакистана. Наибольшее беспокойство в данном ракурсе вызывает, естественно, Пакистан. В отличие от относительно стабильного Ирана, вполне предсказуемого и контролируемого центральной властью государства, Пакистан, согласно оценкам многих, в том числе американских аналитиков, является «несостоявшимся государством». На территории его северных провинций идет вялотекущая гражданская война, происходят постоянные террористические акты, и попадание пакистанского ядерного арсенала в руки террористов вовсе не является чем-то невозможным. Таким образом, представляется, что истинной причиной негативной американской политики по отношению к Ирану является не ядерная программа и не режим исламского правления (веляят-э-факих) в ИРИ, а независимый внешнеполитический курс этой страны.

Если бы в настоящее время Иран стал выстраивать свою политику в американском фарватере, Вашингтон примирился бы и с ядерной программой и с правлением аятолл.

В то же время последние события в Ливии скорее всего приведут к тому, что иранская ядерная программа не только не будет свернута, но и будет завершена до стадии создания ядерного оружия. Печальный опыт Каддафи, отказавшегося в 2002 г. от осуществления собственной ядерной программы показывает иранской элите, что разговаривать с Западом на равных можно только при наличии серьезного силового аргумента.

Для выявления основных констант иранской геополитики целесообразно сделать краткий обзор региональной политики ИРИ.

Говоря о регионе Ближнего Востока следует указать на эволюцию иранских внешнеполитических подходов к этому району мира. В последнее двадцатилетие произошло заметное изменение иранской политики здесь, в результате которого доктрина «экспорта исламской революции» утратила свое оперативное измерение и во многом уступила место внешнеполитическому прагматизму. В настоящее время основной базой поддержки Ирана в регионе являются шиитские общины, а основным стратегическим противником — не Израиль, как полагают некоторые масс-медиа и политологи, а Саудовская Аравия. Именно иранско-саудовские, а не иранско-израильские противоречия будут определять направление иранской внешней политики в долгосрочной перспективе. Исходя из этого, основным объектом приложения иранской внешнеполитической энергии в Иране будет Ирак, а также государства Персидского залива, в составе населения которых имеются значительные шиитские общины, такие как Бахрейн (большинство населения) и Саудовская Аравия (до 20%). Американская агрессия в Ираке в 2003 г., приведшая к гражданской войне в стране и фактическому демонтажу иракского государства, с одной стороны, избавила Тегеран от серьезного геополитического

конкурента и фактически сделал эту страну наиболее мощной державой ближневосточного региона, с другой стороны, привела к появлению новых вызовов. Таким вызовом является американское военное присутствие на границе с Ираном. Установление контроля над иракской политикой с помощью расширения своего экономического присутствия, а также с помощью шиитских клерикальных партий («Даава», Высший совет исламской революции, партия Муктады ас-Садра), таким образом, будет доминантой иранского курса в этой стране. Что касается поддержки Ираном ливанского движения «Хезболла» и нынешнего сирийского руководства, то оно имеет своей целью не только и не столько противостояние Израилю, сколько намерение создать плацдарм в восточном Средиземноморье. В этом отношении нынешние политические потрясения в Сирии являются серьезной угрозой для политики Тегерана.

Затрагивая вопрос о геополитических приоритетах Ирана в регионе Ближнего Востока, нельзя обойти вниманием вопрос об ирано-турецком сближении, наметившемся в течение двух последних лет. Со стороны Турции он был обусловлен двумя факторами: приходом к власти в Турции в 2003г. умеренных исламистов из Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Реджепом Эрдоганом и фактическим провалом попыток турецкого руководства войти в состав Европейского Союза (данное устремление было идеей-фикс турецкой политики на протяжении последних двадцати лет). Неудачи при интеграции с Евросоюзом привели к изменениям во внешнеполитическом курсе Турции, выразившимся, прежде всего, в доктрине «нео-османизма», подразумевающей восстановление турецкого влияния в его традиционных для XVII-го-начала XX вв. ареалах: на Балканах и на Арабском Востоке. В то же время представляется, что со стороны Турции меры по сближению с Тегераном были в значительной степени согласованы с США и другими союзниками по НАТО, что позволяет некоторым экспертам говорить о современной Турции Эрдогана как о «троянском коне» Запада в ближневосточном регионе.

На восточном направлении наиболее проблемным геополитическим соседом ИРИ является Афганистан. Иран заинтересован, с одной стороны, в стабильном Афганистане, с другой стороны, в том, чтобы к власти в этой стране не вернулись религиозные экстремисты суннитской направленности. Уместно напомнить, что в период господства талибов в Афганистане у Тегерана и Кабула были очень напряженные отношения, в 1998 г. едва не переросшие в полномасштабный военный конфликт после убийства иранских дипломатов в Мазари-Шарифе. В преддверии предполагаемого вывода американского контингента из Афганистана иранцы наращивают активность в традиционных зонах своего влияния таких как Герат и Хазараджат (провинции, населенные хазарейцами) и одновременно пытаются наладить партнерские отношения правительством Хамида Карзая. В июне с. г. в Кабуле побывал иранский министр обороны Ахмада Вахида. В ходе визита был подписан договор о военном сотрудничестве. Примечательно, что это первый визит высокопоставленной иранской военной делегации в Афганистан с 1979г. Вслед за тем и сам Карзай побывал в Тегеране на конференции, посвященной борьбе с терроризмом. Данный визит вызвал негативную реакцию США и Саудовской Аравии.

Для понимания перспектив развития российско-иранского сотрудничества чрезвычайно важным представляется рассмотрение иранских геостратегических планов в отношении постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа. В Центральной Азии первостепенное значение для иранской политики имеют Таджикистан и Туркменистан. Таджикистан является близким в культурном отношении персоязычным государством. После того как Афганистан оказался оккупирован американским военным контингентом партнерские отношения с государствами Центральной Азии приобрели для ИРИ первостепенную важность, прежде всего, для того, чтобы обезопасить свои северные границы. В этом ракурсе становится понятным ирано-таджикское сближение, наблюдающееся на протяжении

последних пяти лет. Достаточно перечислить направления сотрудничества, которые уже реализуются в Таджикистане. В их числе — строительство железной и автомобильных дорог и линии электропередач между Таджикистаном, Афганистаном и Ираном, Шурабской ГЭС, автомобильных туннелей «Истиклол» и «Чормагзак», хлопкоперерабатывающего комбината в Худжанде, совместного предприятия по производству энергосберегающих ламп в Исфаре, крупного цементного завода с годовой мощностью в 1 млн. тонн цемента, в Шаартузском районе, а также восстановление производственных мощностей АО «Таджикхимпром» в Яванском районе.

Особый интерес в этом плане представляют решения трехсторонней встречи министров иностранных дел Таджикистана, Ирана и Афганистана, состоявшейся в апреле 2009 г. в афганском городе Мазари-Шариф. Главный итог встречи — заказ иранской компании «Мушонири» подготовки технического проекта ЛЭП-220 из Таджикистана в Афганистан, и далее, в Иран. Афганские энергетики начали строительство своего участка от г. Пули Хумри, который будет соединен с таджикским участком, берущим начало с подстанций Сангтудинской ГЭС в РТ. При этом необходимо уточнить, что помимо ГЭС «Сангтуда-1», построенной в мае нынешнего года российскими специалистами, Иран строит станцию «Сангтуда-2», завершение которой планируется на 2011 г. Вместе с тем представляется не совсем обоснованным выдвигаемое рядом экспертов предположение о том, что партнерские отношения Исламской Республики с Афганистаном и Таджикистаном могут в ближайшем будущем привести к появлению не только экономического и культурного, но и военно-политического союза между тремя странами и созданию т.н. «Большого Ирана». Иранское влияние на Афганистан не сможет стать преобладающим ввиду того, что эта страна испытывает разновекторное влияние и за преобладание в ней борются наряду с Ираном такие региональные и внерегиональные акторы как Пакистан, Индия, Саудовская Аравия, Соединенные Штаты



Америки. Иран никогда не сможет стать господствующей политической силой в пуштунских, суннитских провинциях Юга и Востока Афганистана. Установлению же тесного ирано-таджикского союза противостоят такие факторы как отсутствие общей границы между этими государствами и суннитское вероисповедание большинства таджиков.

На центральноазиатском направлении большое значение для Ирана имеет также сотрудничество с Туркменистаном, причем важный импульс этому сотрудничеству придает геоэкономический фактор. Иран занимает второе место в мире по запасам природного газа после России. В свою очередь Туркменистан также обладает значительными запасами природного газа, которые в последнее время интенсивно разрабатываются. Туркменистан осуществляет экспорт газа в Иран по трубопроводу Даулетабад-Серахс-Ханджиран. На сегодняшний день туркменский газ, поступающий по данному трубопроводу в объеме 8 млрд. кубометров в год, обеспечивает энергетические потребности северо-восточной иранской провинции Хорасан (одной из крупнейших в стране). До ввода в строй данного газопровода в 2009г. поставки туркменского газа в Иран осуществлялись на уровне 3,5—4 млрд. кубометров.

Для Ирана крайне важным является сотрудничество с Туркменией в топливно-энергетической сфере. Крайне нежелательным вариантом для Тегерана является строительство газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), т.к. это означало бы появление конкурента проектируемому газопроводу ИПИ (Иран-Пакистан-Индия) и оттеснение Ирана от перспективного индийского рынка. Нежелательным для Ирана является и присоединение Туркмении к проекту транскаспийского трубопровода, т. к. Тегераном вынашиваются планы по экспорту иранского газа через проектируемый трубопровод «Набукко». Резюмируя иранскую внешнюю политику в регионе Центральной Азии необходимо отметить, что эта страна не обладает необходимыми ресурсами для региональной гегемонии и не может в отличие от США и Китая представлять серьезный вызов для российских интересов в регионе.

Данное утверждение представляется вдвойне справедливым для региона Закавказья. Иранское присутствие на Южном Кавказе имеет большую историю. Достаточно сказать, что территория современной Азербайджанской Республики (Арран) вплоть до начала XIX в. входила в состав иранского государства и была частью иранского культурного пространства (как впрочем и Туркменистан, бывший до 15в. регионом иранской провинции Хорасан). Территория современной Республики Армения (Восточная Армения) в 1555 г. согласно турецко-иранскому мирному договору отошла к Ирану и находилась в его составе вплоть до начала XIX в.

Армяно-иранские отношения в настоящее время развиваются достаточно успешно. В конце 2008 года началась поставка в Армению иранского природного газа по газопроводу Тебриз—Мегри—Каджаран—Арабат мощностью до 2,6 млрд. куб. м газа в год. Оплата за полученный газ осуществляется поставками в ИРИ электроэнергии. Общая стоимость проекта, в реализации которого участвовала российская компания «Газпром», составила 250 млн. долл. Ранее Армения получала природный газ только из России транзитом через Грузию.

Между Арменией и Ираном уже действуют две высоковольтные линии электропередач, посредством которых осуществляются сезонные взаимоперетоки электроэнергии. Сейчас рассматривается сооружение еще одной такой линии напряжением в 400 кВ. Стоимость этого проекта составляет около 100 млн. евро.

Между странами построена одна и строятся еще две современные шоссейные дороги, подписано соглашение о прокладке из Ирана в Армению железной дороги. По предварительным данным, стоимость последней составит 1,8 млрд. долл., из которых 1,4 млрд. предоставит Иран, а оставшуюся часть — ОАО «Российские железные дороги».

По некоторым данным, между Ираном и Арменией существует договор о сотрудничестве на случай войны.

В соответствии с этим договором в военное время ИРИ обеспечивает тыл Армении, а Ереван препятствует блокаде иранской территории и не допускает нанесения вооруженного ударов по ИРИ с этого направления. Реализуемость такого договора вызывает серьезные сомнения, особенно в случае американо-иранского конфликта. В Ереване слишком дорожат своими отношениями с Вашингтоном и не исключают саму возможность вступления в НАТО. Именно поэтому, несмотря на членство в Организации Договора о коллективной безопасности, Армения тесно взаимодействует, начиная с 1994 года, с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира», а с 2005 года в рамках Индивидуального плана действий партнерства (Individual Partnership Action Plan). Армянские военнослужащие до октября 2008 года участвовали в миротворческой операции в составе коалиционных сил в Ираке, а сейчас под руководством НАТО несут службу в Косово и Афганистане. Помимо этого, любая форма поддержки нынешнего иранского руководства неминуемо приведет к ухудшению отношений Армении с Западом в целом и резко уменьшит финансовую помощь, в первую очередь со стороны родственных диаспор Франции и США. Исходя из этого, говорить о полноценном стратегическом партнерстве между Тегераном и Ереваном в настоящее время преждевременно.

Гораздо более проблемными являются ирано-азербайджанские и ирано-грузинские отношения. Между Ираном и Азербайджаном развивается двустороннее экономическое сотрудничество в энергетической, торговой, сельскохозяйственной и промышленной областях. В частности, Азербайджан в зимний период поставляет в северные провинции ИРИ природный газ, а в летний — электроэнергию. Кроме того, осуществляется ирано-азербайджанское сотрудничество по вопросам борьбы с транзитом наркотиков, приграничного (прибрежного) контроля и обмена заключенными. Этому способствуют те представители азербайджанской диаспоры в ИРИ, которые работают в органах исполнительной власти государственного и регионального уровня.

Вместе с тем следует отметить, что потенциал азербайджано-иранского экономического сотрудничества остается нереализованным (в 2009 году двусторонний товарооборот составил всего 550 млн. долл.). Изменить эту ситуацию достаточно трудно ввиду стремления Баку к независимости от своего южного соседа. Об этом свидетельствует факт подписания летом прошлого года договора о транзите в Нахичеванскую автономную республику азербайджанского природного газа через Турцию. Ранее для этих целей использовался иранский газ.

Несмотря на существенное улучшение ирано-азербайджанских отношений в последние годы, на них по-прежнему действуют следующие негативные факторы. Во-первых, Тегеран продолжает активно сотрудничать с Ереваном, что создает серьезную брешь в транспортной блокаде армянской территории и объективно отодвигает на будущее решение карабахской проблемы.

Во-вторых, большие проблемы в отношениях между странами создает наличие огромной азербайджанской общины в Иране (по некоторым оценкам, ее численность составляет 20 млн. чел., что превышает 25% всего населения страны). С одной стороны, ее существование не раз служило предлогом для азербайджанских пантюркистских кругов для разжигания в северных провинциях Ирана сепаратистских настроений. С другой стороны, определенные политические силы в Иране пытаются использовать этнокультурную близость иранских и кавказских азербайджанцев для создания в Азербайджанской Республике своих групп влияния.

В-третьих, Республика Азербайджан поддерживает тесные отношения с основным иранским внешним противником — США, что неизбежно приводит к дополнительным трениям в ирано-азербайджанских отношениях, в частности по вопросу размещения на Южном Кавказе американских военнослужащих. Так, в конце апреля 2009 года в Баку побывал командующий транспортными войсками США Данкан Макнабб, который

познакомился с дорожно-транспортными коммуникациями Азербайджана. И это не было случайным, так как на бывших советских военных базах в Кюрдамире, Насосной и Гюлли с весны 2006 года размещены так называемые «временно дислоцированные мобильные силы» в составе от 750 до 1300 солдат и офицеров. По официальной версии эти военнослужащие, численность которых может быть увеличена как минимум вдвое, обеспечивают защиту азербайджано-грузинского участка нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан. В реальности, они могут использоваться для более широкого круга задач, в том числе связанных с возможным военным противоборством США и ИРИ.

В-четвертых, развиваются взаимоотношения Азербайджана с иранским региональным противником — Израилем.

На сегодняшний день, исходя из реальной ситуации, можно утверждать, что Иран в Закавказье не стал одним из основных политических игроков, равным России или Турции. В то же время российско-иранское взаимодействие на центрально-азиатском и закавказском направлениях может принести России и Ирану серьезный политический успех. В качестве примера успешного партнерства двух стран в этих регионах можно привести российско-иранское посредничество между режимом президента Рахмонова и таджикской оппозицией, завершившееся подписанием Межтаджикского мирного соглашения 1996 г. в Бишкеке, а также согласованные усилия двух стран по преодолению армяно-азербайджанского конфликта в 1992-1994 гг. Эти усилия увенчались подписанием соглашения о прекращении огня 1994 г. К сожалению, позднее после того как миротворческий процесс стал протекать под эгидой Минской группы ОБСЕ Иран был от него оттеснен. Возобновление российско-иранского сотрудничества в миротворческих процессах на Южном Кавказе могло бы существенно расширить пространство маневра для российской дипломатии в этом регионе.

Большой позитивный эффект могло бы принести российско-иранское внешнеполитическое взаимодействие по проблемам

Афганистана. Близость интересов двух сторон заключается, во-первых, в том, что и Россия, и Иран не приемлют религиозного экстремизма под ваххабитскими (салафитскими) лозунгами, получающего подпитку из Саудовской Аравии. Во-вторых, обе страны заинтересованы в стабильности в Афганистане и прилегающих регионах Центральной Азии для уменьшения рисков собственной безопасности. В-третьих, в интересах обеих стран является полное прекращение военного присутствия внерегиональных сил (США) в Афганистане и государствах Центральной Азии.

Побудительным стимулом к установлению партнерства между нашими странами является и геоэкономический аспект. Прежде всего, это относится к нефтегазовой сфере, сфере ТЭК. Как уже было отмечено выше, Россия занимает первое, а Иран — второе место по запасам природного газа. Иранское правительство приступает к освоению месторождения Южный Парс с экспортными целями. Для России важно, чтобы Иран не стал нашим конкурентом по поставкам газа в Европу, присоединившись, например, к чрезвычайно невыгодному для России газопроводу «Набукко». Поэтому для России был бы выгоден экспорт иранского газа для нужд быстрорастущих экономик азиатских государств по газопроводу ИРІ (Иран-Пакистан-Индия). Если же добыча природного газа в ИРІ для экспортных нужд будет расти, то для России были бы выгодны поставки иранского газа в Европу по российскому маршруту «Южный поток».

Огромные резервы существуют у транзитного и транспортного сотрудничества двух стран. В 2000г. было подписано соглашение между Россией, Индией и Ираном о создании Международного транспортного коридора «Север-Юг». К сожалению, в настоящее время этот коридор не функционирует в полную силу. Неразвитая инфраструктура и ряд правовых препятствий не позволяют в полной мере развернуть этот транспортный маршрут. Между тем в случае его полноценной работы по нему удалось бы перенаправить значительную часть грузов, идущих

---

в настоящее время океанским маршрутом. В этом случае Россия и Иран могли бы превратиться в ведущие страны мирового транзита из Восточной Азии в Европу, зарабатывая на этом миллиарды долларов.

# КАЗУС ЛИВИИ И ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В XXI ВЕКЕ

**Кузнечевский В. Д.**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник  
Российского Института Стратегических Исследований

Мартовские и апрельские (2011 года) народные революции в странах Северной Африки и Ближнего Востока, но в особенности события в Ливийской Арабской Джамахирии, привлекли активное внимание международной общественности к роли Организации Объединенных Наций в деле разрешения международных конфликтов. Центром дискуссий, в том числе и в Совете Безопасности ООН, стала проблема границ вмешательства мирового сообщества в политическую жизнь национальных государств, то есть проблема сохранения национального государственного суверенитета в современных международных условиях. Практически же, речь идет не только о судьбе принципов Вестфальской системы в отношениях между государствами, но и об адекватности ООН нынешнему состоянию международных отношений

**Историческая справка.** Как известно специалистам, нынешнее понимание национального суверенитета зиждется на так называемой Вестфальской системе международных отношений, принципы которой в 1945 году были положены в основание Организации Объединенных Наций.

Созданная по инициативе Рузвельта и Сталина в феврале 1945 года в Ялте Организация Объединенных Наций, базирующаяся на принципах Вестфальской системы 1648 года, должна была, по замыслу этих двух



великих политических деятелей, обеспечить прочные условия по поддержанию мира и безопасности во всем мире на длительный исторический период. К сожалению, после смерти Ф. Д. Рузвельта 12 апреля 1945 года эта модель, вопреки планам Рузвельта и Сталина, приняла форму биполярного мира. Но и в этом виде ООН на целые полвека обеспечила миру состояние стабильности. Ни Корейская война, ни Берлинский и Карибский кризисы, ни другие события не смогли поколебать прочность этой модели. Но так было только до 1990-х годов XX века, пока с исторической сцены не сошел Советский Союз, а роль ООН стала подменять собой политика президентов США. Все национальные конфликты в любой части света стали делом не столько Совета Безопасности ООН, сколько вооруженных сил США под мантией НАТО. События в Югославии, Косово, Афганистане, Ираке уже были делом не ООН, а США и руководимого ими Североатлантического альянса. Вестфальская система с её беспрекословным уважением национального государственного суверенитета, стала практически размываться, а ООН стала все больше превращаться в, своего рода, бесправного ночного сторожа.

По ходу развертывания ливийских событий в западных и российских СМИ был поставлен вопрос не только об отказе от принципов Вестфальской системы, но фактически о новом толковании категории «национально-государственный суверенитет». Это новое толкование заключается в том, что отныне-де не народ, организовавшийся в государство и избравший свое законное правительство может решать свою судьбу, а некая сила извне, которая называет себя «международным общественным мнением». Своего рода «исполнительным директором» этого МОМ, как выясняется, самоназначили себя Соединенные Штаты Америки и полностью подконтрольный им Североатлантический Альянс.

Так, живущий в США русский эмигрант Николай Злобин, позиционирующий себя на территории РФ как директор российских и азиатских программ Центра оборонной информации США (ныне — Институт мировой безопасности в Вашингтоне), опубликовал в печатном органе правительства РФ «Российской газете» большой двухколонник под названием «Конец суверенитетов», сделав, по сути, заявление о том, что действующее до сегодняшнего в мире международное право, базирующееся на принципах Вестфальской системы, уходит в прошлое. «Трагедии, подобные японской или ливийской, — пишет он, — свидетельствуют о невозможности сохранять национальный нейтралитет». Ибо в XXI веке «нельзя сохранять приоритет полноценного суверенитета национальных государств по отношению к важнейшим интересам всего мирового сообщества, принцип невмешательства во внутренние дела извне или недопустимости обеспечения безопасности страны, региона или людей силами мирового сообщества извне. Иначе это ему — мировому сообществу — может слишком дорого обойтись.

Ливийские события действительно оказали дезорганизующее воздействие на Организацию Объединенный Наций и, в особенности, на её исполнительный орган — Совет Безопасности.

Первыми по поводу «серьезных нарушений прав человека и международного гуманитарного права, которые совершались и совершаются в Ливийской Арабской Джамахирии», выступили такие мощные организации, входящие в ООН, как Лига Арабских государств, Африканский Союз и Организация Исламская Конференция. 12 марта 2011 года Совет Лиги арабских государств принял решение обратиться в Совет Безопасности ООН с просьбой о введении бесполетной зоны для правительственной ливийской военной авиации, якобы уничтожающей мирное гражданское население страны.

Как выяснилось, Запад только и ждал этого обращения.

Опираясь на этот документ, Франция выступила с инициативой рассмотрения ситуации в Ливии на заседании Совета Безопасности ООН, выставив требования о военном вмешательстве международного сообщества в ливийские события. Инициатива Франции была активно поддержана правительством США и Англии, у которых были свои собственные причины, толкавшие их на поддержку инициативы Парижа.

17 марта 2011 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973 по Ливии.

И хоть в преамбуле Резолюции было подчеркнуто, что СБ ООН «вновь подтверждает свою твердую приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству Ливийской Арабской Джамахирии», а в п. 4 Резолюции было особо оговорено, что «при этом исключается возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории», пункты 6 и 8 уполномочивали «государства-члены ООН ... принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население».

Словосочетание «необходимые меры» в тексте Резолюции не расшифровывалось, но коалиция западных государств истолковала эту клаузулу как возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенной Ливийской Арабской Джамахирии, поставив свои вооруженные силы на сторону одной из противоборствующих вооруженных групп в гражданской войне в Ливии, чем фактически было нарушено международное право, базирующееся на принципах Вестфальской системы.

Без всякого преувеличения можно констатировать, что это несанкционированное Советом Безопасности ООН вооруженное вмешательство в дела Ливии повергло в шок мировое и российское общественное мнение. В ФРГ это привело к тому, что Германия отказалась участвовать в бомбардировках ливийской

территории. В российских СМИ мнения разделились. Часть экспертов посчитала, что России при голосовании следовало применить право «вето», а другая часть заявляла, что, исходя из национальных интересов, МИД России поступил правильно, воздержавшись от голосования в СБ ООН по резолюции 1973.

21 марта глава государства РФ был вынужден разъяснить: «Мы пошли на это осознанно, таковы были мои инструкции МИДу».

Однако вслед за этим последовали события, которые повлияли на изменение позиции России.

Дело в том, что военные действия со стороны международной коалиции западных стран против законного правительства Ливии не привели к желаемому результату: повстанцы в Бенгази стали терпеть поражение за поражением от правительственных сил. В связи с этим последовало заявление глав представителей внешнеполитических ведомств Франции, Англии и США (Алена Жюппе, Уильяма Хейга и Хиллари Клинтон) о том, что вопреки резолюции СБ ООН № 1970 от 26 февраля 2011 года о «полном» и «незамедлительном» запрещении «прямой и косвенной поставки, продажи или передачи Ливийской Арабской Джамахирии с ее территории или через ее территорию» «оружия и боеприпасов, военных машин и техники, полувоенного снаряжения и запасных частей», Запад, тем не менее, проявляет готовность обсуждать вопрос о поставках оружия так называемым ливийским повстанцам в практическом ключе.

После этого со стороны России последовал ряд официальных заявлений.

Вначале официальный представитель МИД РФ, а потом и сам Сергей Лавров, заявили, что Резолюция 1973 была «принята поспешно», а «расширительное толкование» её текста западными странами и в особенности — неоправданные размеры вооруженного вмешательства в ливийские дела — неприемлемо. В виде разъяснения новой позиции российская дипломатия выдвинула два аргумента. Во-первых, разрешения

на бомбардировку ливийской территории в тексте Резолюции 1973 не содержалось. А во-вторых, было констатировано, что в Ливии идет гражданская война. В этой ситуации осуществляя массированную бомбардировку ливийских правительственных войск, коалиция западных государств де-факто встала на сторону только одной из противоборствующих в Ливии сил, что противоречит международному праву.

25 марта синхронно с позицией МИД РФ обозначил свою позицию и Китай. Постоянный представитель КНР в ООН Ли Баодун заявил, что Китай выступает «за уважение суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Ливии», за то, что «государственные дела и будущее Ливии должны быть решены самим ливийским народом». 5 апреля 2011 года Россия и КНР выступили с совместным заявлением. На сайте МИД РФ в этот день появилось сообщение о том, что в Москве на встрече заместителя министра иностранных дел РФ Александра Салтыкова и посла КНР в России Ли Хуэйя была выражена «серьезная обеспокоенность» в связи с продолжающимися в Ливии боевыми действиями, ведущими к гибели мирных граждан, и подчеркнута «настоятельная необходимость незамедлительного прекращения огня и кровопролития».

Сухие протокольные строчки мидовского сообщения незадолго до этого (первого апреля) разъяснил орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао». В статье, озаглавленной «События в Ливии: западным странам следует отказаться от идеи управления миром» говорится: «...Под предлогом защиты интересов мирных жителей защищаются интересы западных стран не только в экономической сфере, но и в том, что ведущие государства Запада по-прежнему считают, что они управляют миром...» Именно эта идея о ведущей роли подтолкнула Францию, Великобританию и США не задумываясь начать военную операцию в Ливии». И далее: «Сознание руководящей роли в мире в прошлом принесло немало трудностей некоторым западным странам. Новые сложности отнюдь не соответствуют

интересам государств Запада в долгосрочной перспективе. В мире происходят изменения, Западу также необходимо меняться. Если постоянно придерживаться старых позиций, применять прошлые методы для решения тех или иных вопросов, то можно не только причинить вред другим, но и погубить себя».

Пекин устами своих профессиональных дипломатов и газета «Жэньминь жибао» всего лишь мягко призывает западную военную коалицию так сказать вернуться в правовое поле международного права. Но на самом-то деле речь идет о вещах гораздо более глубоких. Расширительное толкование Резолюции 1973 и последовавшие вслед за этим действия коалиции западных государств поднимают вопрос не столько о Ливии, и происходящих на её территории событиях, сколько о проблеме адекватности роли ООН реальной ситуации в сфере изменяющейся международной обстановки. Даже первый анализ происходящих в этой области событий и откликов на них в сфере мировых средств массовой информации показывает, что речь идет об адекватности принципов Вестфальской системы международных отношений реалиям XXI столетия.

По мнению многих российских и западных экспертов, в ливийской ситуации коалиция западных стран сама себя загнала в правовую ловушку. Париж, Вашингтон и Лондон громогласно заявили, что Каддафи должен быть устранен с должности лидера ливийской Джамахирии, Международный суд в Гааге по приказу из, как пишет западная пресса, Вашингтона объявил Каддафи международным преступником, открыл по нему судебное дело, а между тем никаких правовых оснований ни для первого, ни для второго мировому общественному мнению предъявлено не было. Правительство Ливии никто не свергал, а вмешательство извне состоялось. Фактов уничтожения мирного населения, которое послужило принятию резолюции СБ ООН 1973, приведено не было. Резолюция была принята лишь на основании голословных заявлений. Что бы ни говорили в оправдание своих военных действий руководители западных держав,

никто из них не опровергает того факта, что М. Каддафи является легитимным главой государства. Поэтому 21 апреля 2011 года Западу пришлось давать задний ход и начать уговаривать Каддафи добровольно покинуть Ливию.

Как писала в те дни английская «Гардиан», Вашингтон и Лондон попытались «сформировать мировой консенсус с требованием, чтобы Каддафи отказался от власти» («Guardian», Лондон, 29.03.2011 г.).

Председатель Комитета Госдумы РФ К. Косачев правильно заметил по этому поводу: «Запад стал скорее заложником той ситуации, когда он не может не вмешаться», но реальные действия Запада не могут не выталкивать его «за рамки международного права» (Константин Косачев. «Между хлебом и дубиной», «Известия», 04.04.2011 г.).

Короче, Запад, похоже, совершенно запутался в своих действиях с позиций толкования статьи 51 Устава Организации Объединенных Наций. А эта статья гласит о «неотъемлемом праве на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации ООН, до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

23 марта 2011 года лондонская «The Independent» поместила статью Эдриана Хэмилтона «Конец мира как мы его знаем», где было констатировано, что мир «изменился навсегда», что события в Северной Африке и на Ближнем Востоке являются «предвестием более глобальных перемен», предсказать конец которых (и форму этого конца) невозможно. «Мы, — пишет автор, — пока даже не приближаемся к этому знанию. Но в чем я уверен, так это в том, что История пришла в движение, и мы лишь в самом начале оного».

Самое любопытное, что выход из этой неизвестности автор видит в немедленном возрождении роли ООН. «В начале года институт ООН выглядел как полностью исключенный

из мировых процессов и утративший авторитет институт, когда президент Обама преследовал свои собственные цели, а остальной мир по большей части ООН игнорировал», но теперь «ООН снова, как это было в дни холодной войны, рассматривается как то, на основе чего должно строиться международное сотрудничество».

В России точки зрения экспертов на этот счет разнятся.

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов, опубликовав 28 марта 2011 года в первом номере журнала комментарий «Ливийская воронка», просто-напросто ушел от международной оценки роли ООН в ливийском конфликте, спрятавшись за слова неназванного им «одного из самых именитых европейских дипломатов», который, как говорит Ф. Лукьянов, мрачно спрогнозировал, что «полный хаос может оказаться едва ли не оптимальным исходом в данном случае».

Главный редактор журнала «Международная жизнь» Армен Оганесян 24 марта был более конкретен: «Последняя резолюция ООН неизбежно подтолкнет процесс реформирования этой организации, причем в направлении пересмотра роли Совета Безопасности, что, разумеется, не отвечает интересам России». Автор высказывания не объясняет, почему именно такой поворот дела для России невыгоден.

Более конкретно на этот счет высказался русский эксперт, состоящий на американской службе — директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин. В интервью московскому агентству ИНОСМИ 19 марта 2011 года Д. Тренин предложил для размышления ряд вопросов на эту тему. «Мир становится все менее похожим на Вестфальскую модель суверенных государств, — сказал он, — и принципы невмешательства во внутренние дела друг друга все больше противоречат принципам человечности. Как в этих условиях относиться к массовым нарушениям прав человека, которые совершают правительства суверенных государств? Где пролегает порог вооруженного вмешательства? Каковы стандарты подходов, кто судьи и кто



исполнители? Закрывать глаза на эти проблемы, ограничиваясь лишь критикой интервенции, нельзя: глобализация формирует международное сообщество. Без решения этих вопросов международные отношения все чаще будут становиться заложником внутренней политики тех стран, которые будут создавать поводы для интервенции, и тех, которые станут — с охотой или без — на них реагировать».

Как выходить из этой ситуации? И надо ли вообще выходить? Западу, похоже, нужды в этом нет. Правящие слои ведущих западных стран вполне устраивает сложившаяся в мире после 1991 года ситуация, при которой их страны могут силой оружия решать вопросы собственного снабжения энергоресурсами, сырьем, реализацией у себя и за пределами своих национальных границ производимой ими промышленной, сельскохозяйственной и информационной продукции. Именно поэтому ещё в 2003 году бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер поспешил объявить о «бессмысленности идеи государственного суверенитета» и о «смерти Вестфальской системы» («Die Welt», 05.05.2003).

Но и в Вашингтоне с этим вопросом не всё однозначно. Через две недели после публикации цитированной выше статьи в «Российской газете», когда коалиция западных держав в их действиях в Ливии потерпела хоть и временное, но всё же фиаско, всё тот же русский советник американского правительства Н.Злобин снова выступил в той же газете с новой статьей с существенными коррективами своей точки зрения. Статья называется «Ещё раз о миропорядке», а суть её выражена в избретенной им новой максиме: «В отношении Ливии нужна не только политическая, но и общественная легитимность».

«Военная операция в Ливии, проводимая по решению Совета Безопасности ООН (в резолюции СБ ООН 1973 нет ни единого слова о том, что СБ ООН будто бы разрешает проводить военную операцию в Ливии — РИСИ), поставила перед мировым сообществом немало новых и трудных вопросов, на

которые надо искать ответы. Причем, во-первых, желательно искать эти ответы вместе, чтобы невольно не способствовать ещё большему расколу мирового сообщества, ведущему к масштабной дестабилизации мира, а во-вторых, искать поскорей, ибо неясность в понимании основополагающих правил нового миропорядка, основ международного права является мощной бомбой замедленного действия, закладываемой под международные отношения» («Российская газета», 06.04.2011 г.).

Вновь повторяя своё сознательно ошибочное утверждение, что «легитимность международной военной операции в Ливии является беспрецедентной в новейшей истории мира», Н.Злобин, тем не менее, вынужден констатировать, что так называемая «правовая ооновская легитимность не дала военной операции в Ливии легитимности политической, общественной, да и просто человеческой».

«В результате складывается парадоксальная ситуация, когда полностью правомерная и легитимная операция международных сил в Ливии (как уже указано выше, точка зрения Н.Злобина не подтверждается текстом самой резолюции 1973. — Вл. К.) выглядит чуть ли не спровоцированной агрессией и вызывает протесты в разных странах мира. Получается, что в современном мире СБ ООН уже не играет роли верховного регулятора международных отношений? Если это так, то мы стоим перед проблемой окончательной потери международными институтами, которые достались нам в наследство от периода холодной войны, своего соответствия современному мировому процессу. Эту проблему надо решать как можно скорей, в том числе, возможно, через инициирование новых, современных международных институтов, пока нынешний беспоплярный миропорядок не обратился в глобальный хаос». Заканчивает свою «поправку» к первой статье по Ливии Н.Злобин так же, как и первую: «По крайней мере, так это видится мне из Вашингтона».

Концовка говорящая. Русский советник американского правительства признает, что действия США в отношении Ливии

вызвали раскол в мировом общественном мнении, и именно это-то и привело к тому, что в вопросе с Ливией США предпочли оставить Францию и Англию один на один с расколотым миром (своя рубашка американцам всегда была ближе к телу).

Ливийский казус, похоже, стал действительно поворотной точкой для нынешнего американского правящего слоя и заставил его более глубоко задуматься над оправданностью своих действий в мире в последние 20 лет. Правда, поступающая из Вашингтона информация показывает, что в этом правящем слое единства как не было, так и нет. Похоже, что пока меняется на глазах только президент Обама. А вот приставленная к нему в 2008 году в качестве «смотрящего» жена экс-президента Клинтона нынешний государственный секретарь США Хиллари Клинтон в своем видении мира и роли в нем Америки не меняется.

Между тем, у нашей страны имеется в наличии официальная позиция, позволяющая сдвинуть этот вопрос с мертвой точки.

Только в наших государственных документах зафиксирован концептуальный подход к решению таких казусов, каким стал Ливийский инцидент. Прежде всего, это относится к российской внешнеполитической концепции.

У СССР, как известно, официально даже не было такого документа, который бы назывался «внешнеполитической концепцией». Существовали, используемые в пропаганде, такие термины, как «внешняя политика СССР», «внешнеполитический курс», «внешнеполитическая программа «мирного сосуществования» и т. д., и всё.

У новой России такой документ появился. 28 июня 2000 года такой документ подписал президент РФ В. Путин, потом 15 июля 2008 в существенно измененном виде «Концепцию внешней политики Российской Федерации» подписал Д. Медведев. В этой последней чётко прописано, что «центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться Организация Объединенных

Наций, которая наделена уникальной легитимностью и доказала свою безальтернативность... Это предполагает... дальнейшее повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

Однако одновременно с этим в Концепции подчеркнута необходимость «рационального реформирования ООН в целях её планомерной адаптации к меняющимся политическим и экономическим реалиям в мире».

Российская «Концепция внешней политики» является пока единственным в мире официальным документом, который ставит задачу адекватного международным реалиям реформирования ООН на основе международного консенсуса.

Как добиться этого?

Выход из нынешнего положения видится только один — правовой. Чтобы не опираться ни на какие голословные заявления людей, социальных групп, правительств отдельных стран в вопросе о том, когда международному сообществу следует (или, наоборот, не следует) вмешиваться во внутренние дела какого-либо государства, то есть нарушать национальный государственный суверенитет какой-либо страны, ООН должна выработать соответствующие международные правила и закрепить их волей большинства стран-членов ООН (или даже консенсусом). Разработать соответствующие критерии такого вмешательства (или, наоборот, невмешательства).

Перед властями России казус Ливии ставит по меньшей мере две неотложные задачи:

Внести такие изменения в Концепцию внешней политики РФ, которые (изменения) более четко прописали бы легитимную возможность защищать территориальную целостность страны и легитимную власть в стране в том случае, если кто-то посягнет на нашу независимость извне или изнутри.

Открыть международную дискуссию по поводу более точной формулировки статьи 51 Устава ООН с тем, чтобы по

возможности точно определить, когда идёт речь о нарушении государственного суверенитета национального государства со стороны внешних сил и со стороны внутренних мятежных сил и организаций. По возможности точнее прописать механизм защиты законной власти от внешних и внутренних посягательств, а также — пределы законного, с точки зрения международного права, вмешательства (невмешательства) в такую ситуацию со стороны международного сообщества.

Короче: речь идет о существенном «ремонте» основополагающих документов ООН, и прежде всего Устава ООН, с учетом изменившихся со времени 1946 года международных условий.

Нет сомнения, что сразу на поле ООН такой вопрос тащить нельзя. Требуется общественная международная его апробация в виде ряда международных конференций.

При проявлении такой инициативы Российскому руководству в этом плане обеспечена мощная поддержка российского населения. Как показывают социологические опросы, абсолютное большинство наших граждан (более 80%) твердо считает, что у Западной коалиции не было никаких прав бомбить ливийскую территорию. Результаты этих опросов показывают, что наши люди понимают: ливийская ситуация в том или ином виде может когда-нибудь повториться и у нас, и они не хотят в этом случае оказаться в роли ливийцев. Что имеется в виду? Да самое простое: когда в августе-сентябре 1999 года банды Ш.Басаева под предлогом борьбы за освобождение Северного Кавказа от так называемого «диктата Москвы» совершили интервенцию в Дагестан, они ведь тоже имели в виду обратиться за помощью к загранице, чтобы та с помощью оружия заставила Москву не защищать территориальную целостность российского государства. Этого не случилось только по одной причине: никто не решился даже в тот тяжелейший для нашей страны момент напасть на нас только потому, что Россия имеет ядерное оружие. А ведь такой атаке могли бы подвергнуться не только Дагестан, но и регионы, граничащие с Северным Кавказом — Ставрополь, Краснодар.

У российской внешней политики есть все основания, опираясь на Концепцию внешней политики РФ Д.Медведева, выступить с предложением начать обсуждение в международном масштабе темы о возможных изменениях в Уставе ООН, адекватных тем изменениям, которые произошли в мире со времени Ялтинских соглашений.

# **МИРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО. ТЕХНОЛОГИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

**Куртюкова М. И.**

Кандидат экономических наук, г. Москва

Сегодня большие задачи ставятся перед развитием и геополитикой. Идет активный процесс по глобальному переустройству мира. и международных структур, Ведущие интеллектуальные центры Европы и США, в том числе и Гудзоновский институт, давно и устойчиво концентрирует свое внимание на формировании приоритетных позиций в области « Развитие. Создаются технологии различного уровня сложности, проектируется экономическое и хозяйственное пространство, отрабатываются меры по регулированию населения. На их основе ведется форсированный контроль над планетой ее ресурсами и развитием.

Современное развитие, как и сама реальность, являются одним из самых сложных и не исследованных направлений. Ситуация носит объективный характер. Нет ни исходного, ни опорного конспекта.

Задача этого материала — представить результаты анализа в области действующего подхода к большим объектам, к которым относится глобальное развитие, на основе обще фундаментальной платформы. Представить перечень реальных проблем, от которых напрямую зависит и ситуация и развитие, а так же сама возможность влиять и на ситуацию и на развитие. Они следующие:

- Это информация
- Это действующий подход
- Это отсутствие четких разграничений между подходами разного уровня.

Сегодня есть основание, и есть необходимость видеть иные приоритеты и ресурсы, которые с позиции сегодняшних геополитических подходов пока не очевидны. Это реальный общезначимый механизм «Развитие», представляющий реальный глобальный подход. Ресурсный потенциал и масштаб которого не сравним с возможностями любой экономики.

Это новая позиция для «Развития» и новый вектор исследований для экономики, социального развития, населения. За этим механизмом будущее и реальный контроль над развитием.

Введение в его основы, начинается с перечня важных позиций, которые должны быть поставлены на более глубокое осмысление и пересмотр. Формирование приоритетов для развития сегодня полностью находится во введении Западных стран.

При неизменно приоритетной роли Западной Науки в решении задач такого масштаба, неизменным остается и одно обстоятельство — нет данных о самом жизненном пространстве, его жизнеобеспечивающем устройстве и механизме, которое реально отвечает за благополучие, устойчивость и развитие в реальном глобальном пространстве.

Иными словами — не располагаем данными о ключевой основе и более значительном участнике, от которого напрямую зависит реальное благополучие, устойчивость и сохранение самой жизни.

Нет технологии «Основы», в связи с этим в действующей системе подхода к Глобальному развитию — не проводятся и должны быть разграничения между подходами разного уровня: индивидуальным, комплексным и общим.

### **Наука**

Сегодняшним мировоззрением подхода к сложным объектам эти подходы необоснованно отождествлены:

Экономические характеристики — с общей категорией Экономическое развитие.

Социальные характеристики — с общей категорией «Социальное развитие»



Демографические характеристики — с общей категорией «Развитие население».

Характеристики здоровья населения — с общей категорией «Здоровье население».

### **Практика**

Сегодня во всей действующей мировой системе развития не проводятся различия между:

Социальными мерами и социальной политикой называемой «Развитие».

Демографическими мерами и демографической политикой «Развитие».

Мерами по охране здоровья и политикой «здоровья нации».

Экономическими мерами и экономической политикой «Развитие», как формы поиска реального баланса интересов.

Возникает вопрос, так что же мы отождествили, а мы отождествили:

Экономику с «Развитием»

Тактику со стратегией — стратегия и по сей день представляет механическую сумму отдельных тактик.

Политику с политикой «Развития».

И это очень серьёзно. Так как «Индивидуальный», «Комплексный» и «Общий подход» — это подходы разного уровня, разных систем информации, разных платформ и разного круга задач.

И такое положение дел тревожит. Потребность в соблюдении точных условий для развития геополитики сегодня многократно возрастает.

Свидетельство тому и внешняя ситуация и мнение зарубежных специалистов о ситуации в западных странах:

«Социальные проблемы индустриально развитых западных стран масштабны и обширны» — идем к ситуации, когда «... новое поколение понесет бремя проблем, которые нынешнему поколению и не снились». При этом «... пока нет рецепта, как стабилизировать ситуацию и как решать эти проблемы».

У современной цивилизации таких рецептов нет. Идет активный процесс сужения жизненного пространства. Нет реальных механизмов способных влиять на ход событий, а простые подходы здесь не причем. Они не могут быть результативны для сложных условий. Сложную социальную ситуацию социальными нормативами и социальными мерами не исправить, как и чисто медицинскими мерами не изменить активно набирающую силу тенденцию роста эпидемической патологии. Так как и Жизнь это не экономический спорт, у нее свои инструменты — жизнеобеспечивающая основа.

### **Экономика**

Ведущая площадка, на которой решается по какому пути пойдет развитие, по пути Унификации или по пути реальной Интеграции, связана с проблемой сетевой бизнес экономики и реальной глобальной бизнес экономики.

Когда инструментальный метод приравнивается к фундаментальной платформе — это унификация. Это путь построения сетевого ресурса.

Ведет к упрощению проблем, на фоне технологически сложных решений. Унификация всегда обедняет и сужает возможности

Реальная интеграция — расширяет, объединяет, формирует возможности и ресурсы. Унификация это типология. Интеграция это платформа. На ней встречаются разные направления, способные объемно балансировать свои интересы.

При унификации они типологично упрощаются. И как следствие к прежним нерешенным проблемам активно добавляются новые, Они модифицируются, синтезируются, усиливаются. А вместе с ними усиливаются и противоречия.

### **Население**

Население, это глобальный стратегический ресурс. В системе реального мирового пространства процессы развития населения строго подчинены высокоорганизованным основам

этого пространства и принципу его устройства. В системе современного глобального управления подход к нему определяют системой показателей и нормативной базой. Но как любая глобальная система они не подлежат регулированию ни перечнем отдельных мер, ни нормативной базой. Такие системы реагируют только на целостные механизмы. Это уже иные принципы и иная основа для глобальной политики.

Проблема, не соответствие статуса задачи уровню возможностей подхода, является ведущей причиной возникновения нескончаемой череды проблем, которые бесконечно решаются: перенаселение, нехватка ресурсов, максимальные нагрузки на экономические комплексы, проблема бедности, кризисы и многое, многое другое.

У перечисленных проблем есть вполне предметная область, и она названа. Названа ведущая фундаментальная проблема «Развитие», так как все остальное это производное от нее.

Сегодня мы продолжаем мыслить категориями существующей среды в границах действующей системы понятий, пока не самой прогрессивной и не быстро развивающейся. И почти во всем заимствованной.

Потребность в новых ресурсах и информации всегда возникает тогда, когда резко меняются задачи развития и возникает объективная потребность их решать.

Следует констатировать, что активное глобальное переустройство мира обеспечивается без соответствующей на то информации. Оно не имеет реальных основ и платформы, Нет универсального языка. Нет информации. Нет и подхода.

Основная задача данного материала — поднять эти проблемы.

Поднять их посредством информационного языка конкретных больших систем, как новых объектов, а именно:

- Высокоорганизованный принцип устройство мирового пространства
- Мировая биосоциальноэкономическая система
- Мировая система развитие Населения

Информационная база этих систем, легла в основу сделанных постановок. Она сделала возможным видеть многопроектную целостную основу реальности и ее реальный обще фундаментальный механизм.

Для практики это новая большая конструкторская и исследовательская задача большого жизненного смысла. Так как суть целостности — это жизнеобеспечение.

# **«ВАРВАРЫ ОБЩЕСТВА». КИБЕРСТАЧКА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**Матвиенко Ю. А.**

Кандидат технических наук, профессор Академии военных наук,  
г. Москва

Как-то на семинаре «О законах мироздания» в Принстонском университете (США) Альберт Эйнштейн очень точно подметил: «Господь Бог изощрён, но не злонамерен». К сожалению, в отличие от Создателя, его творение оказалось во многом злонамеренным, особенно, что касается внутривидовой борьбы *Homo Sapiens* с себе подобными. Об этом говорит вся история человечества, которую можно считать историей войн и конфликтов, коварства и предательства одних, мужества и героизма других. От борьбы отдельных членов племени за титул вождя и его приближенных, борьба переросла в межплеменную рознь, а затем в межнациональную и межрасовую вражду, завершившуюся в XX веке двумя мировыми войнами.

За всё это время философия внутривидовой борьбы несколько не изменилось. Война как была, так и осталась «продолжением политики другими, насильственными методами» (по генералу фон Клаузевицу) или перераспределением ролей государств на мировой арене, а также сил внутри государств с использованием силового фактора (по генералу Головину) [1].

Менялось только пространство ведения борьбы человека с человеком, изменялось во времени и оружие для уничтожения себе подобных, способы его применения и формы самой вооружённой борьбы. Сотворённые «по образу и подобию Божьему»

сумели даже создать поистине дьявольское оружие — ядерное. И не удержались от соблазна применить его, только лишь для того, чтобы одна небольшая часть мирового сообщества обрела власть над остальной его частью и стала играть ключевую роль на международной арене. Но, как образно говорил американский писатель Рой Пирсон в своей работе «Дилемма силы»: «Сила наделяет силой своих собственных противников. Она сама порождает себе оппозицию. Она порождает своё собственное разрушение». По законам диалектики монополия США на обладание ядерным оружием вскоре была нарушена Советским Союзом и мир вступил в так называемую «холодную войну». Само же общество продолжало развиваться и из индустриального постепенно превратилось в информационное [2, 26].

Войдя в информационную фазу, общество, недолго сомнясь, разработало и новую форму ведения войны — информационно-психологическую, которую к началу XXI века сумело довести до её высшей стадии — войны концептуальной или концентриальной, направленной на поражение сознания противника [3]. Ход истории показывает, что во время войны противниками всегда используется наиболее совершенное на данный момент оружие. Вот и для «войны смыслов», «войны на поражение сознания» в настоящее время наиболее успешно используются такие средства борьбы, как психологическое оружие, информационное оружие и его последняя модификация — кибернетическое оружие, которое позволяет вести боевые действия в пространстве виртуальном, и, в то же время, воздействовать на материальные объекты в пространстве реальном, физическом [4, 27]. Последний громкий пример применения кибероружия, получивший широкий резонанс — воздействие вируса Win32.Stuxnet Dossier на объекты атомной энергетики Ирана [5].

При этом информационное оружие не подменяет все известные типы вооружения, а создает нужный фон, снижающий уровень необходимой потребности в «традиционных» видах

оружия для достижения окончательных целей войны. В частности, вот как о войне нового типа пишут китайские специалисты по ведению информационно-психологических операций: «В то время как одна страна готовится к войне, используя всю мощь современного оружия, другая страна в это время аккумулирует финансовые ресурсы, дестабилизирует обстановку на бирже во вражеской стране, распространяет всевозможные слухи, наносит точечные невоенные удары по жизненноважным узлам противника, устраняет ключевые фигуры в экономическом, оборонном и политическом секторах врага, контрабандой завозит и вбрасывает в оборот крупные суммы в валюте противника, заражает водоёмы и посевы, организует выступление оппозиции и т.д. В итоге вспыхивает паника, общественные институты противника дестабилизированы, возникают массовые беспорядки, мародёрство и прочие прелести реальной войны. Только затем наносится демонстрационный военный удар и формально объявляется война. Потерпевшей стороне ничего не остаётся, кроме как заключить мир на позорных условиях» [12].

Помимо тотальной информатизации, особенностью современного общества является доминирование капиталистического способа производства, его глобализация, что выражается в наличии большого числа транснациональных корпораций (ТНК), в которых работают миллионы людей различной национальности из разных стран. Появилось даже такое понятие как корпоратократия — союз правительств, банков и корпораций (в первую очередь американских) [6]. Поэтому, кроме «традиционного» противостояния «национальных и государственных интересов» между отдельными странами или их коалициями, налицо и противостояние экономических интересов различных корпоратократий и стоящих за ними местных элит. Экономические противоречия между ТНК довольно часто становятся антагонистическими и приводят к открытым вооружённым столкновениям, как это происходит сейчас в Ливии в борьбе ряда стран Западной Европы за её нефтяные богатства.

Иной формой разрешения межгосударственных и межкорпоративных антагонистических противоречий в условиях информационного общества стали так называемые «бархатные» или «цветные» революции [15, 17].

В то же время никуда не делось и противостояние «между трудом и капиталом» внутри самого капиталистического производства. В веке XXI, так же как и в веке XIX, остаются верны слова К. Маркса: «Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, договор между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях...» [7]. Налицо антагонизм, разрешить который без жёсткой борьбы обоих участников между собой невозможно. Причём, чем жёстче и беспринципнее действует капитал, тем жёстче ответ пролетариата. Как писал в своей книге «Почему люди бунтуют» американский социолог Т.Р. Гарр: «Сила создаёт угрозу и вызывает гнев людей, особенно если они убеждены, что она незаконна и несправедлива» [11].

Именно этот внутренний антагонизм между трудом и капиталом в условиях глобальной информатизации современного общества может быть эффективно использован для силового разрешения антагонистических противоречий, возникающих во вне — на международной арене.

Раскроем данный тезис более подробно.

Как показал исторический процесс, одной из действенных форм борьбы трудящихся всех стран за свои права против капитала является забастовка или стачка, под которой понимается «форма борьбы наемных работников за изменение условий труда путем временного отказа от работы на прежних условиях» [8]. Стачки делятся на частичные, когда бастует часть работников фирмы или компании, всеобщие, когда бастуют работники одной или нескольких отраслей экономики, и национальные, когда бастуют трудящиеся всего государства.

Отношение разных политических сил к стачке как одной из форм социальной борьбы довольно различное. Так, в резолюции



Брюссельского конгресса 2-го Интернационала (1891) отмечалось, что «стачки и бойкот являются для рабочего класса необходимым оружием как для защиты от нападений врагов, так и для завоевания тех уступок, какие возможны в современном буржуазном обществе». Большевики рассматривали стачку как одну из разновидностей классового боя. Лидер большевиков В.И. Ленин писал: «Что такое стачка, демонстрация? Ведь это звено в общей цепи революционной борьбы» [10].

Напротив, американский экономист Н. Чемберлен призывал не только государственные органы, но и «здравомыслящую» общественность выступать против участников забастовок, объявить их «варварами общества» [9].

Тем не менее, забастовочное или стачечное движение является мощным оружием экономического воздействия не только на капитал, но и на обслуживающую его интересы власть. Чтобы понять всю серьёзность организованной стачечной борьбы достаточно вспомнить события вековой давности в России [10].

Так, в октябре-декабре 1905г. русский пролетариат впервые в истории прибег к всеобщей политической стачке в масштабе всей страны. Эта забастовка непосредственно подвела к вооруженному восстанию — высшей форме классовой борьбы. Политическая стачка, начавшаяся 18 февраля 1917г. на Путиловском заводе в Петрограде, распространилась на ряд других предприятий, охватив 24 февраля 200 тыс. рабочих. 25 февраля 1917г. ознаменовалось всеобщей политической забастовкой рабочих Петрограда, которая 26 февраля переросла в восстание; началась Февральская буржуазно-демократическая революция 1917г., свергнувшая царизм.

Основные требования участников стачки обычно лежат в социальной плоскости и состоят в повышении заработной платы, сокращении продолжительности рабочего дня, улучшении условий труда и т.п. Тем не менее, если не учитывать конкретные цели забастовщиков, любая стачка, особенно массовая, приводит к серьёзным экономическим потерям в той или иной отрасли

производства или для страны в целом, что в совокупности с рядом других факторов, как показывает исторический опыт, увеличивает риск дестабилизации государственных устоев. Достаточно вспомнить события в странах Магриба зимой-весной 2011г., стачки работников транспорта во Франции летом 2011г., массовые забастовки в 2011г. в Греции.

Анализ такого явления как социальная революция в целом [13], а также технологий проведения в различных регионах мира «цветных» революций на рубеже XX-XXI веков [14-17] на фоне технических возможностей современного информационного общества позволяет предположить, что в ходе глобального противостояния ведущих мировых держав и различных корпоратократий для достижения ими своих интересов (политических, экономических и т.д.) на основе технологий информационно-психологической войны такая форма внутриотраслевой борьбы, какой является забастовка, может быть широко и эффективно применена в новом качестве — в виде так называемой Сетевой забастовки или киберстачки.

Это обусловлено следующим. В условиях информатизации большинство технологических процессов производства товаров и услуг, в том числе обеспечивающих жизнедеятельность общества, автоматизировано и компьютеризировано. Причём часть из них (особенно, вспомогательные и обслуживающие производственные процессы, связанные с задачами логистики) непосредственно замкнуты на глобальную сеть Интернет [19, 20]. Это позволяет повышать качество производимых товаров и услуг и сокращать их себестоимость, принося дополнительную прибыль.

С другой стороны, на каждом предприятии и в каждом процессе могут быть выделены так называемые «критически важные составляющие» (КВС), нарушение работоспособности которых извне или изнутри приводит к нарушению процесса производства в целом. Кроме того, нарушение информационной безопасности средств вычислительной техники (СВТ) и

сетей обмена данными, используемых при протекании тех или иных производственных процессов, может привести к разрыву технологических цепочек и в итоге к срыву выпуска конечной продукции. В связи с этим в современных условиях резко возрастает величина риска и масштабов экономических потерь от забастовки персонала предприятия, в первую очередь работающего на КВС и имеющего в своём распоряжении ПЭВМ, включенные в производственный процесс, особенно большого масштаба [28].

Следует отметить, что на сегодняшний день уже существует целый ряд отработанных на практике способов проведения забастовок с использованием средств вычислительной техники, например, виртуальная блокада, вмешательство в работу службы доменных имен, протестные форумы в социальных сетях и ряд других [5]. Следует также иметь в виду, что в современном мире для различных целей довольно часто и эффективно используется такая угроза информационной безопасности как компьютерная атака [21,22]. В частности, за 2007г. по данным официальной статистики было зарегистрировано более 400 000 компьютерных атак, в том числе типа «ложная информация», «функциональное поражение» («отказ в обслуживании»), «разрыв соединения» [21].

Наличие указанных факторов и позволяет в целях дестабилизации экономики противостоящей стороны (как первой фазы в борьбе за перераспределение социальных ролей участников конфликта) скрыто организовать и в нужный момент провести новый вид компьютерной атаки — дистанционную забастовку или киберстачку.

Суть её заключается в том, что забастовка организуется не самими работниками, а «от их имени» — с помощью тех персональных компьютеров, которые они используют в производственном процессе, в первую очередь на его критически важных составляющих. Путём внедрения (через Интернет или так называемых «инсайдеров») вредоносного программного

обеспечения через подконтрольные атакующим компьютеры осуществляется атака в виде «внешнего» управления нужными процессами так, что нарушается вся технология производства, особенно непрерывного. Следует иметь в виду, что сам работник какое-то время может и не подозревать, что его ПЭВМ подвержена компьютерной атаке и «бастует», нанося, тем самым, ущерб экономике предприятия и страны в целом. При этом результат киберстачки может быть обнаружен не сразу, а причину можно и вообще не обнаружить, если во вредоносном ПО предусмотрена функция самоуничтожения после проведения неких действий по намеченной программе.

Насколько опасной для экономики России может быть новая угроза?

Согласно Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 7 июля 1995г. под экономической безопасностью понимается «состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям».

В условиях кризисной экономики последних лет, активизации политической борьбы элит и нарастания в ряде регионов России социальной напряженности уже отмечается появление таких внешних и внутренних воздействий и угроз политической стабильности и экономической безопасности страны [18, 29]. При этом деструктивными силами взяты на вооружение современные технологии социальной революции, в том числе возможности сети Интернет [5,15-17,27]. В этой ситуации не исключена возможность использования для «расшатывания ситуации» и технологии виртуальной забастовки или киберстачки.

Для увеличения масштаба экономических последствий и создания громкого политического резонанса в обществе

технология киберстачки может быть применена в первую очередь на предприятиях и в технологических процессах, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения крупных городов России, в первую очередь — Москвы. Это обусловлено тем, что большинство революций начиналось в столицах и начинало их, в том числе, и население, недовольное бытовыми неудобствами, перебоями со снабжением продуктами питания и предметами первой необходимости [11, 13, 17].

Вот почему на современном этапе в Российской Федерации существенно возрастает роль государства и государственной политики в области обеспечения информационной безопасности, прежде всего по неукоснительному внедрению систем обеспечения безопасности информации, используемой в критически важных составляющих процессов жизнеобеспечения её граждан, как механизма реализации государственной политики в сфере экономической безопасности России [23, 24, 30].

### Список использованных источников

1. Корчмит-Матюшов В. И. «Теория войн». — М.: БФРГТЗ «Слово», 2001.
2. Тоффер Элвин «Третья волна». — М.: изд-во АСТ, 2002.
3. Матвиенко Ю. А. «Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе». Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 4(8) за 2008г.
4. Паршин С. А., Горбачёв Ю. Е., Кожанов Ю. А. «Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности?». — М.: КРАСАНД, 2011.
5. Матвиенко Ю. А. «Предупредить — значит вооружить» (кибертерроризм вчера, сегодня и завтра). Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 2 (18) за 2011г.
6. Перкинс Джон «Исповедь экономического убийцы». — М.: Pretext, 2010.
7. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 16, с. 200.

8. «Краткий терминологический словарь гуманитарных дисциплин: философия, социология, конфликтология, психология, право, современные технологии обучения». — М.: Современный гуманитарный университет, 2002.

9. *Chamberlain N.* «Social responsibility and strikes», N. Y., 1953.

10. Лозовский А. (Дридзо Соломон Абрамович) «Стачка как бой: лекции, читанные в Международной ленинской школе в январе-марте 1930г. Изд. 3-е». — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

11. *Garr T. P.* «Почему люди бунтуют». — СПб.: «Питер», 2005.

12. Богорад Е. «Искусство войны-2. Китайские военные стратеги о методах ведения боевых действий в новом тысячелетии». Статья в журнале «Популярная механика № 9 за 2003г.

13. *Епархина О. В.* «Социальная революция в фокусе исторической социологии». — Ярославль, изд-во «Литера», 2011.

14. *Глазунов О. Н.* «Особенности революционных технологий в теоретическом наследии марксизма и неомарксизма». — М.: «ПРОБЕЛ-2000», 2010.

15. *Ганич А. Э., Лушников Д. А.* «Технологии «цветных революций». — М.: РИОР. 2010.

16. «Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н.А. Нарочницкая, ред и сост. Е.А. Бондарева». — СПб.: Алетейя, 2008.

17. *Шарп Джин* «От диктатуры к демократии / пер. с англ. Н. Макаровой». — Екатеринбург: «Ультра. Культура», 2005.

18. *Керимов А. Д.* «Стратегические просчёты российской политической элиты». — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.

19. *Туровец О. Г., Родионов В. Б., Бухалков М. И.* «Организация производства и управление предприятием». — М.: ИД «ИНФРА-М», 2007.

20. *Савенкова Т. И.* «Логистика: учебное пособие для студентов» — М.: издательство «Омега-Л», 2011.

21. *Климов С. М.* «Методы и модели противодействия компьютерным атакам». — Люберцы: КАТАЛИТ, 2008.

22. *Сердюк В. А.* «Организация и технологии защиты информации: обнаружение и предотвращение информационных атак в автоматизированных системах предприятия: учебное пособие». — М.: Изд. дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2011.

23. Анненков В. И., Баранов С. Н., Моисеев В. Ф., Сергеев Н. А. «Безопасность и противоборство в информационной сфере: аспекты национальной безопасности. Учебное пособие / под общ. ред. профессора В. И. Анненкова». — М.: «Русавиа», 2010.

24. Расторгуев С. П. «Философия информационной войны». — М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.

25. Дугин А. Г. «Философия войны». — М.:

26. Боков Д. Ю. «Социально-правовые основания информационного общества». — Балашиха, Мос. обл.: из-во «Де-По», 2011.

27. Гарев В. А. «Информационные угрозы современного международного терроризма». — М.: Институт Африки РАН, 2010.

28. Гранатуров В. М. «Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения: учебное пособие». — М.: «Дело и сервис», 2010.

29. «Кавказ 2011. Русский взгляд». М.: фонд РОД. 2011.

30. «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Информационная безопасность». — М.: МГФ «Знание», ГЭИТИ, 2005.

# **ЭМПИРИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ**

**Савин Л. В.**

Главный редактор информационно-аналитического издания «Геополитика» (кафедра Социологии международных отношений Социологического факультета им. М. В. Ломоносова) и интернет-портала Геополитика.Ру

Теория и стратегия многополярности имели ряд объективных предпосылок и периодов повышенного интереса к ним со стороны международного сообщества политиков и экспертов. До начала Первой мировой войны существовал баланс сил, который принято считать прототипом мультиполярности. Ряд авторов относят к опыту многополярности и период между Первой и Второй мировыми войнами, когда одновременно существовали политические режимы либерализма, коммунизма и фашизма.

Сейчас мультиполярность или многополярность становится ключевой концепцией для понимания новой глобальной ситуации. Хотя этот термин использовался учеными и политиками различных стран, в основном, в качестве контрастной теории двуполюсного или биполярного мира во второй половине 90-х гг., или в контексте критики США, предпосылки для многополярности были заложены еще раньше.

Прежде всего, нужно отметить появление в двуполярной системе Движения Неприсоединения, которое было официально создано 25 государствами на Белградской конференции в сентябре 1961 г. Его созданию предшествовали Бандунгская конференция 1955 г. и трёхсторонние консультации Иосипа Броз Тито, Гамали Абдель Насера и Джавахарлала Неру в 1956 г. Основной принцип этой организации — это неучастие в военных



блоках, прежде всего это относилось к НАТО и Варшавскому договору, а также Багдадскому пакту, СЕАТО, АНЗЮС.

На данный момент эта международная организация состоит из 119 государств, которая раз в три-четыре года проводит конференции<sup>1</sup>. И сейчас она вполне может послужить мощной опорой для международной стратегии мультиполярности, о чем было отмечено в российско-китайской декларации о многополярном мире от 23 апреля 1997 г.<sup>2</sup>

К этому движению необходимо добавить Организацию Солидарности Народов Азии, Африки и Латинской Америки<sup>3</sup>, созданной в 1966 г., целями которой являются борьба с глобализацией, империализмом, неолиберализмом и защита прав человека. В последнее время внутри нее большое значение придается различным международным интеграционным проектам типа ALBA, UNASUR и Юг-Юг.

Современные китайские политики выводят доктрину мультиполярности также из эпохи холодной войны, а точнее из пяти принципов мирного существования, которые легли в основу договора 1954 г., подписанного с Индией.

1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета.
2. Ненападение.
3. Невмешательство во внутренние дела.
4. Равенство и взаимная выгода.
5. Мирное сосуществование.

---

<sup>1</sup> Возможно, тот факт, что события «арабской весны» и ряд конфликтов затронули государства, входящие в Движение Неприсоединения — Египет, Тунис, Ливию, Сирию, Бахрейн, Кот-Д'Ивуар, Судан, Иран косвенно имеют отношения к попыткам снизить значение этой организации на мировой арене. Последняя конференция организации проходила в июле 2009 г. в Египте.

<sup>2</sup> Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка.// Дипломатический вестник. 1997. № 5. С. 19-21

<sup>3</sup> <http://www.ospaaal.com/>

Довольно примечательным фактом является то, что именно Китаю, похоже, принадлежит первенство в разработке обсуждаемой сегодня стратегии, для которой существует термин *duojihua* — многополярность, мультиполяризм<sup>1</sup>.

В начале 1986 г. в статье «обзор международной ситуации» китайский исследователь Хуан Цянь указал, что поскольку конфликт Холодной войны стал относительно статичным, супердержавы потеряли способности контролировать свои лагеря, поэтому начала появляться политическая многополярность. Первым шагом было появление стратегического треугольника СССР-США-Китай, далее, по мнению автора, должен был появиться пятиполюсный мир с Японией и Европой. Интересно то, что эта теория пятиполюсного мира до сих пор остается доминирующей в китайском мышлении о многополярности. Хотя Цзян Цземин связывает концепцию мультиполяризации, экономической глобализации и рост наук и технологий в качестве фундаментальных мировых трендов.

Если касаться хронологии, то за Китаем последовали и западные авторы. Так, Историк Йельского Университета Пол Кеннеди в книге *The Rise and Fall of the Great Powers*<sup>2</sup>, вышедшей в 1987 г. указал, что через 20-30 лет из-за сдвига баланса экономики изменится и баланс военной силы, что приведет к созданию мультиполярного мира к 2009 г. Но, если для восточной точки зрения на мультиполярность характерна идея сосуществования и кооперации, в частности, например, еще один китайский автор Чжан Юнлинь указывает, что существуют различные центры силы с существенным влиянием на региональные и международные дела, то западные точки зрения о мультиполярности (Кеннет Уолц, Джон Миршаймер) указывают, что какой-либо один полюс способен бросить вызов какому-либо другому. Хотя

---

<sup>1</sup> Lee, John. An Exceptional Obsession.//The American Interest. May/June 2010 <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=80/>

<sup>2</sup> Kennedy, Paul. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. New York: Vintage Books, 1987.

Уолтц, исходя из того, государства являются рациональными акторами, склонными к минимизации рисков вообще считает, что распространение ядерного оружия приводит к укреплению международной безопасности. Так как ядерные державы, имея дело друг с другом, будут вести себя крайне осторожно, поскольку понимают, что цена конфликта может быть слишком велика<sup>1</sup>. Известные теоретики циклов войны и гегемонии Томпсон и Модельски также отдают предпочтение классическому балансу сил — когда политическая структура многополюсного или полицентричного мира будет состоять из автономных центров, обладающих собственной, отчетливо выраженной культурой и имеющих собственный арсенал ядерного оружия и космические системы. Согласно их взгляду предполагается, что каждый из этих центров обзаведется собственной сферой влияния. Дж. Розенау говорил о двух типах международного поведения — государствоцентричности и мультицентричности, подчеркивая рост значения негосударственных акторов, которые из подсистемы становятся полноправными игроками мировой политики. Сэмюэль Хантингтон в издании *Foreign Affairs* в 1999 г. отмечал, что «через одно — два десятилетия наступит воистину многополярный XXI век»<sup>2</sup>. Даже Госсекретарь Мадлен Олбрайт, которая ранее назвала Соединенные Штаты «незаменимой нацией», 2 февраля 2000 г. заявила, что США не хотят «установления и обеспечения соблюдения» однополярного мира и Экономическая интеграция, уже создала как она выразилась «определенный мир, который можно даже назвать многополярным»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Лукин А. Ядерное распространение: зло или благо? // Геополитика №4, 2010.

<sup>2</sup> Huntington, Samuel. The Lonely Superpower. // *Foreign Affairs*, March/April 1999.

<sup>3</sup> Савин Л. В. Предпосылки многополярного мирового порядка // Геополитика №12, 2011. С.41-51.

Тем не менее, остаются вопросы, на которые пока не дано четких ответов. Эмпирический вопрос — сколько будет полюсов? И в чем разница между относительными силами? Ряд стран склонны присоединять себя к полюсному клубу, например, Индия небезосновательно расширяет китайское видение пяти полюсов до шести акторов, а страны юго-восточной Азии предпочитают говорить не о национальных объединениях, а о региональных группах. В этом ракурсе ассоциация государств юго-восточной Азии (ASEAN) вполне может выступать как самостоятельный центр силы. Нельзя забывать о потенциале Африки и Латинской Америки.

Индийские теории многополярности также заслуживают тщательного изучения. Индусский политолог Сурьянараяна считает, что многополярность как устойчивый принцип международных отношений мыслима только между государствами, которые развивались органически, как дома силы или власти (*power houses*)<sup>1</sup>. В этой идее имплицитно заложена критика колониализма и неоколониализма, также как и химерической политической культуры, ярким примером которой является США, которые со стратегическими концепциями фронта, и историей государственности в целом, не могут быть таким органическим домом власти.

Отсюда вытекают вопросы нормативности и этики, и веское достоинство многополярности в том, что по этой концепции во первых, относительная сила не эквивалентна абсолютной силе.

Во вторых, нормативная теория мультиполярность априори построена на кооперативной этике и идет далеко за границы эгоистического солипсизма однополярности, т.к. последняя все этические вопросы сводит к внутренним моральным делам государства-лидера, за которым должны следовать и подчиняться все остальные. С точки зрения мультиполярности,

---

<sup>1</sup> *Suryanarayana P. S. Multipolarity: vision and reality.// The Hindu. October 13, 2000* <http://www.hindu.com/2000/10/13/stories/05132523.htm>

наоборот, дело даже не в том, что суперсила может эффективно действовать в одиночку, а в том, что сотрудничество само по себе является необходимым и благом.

В третьих, теория многополярности позволяет игнорировать США и исторически весь Запад в целом, в том числе применение силы этими странами против более слабых государств. Эта критика хоть и риторически выгодна рядом стран, в первую очередь речь идет о ценностях уважения суверенитета, кооперации и мирного решения конфликтов. Другими словами речь идет о том, будет ли формироваться этика нового полюсного клуба или этика новых международных отношений.

Кроме того, есть и субуровень многополярности, находящийся внутри государств на этническом, религиозном, административном измерениях.

Директор Центра геополитических исследований Института Европы РАН К. Э. Сорокин, который был одним из отечественных пионеров теории многополярности, также указывал, что из-за того, что на глобальные экономические зоны накладываются этноцивилизационные либо культурные общности, а на эволюцию геополитической картины мира влияют совокупности исторических традиций, представлений и оценок... то геополитическая модель современного мира, таким образом, представляется многослойной и полицентрической<sup>1</sup>.

Нельзя сказать, что те силы, которые можно условно называть трансатлантистскими, не реагируют на эти изменения. Иван Крастев и Марк Леонард, представляющие европейский Совет по международным отношениям, считают необходимым для ЕС заменить концепцию концерта сил, на концерт проектов, связанный с многосторонними отношениями и дискуссиями по управлению безопасностью континента в интересах всех акторов, где ЕС, Россия и Турция будут проводить функциональные красные линии между соседними государствами.

---

<sup>1</sup> Сорокин К. Э. Геополитика современного мира и Россия. // Полис, 1995. №1-2.

В политической риторике администрация Обамы пытается улучшить обрушивающийся фасад, ранее облагораживаемый заклинаниями о демократии и правах человека. В июле 2009 г. вице-президент Джозеф Байден во время посещения Украины сказал, что «мы пытаемся построить многополярный мир»<sup>1</sup>. Госсекретарь Хиллари Клинтон в то же время публично заявила, что «мы будем лидировать, включая более тесное сотрудничество между большим числом участников и уменьшая конкуренцию, сдвигая баланс от многополярного мира в сторону многостороннего мира»<sup>2</sup>, намекнув этим на то, что Вашингтону не хочется расставаться с мировым лидерством и США еще будут идти на возможные ухищрения.

Это проявляется и в дипломатических усилиях США, направленных на создание противоречий между основными геополитическими силами Евразии, и в постоянном пересмотре военной стратегии, адаптируемой к новым условиям.

Исходя из этого, необходима координация усилий главных будущих сил в мировой политике — от России, Китая, Ирана, стран Тихоокеанского региона в Азии и ЕС, до Латинской Америки и Африки, направленных на адаптацию существующих теорий и доктрин многополярности в поле международного права, и их практическое проявление в форме политического, экономического, военного и культурного сотрудничества.

---

<sup>1</sup> Kampf, David. The Emergence of a Multipolar World.// Foreign Policy. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>

<sup>2</sup> Там же.

# **«ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА**

**Марк Слебода**

Редким для ООН единогласным голосованием, Генеральная Ассамблея ООН приняла предложение ученого и тогдашнего президента Исламской Республики Иран Мохаммеда Хатами объявить 2001 год «Годом диалога между цивилизациями». Это нормативное видение стремилось создать новую этическую парадигму международных отношений и разработать понастоящему мультикультурное международное общество, основанное на простой предпосылке «единства в многообразии», на политической поддержке и проявлении присущего миру культурного плюрализма, происходящем из стремления межкультурного уважения и понимания. «Диалог цивилизаций» призывает к «пересмотру и обсуждению основ ориентированного на Запад и либерального мирового порядка», и тем самым «представляет собой мощный нормативный вызов современной политической ортодоксии, скрытой во всех крупных политических дискурсах будущего мирового порядка» (Petito 2009, 12). Печально, и в ретроспективе трагично то, что этим предложениям не было суждено претвориться в действие или получить развитие ни теоретически, ни политически, поскольку события опередили политический процесс.

Как иронично, что после событий 11 сентября 2001 г. «Международный год диалога между цивилизациями» стал более известен как год «Столкновения цивилизаций», как точка водораздела, которая положила начало «войне с террором» США и

остальных стран Запада или «Долгой войне», тому, что было бы правильнее рассматривать как гегемонистскую борьбу по принуждению «черных дыр», «государств-изгоев» и организаций исламского мира к принятию либерального и космополитического западного политического и экономического мирового порядка. Международный терроризм, таким образом, является предсказуемой реакцией, симптоматичной росту значимости культурной идентичности, протестом и ответом на движимую капитализмом социально навязчивую и агрессивную неолиберальную глобализацию и модернизацию. Это было широко воспринято как отказ от исторически детерминированного и триумфального либерального демократического / капиталистического «Конца истории» Фрэнсиса Фукуямы, с его разрушительным навязыванием ложной универсальности и однородности, и как реабилитация работы на основе культуры Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в качестве теоретической парадигмы понимания международных отношений после окончания холодной войны.

Даже Хантингтон, однако, утверждал, что единственным способом избежать или уменьшить это «Столкновение цивилизаций» является строительство многополярного и многоцивилизационного порядка, вовлеченного в процесс поликультурного и межкультурного диалога. Цивилизации организованы вокруг того, что он определил как «основные государства», которые являются «источниками порядка» цивилизации, поскольку государства-члены рассматривают их как «культурных родственников». Он продолжает: «Мир, в котором ядро государств играет ведущую или доминирующую роль является миром сфер влияния». Эти основные государства действуют в качестве основных игроков и посредников между цивилизациями, создавая мировую политическую систему (Huntington 1996, 156). Структурные реалисты назвали бы эти основные государства «Великими державами» и определили бы мир сфер влияния как многополярный. «Диалог цивилизаций»



отличается от парадигмы «Столкновения цивилизаций» в том, что первый стремится нормативно предотвратить или смягчить последнее.

Цивилизационный дискурс становится все более полезным аналитическим инструментом для исследователей международных отношений и деятелей внешней политики в связи с уменьшением превосходства политико-экономической идеологии для формирования личностей, государств и геополитических блоков или союзов после окончания биполярной холодной войны и с сопряженным возрождением значимости культуры как в формировании самосознания, так и в увеличении конфликтов и напряженности, возникающих на основе этнической, племенной и религиозной самобытности и различий. Признавая важность Хантингтона или его современника Александра Панарина, а также более ранних теоретиков, таких как Бродель, Шпенглер и Тойнби для закладывания своих основ, цивилизационный дискурс эволюционировал за пределы Гердеровского и полностью примордиалистского и эссенциалистского определения цивилизаций как унитарных и неизменных игроков, предопределенных строить свои отношения в первую очередь на основе конфликта.

Поэтому мы можем определить цивилизацию как «высшее культурное образование народов и широчайший уровень культурной идентичности», которые характеризуются «общим языком, историей, религией, обычаями, институтами, а также субъективной самоидентификацией людей» (Huntington, 1996, 43). Она представляет собой «самую широкую, самую емкую оболочку культурных признаков, связанных прямо или косвенно, явно или неявно с географическим расположением и временными сдвигами. Цивилизация равнозначна культуре, выраженной в пространстве и во времени. В основном в пространстве. Время становится решающим в попытках обозначить изменения в способах производства и закономерности влияния, которые характеризуют цивилизацию от досовременной до современной

фазы истории (Lawrence, 2010, 157). Цивилизации являются как множественными, так и внутренне плюралистическими, они возникают и вымирают. Являясь социальными конструкциями частичной первичности, они могут стать политически ове-ществленными, особенно когда они взаимодействуют с другими цивилизациями (Katzenstein, 2010, 6-7). Они сталкиваются, соревнуются, сотрудничают, опыляют друг друга, развиваются и скрещиваются в своих отношениях с другими цивилизациями. Конфликт внутри цивилизаций происходит даже чаще, чем между основными цивилизационными государствами или линиями активного разлома цивилизаций. Цивилизации скорее свободны и внутренне дифференцированы, чем последовательны, однородны и едины, они являются интересубъективными культурными комплексами, которые не имеют четко определенных пределов или границ и часто пересекаются друг с другом. Как культурные образования, они не являются политическими игроками по своей сути, но содержат в себе государства и другие социальные формирования и личности, которые действуют за них. В свою очередь, цивилизации рассматриваются как существующие не в рамках определяющейся анархией системы, а в более широкой географической и исторической глобальной экумене с несколькими возможными современностями, или в мировой форме правления, или, возможно, как предлагает Айзенштадт, в рамках более крупной единой цивилизации современности, технологического и светского общественного порядка, созданного международной государственной системой, международными организациями и глобальной торговлей (Eisenstadt, 2001).

Принято считать, как в науке международных отношений, так и во внешнеполитических кругах, что «момент однополярности» Краутхаммера закончился, и что глобальная гегемония американских и западных цивилизаций приходит в упадок. Это можно увидеть в двух основных проявлениях. Во-первых, в обременении общественных ресурсов, а

также морального и политического авторитета военными и меметическими конфликтами во всем исламском мире, которые, кажется, не имеют предела или конца. Во-вторых, в глобальной рецессии 2008 года, продолжающейся на Западе, которая обострила и ускорила тенденцию смещения мирового экономического центра тяжести с Запада на Восток. Она продемонстрировала банкротство Запада с точки зрения неспособности его неолиберальной политико-экономической идеологии построить справедливый и стабильный мировой порядок, с точки зрения созданной Западом глобальной системы виртуальных и паразитарных финансов и с точки зрения его государственных и общественных долгов и дефицитов. Новый многополярный мир находится на начальной стадии, когда основные великие державы и региональные полюсы имеют примерные потенциальные сферы влияния, которые согласуются с различными цивилизациями и основными государствами, теоретически определенными в цивилизационном дискурсе международных отношений, как то Россия, Китай, ЕС, Соединенные Штаты, Боливарианская Латинская Америка, Индия, исламский мир и, возможно, Африка к югу от Сахары.

Концептуализация «Диалога цивилизаций» вновь появляется в качестве альтернативного способа теоретизирования по поводу более справедливого и разнообразного многополюсного миропорядка, обеспечения глобального мира и безопасности, а также управления неизбежной напряженностью и конфликтами между Великими Державами, или основными цивилизационными государствами, более подходящего, чем реалистическое балансирование «Союза власти». Таким образом «Диалог цивилизаций» является нормативным и идеалистическим, но не утопическим, так как он не зависит от абсолютной веры в прогресс, ложную универсальность или веру в человеческое совершенствование, типичное для либерального космополитизма. Модель альтернативного мирового порядка, вдохновленная «Диалогом цивилизаций», определяется тремя измерениями

(Petito, 2009, 52). Во-первых, многополярностью в качестве ориентации в пространстве, что является нео-регионалистическим возрождением идеи Карла Шмитта о 'Grossraum' (большом пространстве), или силы, балансирующей макро-регионами по цивилизационному признаку, а также «многосторонними переговорами между государствами как нормативным источником и демократической легитимацией процессов региональной интеграции» (Mouffe, 2007 и Zolo, 2007, 7). Этот баланс сил, подверженный искушению «конфликтовать», будет сочетаться с бОльшим акцентом со вторым нормативным измерением «Диалога цивилизаций» — новым текстурированным межкультурным международным правом (право народов) (Petito, 2009, 56), которое подкрепляет принципы Устава ООН о суверенитете государств и невмешательстве во внутренние дела, отвергая вмешательство с помощью ревизионистской западной концепции права на защиту (R2P), западных представлений о так называемых «универсальных» правах человека и характерного для международного права юридического позитивизма, в пользу межкультурного диалога о нравственности, признания культурных различий и социальной этики «реально существующих сообществ» (Dallmyr, 2004, 47). Третье измерение «Диалога цивилизаций» — это серьезная приверженность делу мира путем активного многокультурного и многоцивилизационного диалога и дискурса на разных уровнях и в разных сферах. Таким образом «Диалог цивилизаций» нацелен не на строительство стен или преград сдерживания и разделения между цивилизациями, а скорее на наведение мостов взаимопонимания. «Активная политика диалога цивилизаций представляет собой сочетание механизма связи между многополярностью и новым межкультурным международным правом как способа изначального снижения риска культурного обособления и в результате, диалогического включения большинства» (Petito, 2009, 6).

По сравнению с провалом непривлекательной однополярной и унифицирующей либеральной гегемонии Запада вместе с глобализацией, движимой неолиберальным

экономическим редукционизмом и эксплуатацией с одной стороны, и возможными геополитическими столкновениями формирующегося многополярного мира, основанного на шатком балансировании «Союза власти», с другой стороны, подлинный «Диалог цивилизаций» обеспечит больше возможностей для борьбы с поистине глобальными проблемами истощения ресурсов, ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата. Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) уже обладают структурой, членством и артикулированными принципами, которые делают их хорошим институционализированным примером такого многокультурного и многоцивилизационного диалога и сотрудничества на практике. Евразийство является примером идеологии и международного общественного движения, которое охватывает эти принципы. Такие мультикультурно конституированные процессы и структуры региональной интеграции и цивилизационного сотрудничества в большей степени способствуют мирному мировому порядку, так как они выступают в качестве профилактического противоядия от возможной негативной политизации культурных различий в глобальном масштабе, обеспечивая законные каналы для выражения несогласия, не позволяя антагонизмам принимать крайние формы инакомыслия, которые сегодня определяются как культурно фундаменталистский терроризм. Таким образом, дискурс «Диалога цивилизаций» появился не из политического или теоретического вакуума, но в ответ на глобальные проблемы и кризисы, которые стоят перед нами сегодня, в частности, надвигающийся кризис порядка в сочетании с растущей во всем мире политической манифестацией культурного плюрализма и различий (Petito, 2009, 53, 60). «Диалог цивилизаций» — это возможный ответ на эти явления, это международная политическая теория для нормативного структурирования многокультурного и многополярного международного сообщества.

### **Библиография:**

1. Dallamyr, Fred (2004). *Peace Talks — Who Will Listen?* Notre Dame, IN, USA: Notre Dame University Press.
2. Eisenstadt, S.N. (2001). «The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization,» *International Sociology*, 16(3): 320-340.
3. Fukuyama, Francis (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.
4. Huntington, Samuel (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. London, UK: Simon and Schuster.
5. Katzenstein, Peter J. (2010). *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, UK: Routledge.
6. Krauthammer, Charles (1991). «The Unipolar Moment,» *Foreign Affairs*, no 1:23-53.
7. Lawrence, Bruce B. (2010). «Islam in Africo-Eurasia: A bridge civilization,» in Katzenstein, Peter J. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, UK: Routledge, 157.
8. Mouffe, Chantal (2007). «Carl Schmitt's Warnings on the Dangers of a Multipolar World,» in Odysseus and Petito (eds.) *The International Political Thought of Carl Schmitt*, 147-153.
9. Petito, Fabio (2009). *Civilizational Dialogue and World Order: The Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International Relations*, New York: Palgrave, co-edited with Michalis S. Michael.
10. Zolo, Danilo (2007). «The Contemporary Use of the Notion of Empire,» in Odysseus and Petito (eds.) *The International Political Thought of Carl Schmitt*, 154-165.

# **ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК НОВЫЙ РУБЕЖ ГЕОФИНАНСОВОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХЕДЖ-ФОНДОВ**

**Смирнов Ф.А.**

Аспирант Московского психолого-социального института

Фундаментальным итогом развития мировой валютно-финансовой системы XX и начала XXI веков стал глобальный финансово-экономический кризис (ГФЭК), начавшийся на рубеже 2007 — 2008 гг. Текущий кризис — это кризис не только финансов и экономики. Текущий кризис — гораздо более глубокая и сложная материя, которая на сегодняшний день, несмотря на колоссальное количество написанной отечественной и зарубежной литературы, до конца еще не осознана. ГФЭК — это кризис всей цивилизации Запада, исходя из чего, говоря о строительстве многополярного мира, данную тему миновать просто нельзя.

## **О том, откуда дует ветер или с чего все началось**

Понимание основных причин наблюдаемого сегодня явления способно пролить свет на всю ситуацию в целом. Обозначим ключевые моменты развития мировой финансовой системы.

Июль 1944 года. Бреттон-Вудская конференция, США, штат Нью-Хемпшир. Пока на Евразийском пространстве шла Вторая мировая война, под предводительством США состоялась конференция, где было решено, что отныне американский доллар и британский фунт являются основными мировыми

валютами и будут обеспечиваться золотом (35 долларов за 1 тройскую унцию), а все остальные 42 валюты должны быть жестко привязаны к доллару [1].

Август 1971 года. Президент США Ричард Никсон объявил о полной отмене золотого обеспечения доллара. Дело в том, что к этому времени долларовая масса уже значительно превышала золотые резервы и никак не могла быть ими обеспечена. Только Шарль де Голь сумел «стряссти» с американцев один корабль золота, но на требование конвертировать второй в Соединенных штатах ответили отказом, который кардинально изменил всю финансовую картину мира второй части двадцатого столетия [2].

С 70-х годов и по настоящее время долларовая масса стала расти по экспоненте. Примечательно, что статистику по денежному агрегату М3 ФРС США приводит только до марта 2006 года [3]. Параллельно с этим так называемым процессом насыщения ликвидностью финансовых рынков западной цивилизации постепенно стала разрастаться сфера производных финансовых инструментов — деривативов. Имея своей целью изначально благие намерения, помогая диверсифицировать торговые риски, обеспечивать безопасное управление финансами, с конца 70-х, середины 80-х годов масштабы рынка деривативов начинают формировать самую настоящую виртуальную экономику — финансовый мир, который по мере своего роста стал все больше отдаляться от реальной экономики, жить своей самостоятельной жизнью. Таким образом, объем финансовой сферы, только биржевых деривативов, в период до начала ГФЭК достиг беспрецедентных размеров в 2,25 квадриллиона долларов (2250 трлн. долларов, годовой оборот) [4], и это при том, что мировой ВВП на своем историческом пике в 2008 году был равен 60 трлн. долларов (для примера в 1999 году ВВП составлял 35 трлн. долларов). Внебиржевые деривативы вообще никто не считает. Например, Bank for International Settlements дает оценку их годового оборота в диапазоне 550 — 700 трлн. долларов, однако, в действительности оборот может в разы превышать эти показатели [5].



Особое почетное место занимает либеральная психология действующих в этой финансовой системе участников. Это самая настоящая психология поклонения культу «золотого тельца», когда во главу угла ставятся только деньги. Если ты не умеешь делать много денег — ты лузер, не достойный ничего кроме презрения. Таким образом, метафизика денег играет в построении западной финансовой цивилизации (именно западной, потому что 70-80 процентов современных финансов приходится на западный мир) основополагающую ментальную роль [6].

Декабрь 1991 года. По мнению ряда исследователей, прекращение существования СССР отсрочило наступление ГФЭК. Если проанализировать статистику мировой инфляции, которую дает МВФ, то именно с 1991 года по 1999-2000 наблюдается ее существенное падение, буквально в несколько раз [7]. Это объясняется, в том числе значительным расширением пространства для обращения долларовой массы.

### **О том, что вообще происходит или отталкиваясь от 2008 года**

Глобальный финансово-экономический кризис, а также текущее нарастание мировых кризисных процессов, являющееся своего рода «вторым дыханием» кризиса, запускают два фундаментальных, но пока слабо ощутимых процесса — дальнейшее преобразование финансового мышления в новую сверхсложную инновационную форму, а также глобальную геофинансовую регионализацию, то есть по своей сути формирование мультиполярного мироустройства.

Именно ГФЭК стал отправной точкой для смены финансово-экономической парадигмы, открывая новую промежуточную эру — эру финансового хаоса [8,9], где набирают обороты уже иные, фактически нелинейные законы развития, а наработанные за предыдущее столетие законы экономического развития, которые продолжают применяться как бы «по накатанной колее», перестают давать нужный результат. Однако все же не отказываясь применять их на практике, основные игроки финансового мира встречают пока «не объяснимые» и «не

решаемые» преграды [10,11,12]. ГФЭК открывает новое поле финансового структурирования — поле финансового хаоса, которое должно просуществовать до полноценного формирования региональных союзов, влекущих за собой стабилизацию мировой обстановки.

Вторым принципиальным моментом является процесс геофинансовой регионализации. К настоящему времени, несмотря на виртуализацию, достигнуты пределы развития американской, европейской, японской экономик. Им на смену выходит волна динамично развивающихся экономик (Китай, Индия, Латинская Америка и прочие). Дело в том, что ГФЭК — это еще и кризис доверия, причем не только межбанковского, но и межправительственного [13]. В условиях мировой нестабильности становится сподручнее и менее рискованно иметь торговые отношения с территориально близлежащим партнером. Таким образом, именно с наступлением ГФЭК и был запущен процесс формирования торгово-финансовых зон [14].

В качестве базовой модели регионального разделения можно взять карту 12 «больших пространств» [15], к числу которых относятся: Североамериканское большое пространство (Канада, США, Великобритания, Австралия), Большое пространство центральной Америки (Мексика, Куба), Южноамериканское большое пространство (страны Южной Америки), Европа, Арабо-исламское большое пространство, Африка, Российско-Евразийское большое пространство, Центральное-исламское большое пространство, Индия, Китай, Япония и Тихоокеанское большое пространство. Для всех этих пространств характерно пока что использование основной мировой валюты — доллара. Однако кризис экономики США, а также кризис самого доллара все больше подталкивает стержневые страны этих больших пространств задумываться о запуске своей собственной региональной валюты. Так, в качестве своеобразного «вызова» долларовой системе в апреле 2011 года группировкой БРИКС было озвучено решение постепенно переходить в расчетах внутри блока на национальные валюты [16].

### **Хедж-фонды как основные проводники финансовой психологии Запада**

Вместе с подобного рода эволюцией финансового мира еще большую актуальность, несмотря на попытки урегулировать данную сферу, приобретает индустрия хедж-фондов. Именно хедж-фондам отводится незаметная роль значимых участников многих финансовых событий. И именно хедж-фонды являются ключевыми проводниками неолиберальной финансовой мысли Запада. Их уникальность состоит в совершенной неограниченности применения технологий по извлечению прибыли, хотя и в рамках действующего законодательства. Хедж-фонды в основном регистрируются в офшорных юрисдикциях. Причем львиная их доля (70 - 80 процентов) опять же зарегистрирована в американских и британских офшорных зонах.

Масштабность индустрии хедж-фондов (по итогам 2011 года объем активов в управлении должен превысить 2,5 трлн. долларов [17,18]) в совокупности с их концентрацией на западных биржевых площадках и поиском инновационных кредитно-денежных инструментов, форм и методов управления капиталом в связи с обеспокоенностью тенденцией смещения финансовых потоков в динамично развивающиеся страны и регионы, способна оказывать существенное давление на финансовые системы целых стран.

Главный принцип западного денежного мира или просто — финансовый археомодерн

Ведущий принцип, на котором базируется «современное финансово-экономическое мироздание», состоит в рыночном приоритете «финансового ядра» (глобальные центры сосредоточения капитала, ГЦК), то есть наиболее сильной в финансово-рыночном плане экономики или экономической зоны [19,20,21]. В период роста, когда активы корпораций и экономики стран растут, находятся в зеленой зоне, ГЦК распространяют свое (например, инвестиционное) влияние на сопредельные территории, одновременно являясь проводниками неолиберального

толка. В период нарастания кризисных процессов происходит сворачивание инвестиционной активности, которое сопровождается резким и масштабным оттоком капитала, и наносит ущерб (больший равно пропорционально слабости финансовой системы) стране-реципиенту (как правило, к ним относятся страны развивающегося и третьего мира).

### **Куда двигаться дальше**

Оптимальной стратегией выхода из «тупиковой ситуации» является постепенное выравнивание западных гипертрофированных экономических парадигм за счет более сбалансированного, а не зависимого от Центра (ГЦК), развития мультиэкономических и мультивалютных мультикультурных союзов — страны Азии, страны мусульманского мира, страны Латинской Америки, пространство СНГ (Единое экономическое пространство), Африканский союз (то есть 12 больших пространств).

В целом процесс регионализации фактически был запущен с началом ГФЭК, однако, практически постоянная нестабильность на западных финансовых площадках оказывает разрушительное воздействие на формирование подобных союзов. Таким образом, только консолидированный стратегический и абсолютно гласный (в обход западных СМИ) подход, сформированный, например, в рамках широкого международного форума (наподобие расширенного варианта G20) способен положить начало стабилизации мировой экономики. К сожалению, указанные процессы будут набирать силу только в долгосрочной перспективе.

### **Список используемой литературы**

1. Щегорцов В., Таран О. и др., Поле чудес или мировой финансовый тотализатор. — М.: ОАО «Типография Новости», 2011 — 1272 с.;
2. Там же — с.150 — 178;
3. Сайт ФРС США (дата обращения 8.10.2011) <http://www.federalreserve.gov/releases/h6/hist/h6hista.txt>
4. Bank for International Settlements, BIS Quarterly Review, September 2011 p.129 — 137 // [http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r\\_qa1109.pdf](http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qa1109.pdf)

5. Там же;
6. Смирнов Ф., По поводу фундаментальных причин глобального кризиса, «Человек и труд», №6, 2011 — с.60 — 64;
7. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata/weoselgr.aspx>
8. Некоторое подобие использования теории хаоса в политических и военных целях — Mann R. Steven «Chaos Theory and Strategic Thought», 1992;
9. Sterman J., Business Dynamics. Systems Thinking and Modeling for a Complex World — Massachusetts Institute of Technology, Irwin McGraw-Hill, 2000 — 982 p.;
10. Reinhart M., Rogoff S., This Time is Different — Eight Centuries of Financial Folly — Princeton University Press and Oxford, 2009 — 460 p.;
11. Shiller R., Irrational Exuberance — Second Edition, Revised and Updated — New York, 2005 — 305 p.;
12. Duncan R., The Corruption of Capitalism — a strategy to rebalance the global economy and restore sustainable growth — Hong Kong — CLSA BOOKS, December 2009 — 214 p.;
13. Wolf M., Fixing Global Finance — The Jones Hopkins University Press, 2010 — 250 p.;
14. Слипенчук М., Формирование финансово-промышленных кластеров: региональный фактор глобализации — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009 — 263 с.;
15. Дугин А.Г. «Геополитика: Учебное пособие для вузов». — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — с.461 — 466;
16. Страны БРИКС решили обходиться без доллара, Ведомости, 14.04.2011 // [http://www.vedomosti.ru/finance/news/1253710/strany\\_briks\\_reshili\\_obhoditsya\\_bez\\_dollara](http://www.vedomosti.ru/finance/news/1253710/strany_briks_reshili_obhoditsya_bez_dollara)
17. Enke D. Total Hedge Fund Assets Approach \$3 trillion // Report from HedgeFund.net, August 19, 2008
18. Marriage M. Total hedge fund assets could grow to \$2.5 trillion in 2011 // Hedge Funds Review, 20 Jan 2011
19. Цыганов В., Бородин В. и др. «Преемник: механизмы эволюции России» - Академический Проект, 2007. — 396 с.;
20. Дугин А.Г. «Геополитика постмодерна» — СПб.: Амфора, 2007. — 382 с.;
21. Дугин А.Г. «Конец экономики» — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010.

# **ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА В МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ**

**Токмакова М. В.**

Аспирант кафедры Социологии международных отношений  
Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

На сегодняшний день не существует цельной, разработанной теории многополярного мира. Тем не менее, отчетливо присутствует острая потребность в теории нового рода, составляющую альтернативу нынешнему миропорядку, который разрушается, делегитимизируется на глазах.

В истории международных отношений наличествовали различные формы международного политического устройства.

На заре глобализации, когда международные отношения не носили глобального характера, существовали различные полюса, не оформленные политически и не интегрированные в единую мировую политическую систему. Эти потенциальные полюса были представлены наиболее развитыми цивилизационными общностями.

Эпоха Великих географических открытий интенсифицировала международные контакты, окончательно запустила процесс глобализации и процесс формирования мировой политической системы. Религиозные, колониальные войны привели к установлению системы национальных государств в Европе, которая впоследствии была распространена на другие части света.

Нынешняя мировая политическая система построена на тех же принципах, основанных на идеях Просвещения и рационализма, на которых формировались сначала западноевропейские государства эпохи раннего Модерна, затем и остальные, вплоть

до деколонизации африканских государств в 60-х гг. XX-го века. Впрочем, современная мировая политическая система претерпевает значительные изменения.

Мировая политическая система изменила свою конфигурацию после Второй мировой войны, когда была создана очередная (после Лиги Наций) организация, которая только номинально была способна регулировать межнациональные отношения — ООН. На деле, новая мировая политическая система представляла биполярный мир, состоящий из двух политически оформленных полюсов.

Наконец, последней мировой политической системой, представленной сегодня в международных отношениях, стала однополярная международная система с единственным полюсом в США. Остальные потенциальные плюсы являются политически неоформленными и не составляют полноценных элементов мировой политической системы, включая утративший статус полюса и, соответственно, политического образования, Советского Союза.

Сегодня мировая политическая система представляет собой либерально-демократическую конструкцию, проект либеральной глобализации. Принципы, которые заложены в данном подходе к построению политических отношений, позиционируются как общие для единой мировой политической системы, в то время как они являются трансляторами политики и ценностной системы лишь одной из множества социальных общностей. Тем не менее, все очевиднее становится кризис нынешней политической системы и ее институтов.

Теория многополярного мира на сегодня является единственной альтернативой либеральной политической системе. Она должна учитывать общественное сопротивление попыткам унификации мировых социальных пространств, служащей принципам и интересам либеральной политической системы.

Политическая система неотрывно связана с геополитическими условиями, которые в свою очередь

представляют собой отношение географического пространства к социальному. Таким образом, политическая система находится во взаимосвязи с качественным пространством, разделенным социокультурными, ценностными отличиями. Несоответствие политической организации социальной и геополитической специфике пространства влечет за собой сбой всей социально-политической системы.

Теория многополярности в данном контексте должна объяснять отношения, в которых находится международное политическое устройство и социальная, геополитическая сторона международных отношений.

Разработка теории многополярного мира на сегодняшний день является необходимой базой новому зарождающемуся типу социального устройства и государственного образования, а также новым, справедливым межгосударственным взаимоотношениям. Она требует переосмысления социологических и политических основ международного взаимодействия, учета социокультурных, ценностных характеристик общественного разнообразия.



# **TURKEY'S POSITION IN THE STRUGGLE FOR A MULTIPOLAR WORLD**

**Dr. Semih Koray**

Professor, Deputy Chair in Charge of International Relations  
(Workers' Party, Turkey).

## **A multipolar world requires the initiative of the Developing World**

The first lesson to be drawn is perhaps that the creation of a multipolar world cannot be left to spontaneity. It is, of course, important to determine and analyze the objective national and social forces that drag the world to a multipolar one, but it is even more important to find ways and create institutions to coordinate and combine these forces into an international front that will deter all the attempts to reestablish unipolarity and force imperialism to a strategic retreat.

It is clear that USA is on a decline due to its military failures and the global economic crisis of the capitalist system. During the Nineties, the center of world production has started to move from the West to the East and still continues to do so. The US, however, became during the the same period in a much stronger sense than ever the center of financial capital. Whoever makes the world believe that he is the master of the world and thus will shape its future can thereby collect the rent of this hegemonial power via financial instruments, as these are mainly tools of trading future profits in the present time. Based on its military and ideological superiority conjoined with the US dollar being used as the international means of exchange and thus as reserve money, USA was able to collect this rent, manipulate the distribution of goods and services to its own favor via financial means and thus to consume more than it

produced during this period. On the one hand, this cannot be sustained any more. On the other hand, USA would not voluntarily give up its efforts to regain the worldmaster's position, so long as it seems achievable, no matter how adventurous the roadmap may seem. The only force that is able to deter USA from doing so can be created by turning the Developing World, i.e. Eurasia, into a more organized and united front, which will also neutralize Europe, where the centrifugal forces are becoming more and more visible.

It is interesting to note that USA has not been successful in any open war it launched since the Second World War. But its successes accomplished via manipulation of ethnic and religious contradictions – or by means of social engineering can hardly be denied. During its present tactical retreat, it is focusing more on these methods in an attempt to create new instruments that will enable itself to start new attacks. It is within that framework that one of the most crucial places the efforts of USA are concentrated upon is Turkey and Turkey's present ruling party AKP – the Justice and Development Party. Let us now shortly consider the recent developments in Turkey.

### **Turkey during the last decade**

In the first term of AKP (2002 – 2007), the center of weight of the government's policies was located around Turkey becoming a member of the European Union. It is no exaggeration to say that there was not a single domestic or foreign issue (with the possible exception of those directly concerning USA as the invasion of Iraq) that was not related to the potential membership of Turkey to the EU. It was very clear from the outset that the West had not even the least intention to accept Turkey to the EU. The plan was to keep Turkey bound to the door of the EU without letting it enter, in order to prevent Turkey from even seeking other alternatives in the East. One of the major common denominators of the political party leaders, generals and officers, rectors, journalists, intellectuals imprisoned under the Ergenekon, Sledge-Hammer and similar operations is that they all have been regarding Eurasia as an alternative to the West on the

international plane, that in a rather broad spectrum though, ranging from just increasing the bargaining power of Turkey towards the West to considering Eurasia as the geography where the future civilization of mankind is being born.

In the second term of AKP (2007 – 2011), especially after Obama took office in the US, things started to change drastically. Membership to the EU was not even mentioned any more. The additional influence of the global economic crisis on this change cannot be denied, of course. The EU had also lost its charm due to the economic difficulties that especially its southern members were faced with. The substitute for the EU was now «regional leadership of Turkey», or «New Ottomanism». Turkey becoming a regional leader was subject to a particular constraint, which was not spelled out as loud as the leadership part though, namely «regional leadership by aligning Turkey's stance along the interests of big powers towards the region». The attitude of Turkey in the nuclear issue towards Iran, its developing relations with Syria, its opposition to Israel in the Palestinian issue, the growth of economic relations with Eurasian countries lead to the question of whether there was a shift in Turkey's axis towards the East on the international plane.

### **An ideal Islamic partner country for USA**

Although the more recent developments obviously show that there has been clearly no such shift, it might yet be worthwhile to look into the same issue from the viewpoint of USA during the same period. The military failures of the US in Afghanistan, Iraq and in the attack of Israel against Hisbollah in 2006 had made the following clear to the US Administration: Military superiority is a must and a big advantage in becoming the master of the world, but it does not suffice. One needs to change the image of the US Administration towards the world as well. In fact, image making has always been accompanying US foreign policy. Just remember the US Foreign Ministers within the last fifteen years: Madeleine Albright female, Colin Powell black, Condoleezza Rice both female and black, and now Barack Obama black, Hillary Clinton female. Image making

is useful, but not sufficient either. What USA really lacks is the diplomatic, social and cultural channels that will enable it to directly infiltrate into an Islamic country to create a socio-political basis that can be made to internalize the US plans concerning that country. The way out is then to create a «model Islamic country» that will do all this that USA itself cannot do on behalf of the US. It is precisely this role that the AKP Administration in Turkey is playing.

«Moderate Islam» is an American invention. A moderately Islamic country is by definition a country that looks socially and culturally as an Islamic country from outside, which, however, also has gone through a reinterpretation of Koran such that Islam is freed of all the elements that may form an obstacle to the integration of that country to the market system of the West. In the context of Turkey, moderate Islam is meant as a substitute for Kemalism. On the one hand, it is used not only to liquidate Kemalism from the state apparatus, but also to erase all the traces of the Kemalist Revolution from every sphere of social life. On the other hand, a «model country of moderate Islam» is a very useful tool for implementing the US plans concerning the Islamic World. However, if this model country looks like a faithful follower of all the US stances in its foreign policy, then it will have no credibility in the eyes of the other Islamic countries and thus cannot gain the position of a «regional leader». So these are the main guidelines of the scenario written for Tayyip Erdoğan and Abdullah Gül – the former of whom is known to have proudly declared to be a Co-Chair of the Greater Middle East Project of the US in several different occasions, and the latter of whom again proudly confessed to have signed a confidential two-page nine-item agreement with Colin Powell, which specifies what falls upon Turkey in implementing the Greater Middle East Project.

### **USA needs shortcuts since time is tight**

Time is tight for USA. Thus, the need for shortcuts arises in staging the scenario in question. In stage 1, the relations between Turkey and Syria were going so well that the audience expected that the two countries would even abolish the borders between them and

act as if they were one country. But now in stage 2, Erdoğan seeks ways of launching a war against Beshar Esad. The United Nations cannot reach any decision against Syria. It is not possible for NATO to converge to some such decision either. Obama cannot convince, let alone the rest of the world, the American public opinion in launching a war against Syria. Thus, it falls upon Erdoğan to do it.

In stage 1, the AKP Administration voted against sanctions against Iran in the United Nations. Now they accepted to station the radar system of NATO (better said of USA) of the so-called Missile Shield in Turkey in stage 2. As for Libya, in stage 1, Erdoğan said that it is not possible to even think, let alone approving it, that NATO militarily intervenes into Libya. Only two weeks thereafter, in stage 2, he declared that NATO should enter Libya in order to establish that Libya belongs to Libyans.

In 2007, Beshar Esad proposed to the AKP Administration that the three countries – Turkey, Syria and Iran – carry out a joint military operation against PKK in Northern Iraq. This proposal was not accepted by Erdoğan and Gül. If Erdoğan really wished to contribute to the solution of the Palestinian Question, then a natural way to follow on his part would be to join and help to coordinate the forces that side with the Palestinians. But now the Erdoğan Administration is hostile to all the countries and forces that have defended the Palestinian Cause since its inception. But then the natural conclusion this picture leads to is the following: Erdoğan's efforts concerning the Palestinian Question are aimed at replacing the forces that have been defending the rights of Palestine on behalf of the US, rather than joining them.

### **Common threats can be countered by common struggles**

Turkey is presently facing two crucial threats that reinforce each other. One is becoming an instrument in launching a war in the Middle East via a *fait accompli* - a war, which can hardly be kept local. The other is being fragmented for the sustainability of the puppet state in Northern Iraq.

The stabilization of the puppet state, which is something that the US cannot foga, cannot be achieved by staying within its current borders in Northern Iraq. One way or another, it has to be expanded towards the North, and preferably towards the West and East as well, if possible.

Both of these threats can be coped up with cooperation and solidarity of the countries in the region. The territorial integrities and sovereignties of the four countries in our region – Turkey, Syria, Iran and Iraq – have never been interdependent in history to the extent they are now. Common threats can be countered by a common struggle. Paradoxically, it is unfortunately the AKP Government today who constitutes one of the main obstacles to the formation of a united front against these common threats.

Genuine cooperation and strengthening solidarity between the peoples of these countries is to play a very crucial role for the security of the region. This is, in fact, a must if one wishes to render the plans of imperialism concerning the Middle East unsuccessful. It will not only set an example of how a multipolar world can and should be constructed, but it will also make the way free to a genuinely multipolar world by limiting imperialism. It will lead to a turning point in the history of the region whose impact will spread out to the entire world.

# **THE ROLE OF RELIGION AND THE CULTURE OF IDENTITY IN THE PUBLIC POLICY: THE BALKANS CASE**

**Stevo M. Lapčević**

Faculty of Political Sciences (Belgrade, Serbia)

«Prior to the discovery of the New World, America and Australia, people were familiar with only three landmasses (continents) — Europe, Asia and Africa. All three old landmasses were mutually connected by the Balkan Peninsula. Up until the most recent geological age, the Balkan Peninsula was connected with Asia by a land bridge, of which numerous larger or smaller islands had survived on the sea surface, the islands that have for thousands of years kept the Balkans directly connected with Asia, the largest, most populous and for the history of mankind most important continent. With the African landmass the Balkans was connected by short seaways over the important Mediterranean Sea that includes, as some sort of gulfs, the Balkan seas, Adriatic, Ionian and Aegean. On the northern side, the Balkan Peninsula is by a wide area connected and coalesced with Europe»<sup>1</sup>.

This unique geographical and geopolitical position granted the Balkans an important and fateful role in the history of the world. It is a point at which three continents meet, and this fact is the reason why it was frequently called «catena mundi», i.e. «the buckle of the world». Consequently, it is the place where a wide array of cultures and civilizations interweaves, shaping, each in its own way, the political destiny and identity of the area.

«The Balkans is something more than the southeast of Europe. It is the buckle of the world. This buckle has a greater responsibility

---

<sup>1</sup> Balkan i Balkanci, p. 13

and a graver duty than Europe. The Balkans is not only Christian like the rest of Europe. The Balkans is a real coexistence of races and peoples, religions and classes, all bound by one fate, stronger than religious affiliations and social prejudice. The Balkans is therefore something unique in the group of the old continents — neither Europe nor Asia. There are some that think of the Balkans as «the Nearer East» or Asia and refer to it in that way. Such references are the best proof that the Balkans is neither the European East nor the Asian West, but a separate area with distinctive characteristics and a special task»<sup>1</sup>.

According to Vladimir Dvorinković, one of the most prominent Yugoslav philosophers and ethno-psychologists and the author of the well-known Yugoslav Characterology, history in the Balkans, in all its contents, falls into separate series of events, an entire chain of fractions and tendencies that most often clashed with all their might and destroyed each other. More than anywhere else in Europe, Balkan history used to be (and still is) conditioned by cultural and traditional patterns, that have been intertwining in the Balkans since the earliest times of its historical existence.

Culture, (geo)politics and history of the Balkans are a cross section of European and Asian cultures, (geo)politics and histories, in a word — of Eurasian expanses. Jovan Cvijić, a renowned Serbian geographer and scientist, thought that precisely this Eurasian heritage of the Balkans had influenced to a larger or smaller degree the establishment of political and cultural models of all the peoples in the peninsula.

### **Cultural and Political Influences in the Balkans**

Several cultural and political influences are discernible on the Balkan ground.

During the classical antiquity Hellenistic culture exerted its influence, and owing to its connection with Persia, even before the time of Alexander the Great this culture had certain Eurasian characteristics. Through his activities, Alexander managed to unify

---

<sup>1</sup> Balkan i Balkanci, p. 25



the entire Southern Balkans and to take it to the East, to the land of his grandfather. Thus the Balkan men became the first Europeans to comprehend the full scope of the true East, and Alexander was the first man who succeeded in gathering around him both marine and land forces of the Balkans.

«Owing to Alexander and his Balkan shepherds, Greek drama reached the luxurious palaces of the rich maharajas, and India along with the Far East and the newly-founded cities all across the Middle East became culturally and commercially connected with Europe»<sup>1</sup>

With the Hellenes as mediators, cultural patterns of the Middle East, the cradle of the oldest civilizations, had a strong influence on the Balkan Peninsula. «It is known that, under the influence of Phoenicia and Egypt, the oldest civilization not only in the Balkans but in the whole of Europe was created in the Greek archipelago»<sup>2</sup>.

After Hellenic and Eurasian influences, the Balkans fell under Roman, mostly continental, European influence that, as Jovan Cvijić put it, 'cleansed' this area from Eurasian traits. However, the arrival of the Slavs, especially the Bulgarians, as well as the Hungarians, to the Balkan area will almost completely neutralize this cultural conversion.

The Middle Ages brought Eurasianism back into focus, only now in the form of Orthodoxy. The Byzantine Empire became the first cultural and political unifier of the Balkan peoples. This great heir of Hellenistic ideas finally laid the foundation for the consequent Balkan fondness for Orient culture, owing to which a unified Slavic-Mongolian-Hellenic culture was created in the Balkans at the very beginning of the Middle Ages, i.e. after the arrival of the Slavs, the Bulgarians and the Hungarians.

«Entering history, the South Slavs had, taking over religion from the Byzantines, also accepted education and many elements of social and state structure; a similar case was with the Romanians. Byzantine culture was widely spread; it covered the entire peninsula, going even across the Sava and the Danube. The influence of the

---

<sup>1</sup> Balkan i Balkanci, p. 49

<sup>2</sup> Knjiga o Balkanu, pp. 378-379

West was for some time spread over an even larger area, but it was later reduced mostly to the narrow Adriatic coastal area, crushing against the high bulwarks of the Dinaric Alps and only partially intruding deeper into the peninsula mainland by the river valleys of the tributaries of the Adriatic sea»<sup>1</sup>

Apart from Constantinople, Balkan politics and culture were developed in Salonika, which was a real meeting point of Eurasian Byzantine and Slavic culture, a town in which the brothers Cyril and Methodius, the creators of Slavic literacy, were born. While Salonika connected the Slavs with Constantinople, Constantinople was the connection of the Balkans with Anatolia, and over it with Northern Africa and Asia.

The strongest Byzantinization of the Slavs in the Balkans happened, above all, among the Bulgarians, who were the first to abandon their old social and religious system. After the Bulgarians, Byzantine culture was accepted and developed by the Serbs, and only then the Romanians, among whom this culture was mixed with Hungarian cultural influence.

The penetration of the Ottoman Turks into Europe over the Balkans enabled, it seems paradoxically, a shift of the old Byzantine Orthodox Eurasian influence from the east of the peninsula to the west and north, where it was driven like a peg into Central European cultural background over the Sava and the Danube and into the Western, Venetian background over Dalmatia, where it was held by a natural border — the Adriatic Sea.

The influence of the Turkish Eastern cultural patterns became stronger with further Ottoman advances, especially due to the fact that for a considerable number of centuries the Islamic influence geographically followed the spread of Byzantine culture. Turkish cultural influence directly affected a change in the social life of the Balkan nations. Owing to the Turks, these nations broke loose from the rigid class, almost cast-like social structure. Turkey enabled noblemen and soldiers and peasants alike to, in accordance with their

---

<sup>1</sup> Knjiga o Balkanu, p. 390

abilities, climb in the hierarchy, which will also become the need of the Balkan states created after the nineteenth-century revolutions.

Apart from these three influences, doubtless the strongest, that unified the Balkans culturally but unfortunately not (geo)politically, the influences of Western and Central Europe are noticeable in the Balkans from the Middle Ages to the present day.

«The influence of the Western culture is also noticeable. Reaching the Adriatic coast by the transversal roads that led through the mountains, it left the strongest traces of its influence in the Adriatic area. Due to the centuries-long influence of the Romans, Balkan population was Romanized to a great degree. One part of the Balkan population was completely Romanized, the other part was Slavenized, while only the smallest part was preserved to the present day. Therefore, the Western culture also caused certain ethnic changes in the Balkans. Today this influence is in the strongest way exerted through the church»<sup>1</sup>

The increase of the influence of the Western European culture is strongly connected with the later East-West Schism, after which the western parts of the Balkans and a part of the Adriatic coast came under the influence of Rome.

When we talk about the influence of the Central European culture, we should stress that it is the youngest, that it is colonial in character, and that it comes over the Sava and the Danube. It was transplanted into the Balkans by Austria-Hungary and its influence is the weakest today since, owing to the Hungarians forsaking their own Asian identity, it almost completely withdrew facing the Western, Austrian, i.e. German cultural advances. Here as well religion played the most important role in the process of assimilation.

### **Consequences**

Unfortunately, the nations of the Balkans never managed to connect into a single geo(political) block. They did not succeed in making a customs union, let alone a stable political alliance. Such

---

<sup>1</sup> Knjiga o Balkanu, p. 380

state of affairs was on one hand caused by the interests of the great powers and on the other hand by the tendency of the Balkan states to, in accordance with the Western national romanticism, prove and defend their cultural and political supremacy over their neighbours in this small peninsula.

After all, although close, some nations in the Balkans had developed within different cultural and political frameworks, and it seems that this fact permanently disabled any attempts at unifying the Balkans as a whole. In that respect, many nations in the Balkans have been lost for it for a very long time. Saying that, we have in mind principally those nations that run away from the Balkans, that despise it, that are ashamed of their Eurasian cultural heritage. Clearly, the Croats are such a nation most of all, since they have tried throughout the course of their history to prove their being an integral part of the Western Europe, both in (geo)political and cultural respect. To the Croats, the Balkans is something humiliating, «Turkish», «Byzantine», a geographical and political term that, according to Mladen Švarc, leader of the «New Croatian Rightists», reminds them of communism and Yugoslavia from which the Croats «took only harrowing experience».

Along with the Croats, Islamic Balkan nations belong to this group as well. Unlike the Croats, these nations know that they cannot count on Central or Western Europe, that for them the Balkans (for now) is the greatest achievement. They are not ashamed of their Balkan name, yet they do not think of the Balkans as their ultimate goal. To them, basically, the Balkans was just a transition that gained on importance only when this transit to Europe's inland became endangered.

The reasons for such (geo)political viewpoint are, above all, ethnic and linguistic in nature, at least when we talk about the Roman Catholics and Muslims of Slavic origin. Namely, the greatest part of the modern Croats and Bosnian Muslims ethnically belongs to Serbian national core, from which they were separated owing to a variety of factors at a specific point in time. They still speak the Serbian language, and many of them keep the memory of their Orthodox ancestors.

By converting to Roman Catholicism, one part of the Serbian people detached itself from the Eurasian Orthodox idea. Merging into the Western cultural background that imposed the name of the Croats on them, those Serbs finally forsook their Orthodox Eurasian heritage. To them, the Balkans became just a «shameful name».

On the other hand, the Muslims of Slavic origin (composed mainly of Serbs that converted to Islam), who inhabit mostly parts of Bosnia and Herzegovina, took a different course, as we have already mentioned, sharing the fate of the Turkish Empire. Namely, after Turkish retreat from the major part of the Balkans, owing to their sense of defeat, these Slavs felt endangered. On the other hand, logically, they could not convert back to Orthodoxy, which resulted in a rather rigid attitude of the Serbs (from whose core they separated) towards them.

This comes as a confirmation of Jovan Cvijić's remark that the Byzantine idea of supremacy of religion over nationality was and still is the most rooted trait of Byzantine cultural and political inheritance. In the Byzantine Empire this cultural and political trait enabled the empire to prosper, whereas in Balkan politics it left extremely negative consequences that, as it has been already mentioned, manifest themselves in the rejection of the members of the same people belonging to different religions.

However, it should be pointed out here that, apart from paganism, Orthodox Christianity is an authentic Balkan religion. Islam and Catholicism are, in essence, religions coming from the outside which, owing to Arabian or Roman cultural and political activities became widely present on this area.

While Catholicism spread simultaneously with the political influence first of Rome, and later of Venice and Hungary, almost without exception keeping to the Adriatic coast and the banks of the Sava and the Danube, Islam spread over smaller oases all over the Balkans, especially in towns.

«No religion in the Balkans was completely compact at the time of the Turkish rule. They were all scattered and dislocated. Bosnia and Herzegovina, Albania and Bulgaria, represent real mosaic in

this respect. The fact that some Balkan states, such as Serbia and Greece, became compact Orthodox countries is a consequence of their national revival, departure of the Muslims and the change in the structure of the populace»<sup>1</sup>

According to the majority of Balkanologists, Religious intolerance, that is so fully at work in the Balkans today, is not naturally related to the Balkans. What we deal with is actually a phenomenon «that Venetian and Austrian authorities allowed themselves to stir, spreading prejudice and slurs about Byzantine corruption and working diligently on proselytism (Catholicizing and Uniating)»<sup>2</sup>. Thus religious intolerance, for which the Balkans is nowadays famous worldwide, is the result of Western and Middle European cultural influence, not Eurasian, on which the peninsula was founded.

The Balkans gave the world its first cultural, i.e. literary language. «That was the old Greek language, which belongs to the eastern family of languages along with the other old and new languages in the Balkans»<sup>3</sup>. Owing to Alexander of Macedon, this language became the language of culture of the whole East, from the Balkans, over Asia Minor and India, all the way to Egypt. «Christ's teachings increased its significance even more: it became the language of religious, spiritual life. The Romans took some expressions from it. As the language of science and church, it became a model not just for every other literary language in Europe, but world's science draws its terminology from it»<sup>4</sup>

The first Balkan written codes are Greek and Slavic (Cyrilic) alphabet that is nowadays used in Macedonia, Bulgaria and partially in Serbia, Montenegro and Bosnia and Herzegovina. These codes can be regarded as originally Balkan. «The Latin code was spread in the Balkans owing to three factors. In the first place it

---

<sup>1</sup> Balkan i Balkanci, p. 113

<sup>2</sup> ibid, pp. 113-114

<sup>3</sup> ibid, p. 76

<sup>4</sup> ibid, p. 77

was national conceit. The Romanians remembered the Latin origin of their language in the middle of the nineteenth century so that through the Latin code they could connect themselves firmer with the Western Roman world. Orthodoxy could not preserve the Cyrillic code among them. National interests prompted the spread of the Latin code among the Romanians. The acceptance of the Latin code partially among the Albanians, and fully among the Croats, is completely to be attributed to the Catholic Church. The Western Apennine Catholicism, aided by prolific literature, destroyed the Balkan «glagoljica» and «bosančica». The Turks completely, and Albanians only partially introduced the Latin code for practical and international reasons»<sup>1</sup> And although, as we have seen, the Latin code in its present-day form is a code that is used outside the Balkans, it is undisputable that this code as well is based on the Balkan culture, all the more due to the fact that it originates from an adaptation of the Greek written code.

The influence of linguistic (geo)politics is noticeable in four Balkan areas, the western, where the Serbian corpus bordered on Croatian, the southern, in Macedonia, where Serbian and Bulgarian interests were in conflict, and only recently in the southwestern area, in Montenegro and Bosnia and Herzegovina.

Striving to suppress the Serbian element that was related to Russia, Austria endeavoured to Catholicize and thus alter the cultural identity of those orthodox Serbs that lived to the West from the River Drina — they were about four million in number. In this sense, linguistics was turned into an instrument of Austrian geopolitical interests.

Generally speaking, in Western (geo)political idea, the Drina plays an extremely significant role. As the Western Europeans see it, this river represents a «natural border» that divides the West and the East in the Balkans. It is a point at which, according to the Western theoreticians, Byzantine and German cultural and political influences came into contact. Hence there is no place on the western

<sup>1</sup> Balkan i Balkanci, p. 81

bank of the Drina for the Orthodox and, in general, all the other people whose aspirations are turned to the East. In this light we should consider the activities of Austria-Hungary, and later of the Croats, as well as the interference of the European Union and the USA into the issue of the internal organization of modern Bosnia and Herzegovina, where the Muslims, unfortunately, have for a long time been an instrument of the West.

The Balkan languages were, through Serbian, dragged from the darkness of monastery cells into the light of the day by the Serbian scholar Vuk Stefanović Karadžić. Loved and despised at the same time, respected by the Grimm brothers, the great Goethe, Paul Schaffarik, Nikola Tomazeo and many other authors and linguists of the Balkans and the world, he collected and published not just Serbian, but also Romanian, Albanian and Bulgarian folk literature.

At the time when Vuk was working, a great number of Orthodox Serbs in the areas of today's Croatia had already been Catholicized, but only a smaller number was ready to renounce their Serbian origin. Therefore Vienna thought that through Croatian linguists their language should be altered because it differed from the language of the original Croats. Since that was not possible, because the Croats were several times outnumbered, there was an idea to rename the Serbian language into Croatian.

Thus in the fourth decade of the eighteenth century the «Iliric Movement» was formed with a declarative aim to gather all the Austrian Slavs. In reality, it was a well-organized (geo)political movement, through which Austria wanted to reach the Drina, an intention that was discussed by the most prominent Croatian geopolitician Ivo Pilar.

In his lifetime, Vuk Karadžić succeeded in preserving the Serbian language, but soon after the death of this great man (in 1867), his followers started retreating before the attacks of Austro-Croatian linguistic geopolitics. Namely, according to the postulates of the 1850 Vienna Literary Agreement, Croatian men of letters accepted Serbian as their literary language. Soon after that this language was



called «Serbian or Croatian», in WWII it was called «Croatian», and after the war the term was turned into «Serbo-Croatian». Today, this language is again called «Croatian». Thus the task of eliminating Eurasia from what are today Croatian areas was finally completed at the end of the twentieth century.

But, since the West has not yet seized the Drina, this usurpation of the Serbian language and its written code was continued in Bosnia and Herzegovina, where the Croats and the Bosniacs speak the «Bosniac» language, that does not differ in the slightest from the language of the Bosnian Serbs.

The most recent theft of the Serbian language has been committed in Montenegro, where, for the first time in history, a «Montenegrin» language was created, completely linguistically unfounded, a language that, just like those examples mentioned above, does not differ from Serbian at all. Yet, since modern Montenegro was created by the West to prevent the access of Serbia, i.e. Eurasia, to the sea, such contradictions are not too surprising, because anything that drives Eurasia from the Balkans is completely legitimate.

Certainly the most confusing phenomena are the conflicts of those authentic Balkan nations originating from the same cultural heritage — Orthodox Eurasian. We have in mind principally the Greeks, the Serbs, the Bulgarians and the Romanians, who, along with the Russians, all belong to what is colloquially referred to as «the Byzantine Commonwealth».

The reasons for the conflicts among these nations should not be sought in medieval rivalry, since that was completely forgotten owing to the centuries of servitude under the Turks. The cause should be looked for in the Western way of thinking, which, as it has already been mentioned, the Balkan nations started adopting during the nineteenth century.

The creation of new independent states in the Balkans after Turkish withdrawal did not only mean that some peoples in the Balkans made national states, but also that they re-directed their

cultural history. While the Balkans was, during the entire period of Turkish rule, in a constant connection with Eurasian civilization filtered through Islam, the Balkan Risorgimento — so we may call the whole period of the newer Balkan history from the Serbian and Greek Uprisings until the end of the world war — means taking a new cultural course.

Unlike Italian and German Risorgimento that continued the old traditions of these states, the Balkan Risorgimento meant a real cultural revolution. The Eurasian course of the Balkans was immediately upon liberation from the Turks slowly replaced by the Western technicism and scientism, followed by liberalism, both in politics and economics. This gambit can be considered as the greatest mistake of the modern Balkans, since such individualistic, falsely spiritual and falsely humanistic social and cultural philosophy could not provide the peninsula with internal cohesion, national and international equanimity and good relations, in a word — identity and unity.

Thus, instead of solidarity that existed at the time when the Eurasian ideology, merged with Orthodoxy, moulded the Balkan peoples, the Western idea of politics, nation, national state, religion and spirituality emerged in its entirety.

During the nineteenth and the first half on the twentieth century, the only light in the horizon were Balkan socialists, admirers of Russian socialist idea. Those were, above all, Svetozar Marković, Ljuben Karavelov, and their later followers and inheritors of their ideas in both left and right sections of socialism, who thought that the Balkans will not be united by the courts and salons but by cultural unity related to the «folk system» that would lift this unity to the level of the Balkan idea.

Therefore we can freely state that socialism (both national and international) was (and still is) the main pillar of modern Eurasianism in the Balkans.

### **Relationships between Serbia and Bulgaria, the key to the Balkans**

As we have said, the freedom that was won by the Orthodox Balkan nations in the nineteenth century also brought the West to the political stage, and its life patterns soon became Balkan's patterns. Applied in politics, they caused the separation of the liberated Balkan nations, intoxicated with the Western national romanticism. Since then to the present day, Eurasia has been in constant retreat.

Having this in mind, misunderstanding and conflicts between the Serbs and the Bulgarians, which caused the general disturbance in relations in the Balkans, were particularly tragic. To make things even more ironic, the Serbs and the Bulgarians are the two most similar nations in the Balkans and they share not just a unique cultural, Eurasian identity but they have a unique origin as well. A great number of Balkan experts thinks that they are one people that has the same origin and a rather similar language.

Actually, the relations between the Serbs and the Bulgarians have been quite ambivalent. Depending on historical conditions, these relations shifted from excellent to catastrophic, ending in bloody conflicts. From all those conflicts the West had the greatest benefit, above all Austria-Hungary, which, using this lack of mutual understanding, succeeded in becoming a Balkan force after The Congress of Berlin in 1878.

A positive trend in the relations between Serbia and Bulgaria lasted from the 1860s until the end of the 1870s. It was the time when Bulgarian emigrants, great fighters for national liberation, lived in Serbia. Those were above all Georgi Sava Rakovski, Vasil Levski, Ljuben Karavelov and Hristo Botev. This generation, owing to Serbian authorities, founded in Belgrade Bulgarian printing houses, schools and two Bulgarian legions in which future Bulgarian liberators were trained. In this period the well-known plan was created to form a Serbian-Bulgarian monarchy that would have been ruled by the Serbian Duke Mihailo Obrenović and that would turn to Russia for protection. However, the untimely death of the Serbian ruler postponed this idea for some other time.

The second phase of the Serbian-Bulgarian relations started after the Peace Treaty of San Stefano which ended the Russo-Turkish War in 1878. According to the terms of the Treaty, Russia, that had its troops fighting in both Serbia and Bulgaria, decided to include almost entire territory of Macedonia into the newly-formed Bulgarian state, an act that could not be supported by the Serbian side. In agreement with the Western forces and due to Serbian insistence, this Treaty was declared invalid in Berlin later that year. «The Macedonian Issue» has been a stumbling block in the relations between Serbia and Bulgaria ever since.

For the subject that this paper analyses the Peace Treaty of San Stefano is extremely important, because it represents an attempt of Russian diplomacy to cut the stumbling Balkan nations loose from the Western way of thinking and to put them back on the path of their own identity.

As the winning side, Russia thought that Bulgaria should be strengthened because, due to its geographical position, it could contribute the most to a hypothetical liberation of Constantinople. On the other hand, according to the Treaty, as a compensation for the loss of Macedonia, Serbia would have gained much in Kosovo, Raska and Bosnia and Herzegovina, where the Serbs would gain considerable autonomy within the Ottoman Empire. Thus Russia wanted to create two strong Balkan states, one of which would be directed towards Constantinople and the other to the Adriatic Sea. This also reveals a paramount need for a union between Serbia and Bulgaria today, which is the most important precondition for returning the people of the Balkans to the Balkans, i.e. to Great Eurasia.

If we look at the annulled Peace Treaty of San Stefano from today's perspective, we will easily notice that its annulment was only damaging for Serbia, not beneficial. Namely, had this Treaty remained in force, the majority of Serbian people, that lives outside Serbia today, would have been unified in one state that would cover the space from Serb-populated areas in the present-day Croatia

to the modern borders in the East. But the Western spirit that had possessed the Serbian elite, that is clearly manifested in Duke Milan Obrenovic's opinion that «Serbia has only one goal: to become a modern European country or to disappear», finally won a victory.

The defeat of Russian diplomacy brought the apple of discord into the Balkans, since Bulgaria was, primarily because Serbia wished so, unjustly divided into the Principality of Bulgaria and Eastern Rumelia. The latter remained, along with Macedonia, under Turkish dominion. But a far worse consequence is reflected in the fact that Serbia came under the influence of Vienna. After these events were over, Serbian students stopped going to Russia to complete their studies and went to Austria-Hungary instead. Such policy on the Serbian side led to renouncing its claim to Bosnia and Herzegovina and to the first armed conflict between Serbia and Bulgaria in 1885. Encouraged by Vienna, the Serbs started it and finally lost it.

Thus all the subsequent conflicts between these two nations, conflicts that ripped the Balkans to the west of the Drina in all their might, creating cracks into which the Western thought penetrated even deeper, are just a residue of wandering between San Stefano and Berlin. Thinking about this problem, Konstantin Leontyev was able not just to fully understand it but also to offer an adequate solution:

«Therefore it is not good only to have in mind just the banishment of the Turks from Europe, just the emancipation of the Slavs... but something wider and in its idea more independent. This wider and more independent notion should be nothing else but the development of our own original Slavic-Asian civilization. Otherwise all the other Slavs would soon become worse than continental Europeans, and nothing more... Russian eagles did not fly over the Danube and the Balkans so that the Serbs and the Bulgarians could later, in freedom, hatch the chicks of civic Europeanism»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Konstantin Leontjev, *Rusija i slovenstvo*, p.22

### **Which direction to take today?**

Nowadays, the Eurasian thought is in full retreat in the Balkans. It was overpowered by liberalism and profanization. Although it is perfectly obvious that isolated, individual cultures cannot survive in the Balkans, Balkan politicians, lured by the West, do nothing to bond the Balkan nations.

The western part of the Balkans, inhabited by the Croats, is lost beyond the possibility of restoration. Its return to Eurasia cannot be expected. Islamic Balkan nations, in accordance with their Pan-Turanian tendencies and the growing Turkish geopolitical interference on the peninsula, remain in essence Eurasian, but they are to a large degree controlled by the United States of America that, pursuing its own interests, gave them two new Balkan states — Bosnia and Herzegovina and Kosovo.

The Republic of Srpska, the only Eurasian oasis on the west bank of the Drina, is crucial to the survival of Eurasia in these areas. If we add the fact that the West, by creating independent Montenegro, separated Serbia from the Adriatic Sea, the need to preserve the Republic of Srpska gains on significance even more.

«After WWII, in the second half of the 20th century, the Balkans faced additional problems. The integration of Europe on one hand and world globalization on the other clashed violently in the Balkans. The end of the 20th and the beginning of the 21st century brought a new collision of interests of these great powers, and the interests of the USA have significantly increased when compared to the previous historical background. We could say that the Balkans was devastated by the activities of the victorious industrial West striving to re-organize it to meet the interests of the USA and some new centres of power<sup>1</sup>.

However, in its culture, logic, politics, ethics, in a word — its spirituality, the Balkans has no contradictions. It neither belongs to Europe, as (according to the Roman model) the Roman Catholics would have it, nor does it belong to the Orient (at least not to the

---

<sup>1</sup> Srpskaslobodarskamisao, p. 187

degree that the Balkan Muslims would have it). It belongs to itself and to those who do not think of its truth as a burden that has to be removed.

Orthodox Balkan nations are those that created the Balkans, that cannot survive without it and that are therefore obliged to protect it. These nations, owing to the Byzantine Empire, even in their earliest history showed a great affection for the Orthodox Orient and its culture, the affection that will not disappear even when, instead the scent of incense, heath and desert winds bring Islam. As in Russia, in the Balkans the children of the forest met the children of the heath, creating a unique cultural unit of Eurasian type.

Therefore, regardless of the current policy, the Balkan Orthodox nations are completely directed towards each other. This fact is confirmed by their culture, their pattern, their songs and dances, and their history that clearly shows that everything beneficial the Balkan nations did for themselves was done by joint forces.

Talking about cultural and political potential of the Balkans, Tadeusz Zielinski, a philologist and professor at Warsaw University, stressed that this peninsula would be the pillar of «the fourth European renaissance», that Zielinski calls «Slavic».

Zielinski thought that the Slavic nations that live in the Antique (Balkan) area, supported by the great Russia, would continue the trends of the Caroline, Roman and German renaissance in Europe.

While the first renaissance was religious, the second and the third national, the fourth would, according to Zielinski, be spiritual, ethical, and in its essence it would be a unity of variations.

Such renaissance can only be designed by the Western mechanistic world. Its only condition of survival is the collision with the Eurasian spirituality. Zielinski thought that if the West discarded and rejected such alliance, new trenches would be dug between the East and the West and they would be virtually insurmountable.

Having all this in mind, now, at the beginning of the twenty-first century, it is upon the Balkans to finally decide whether it will be «Europe's landfill site», as it is frequently called in the West, or the advance guard of the Great Eurasia.

### **Works Cited**

1. Balkan i Balkanci, Beograd: Balkanskiinstitut, 1937
2. Đorović, Vladimir. Borba za nezavisnost Balkana, Beograd: Balkanskiinstitut, 1937
3. Knjiga o Balkanu, Tom prvi, Beograd: Balkanski institut, 1936
4. Knjiga o Balkanu, Tom drugi, Beograd: Balkanski institut, 1937
5. Leontjev, Konstantin. Istok, Rusija i slovnstvo, Beograd: 1999
6. Srpska slobodarska misao, časopis za filozofiju, društvene nauke i političku kritiku, broj 40, Beograd: 2006



# **NEW GLOBAL ACTORS FOR A MULTIPOLAR WORLD**

**Daniele Lazzeri**

Chairman of the think tank «Il Nodo di Gordio», scientific Director  
of the Research Center «Vox Populi» (Italy)

The rapid political, economic and financial decline of the United States of America, has triggered a new multilateral era.

The American has been a kind of Roman Empire, passed directly from barbarism to decadence.

New and important global and regional players, in fact, put an end to the excess of power of the unilateral policy «strip and star.»

In particular, the Chinese giant who, holding more than one third of U.S. public debt, is emerging as a privileged and compulsory interlocutor for the United States.

At the same time, the tsunami of global finance, the weakness of the U.S. economy and the risk of a collapse of public debt and the dollar, pose a serious problem for Beijing too, putting at risk the currency reserves accumulated over time by China.

There are also countries like Turkey which are playing a crucial role restoring order to the Middle East chaos and to the confusion arising from the riots on the shores of North Africa. Riots, instigated by the centres of power and Western interests which are destabilizing the entire Mediterranean, with dangerous implications for the European social stability<sup>1</sup>.

A strange blend of materialistic consumerism and Islamic fundamentalism is undermining the foundations the root on which to build our Eurasia.

---

<sup>1</sup> Aa.Vv. La Profondità strategica turca nel pensiero di Ahmet Davutoğlu. Centro Studi «Vox Populi», Pergine Valsugana 2011.

The scholars and friends, Alexandr Dugin and Leonid Savin, have well-studied in recent years the Eurasian perspective, as well as the insights made by the Research Center «Vox Populi»<sup>1</sup>, lead to point out how it is achieving a just revenge of the geography and of geopolitics on the economic interests and on the financial alchemies of the last thirty years. As proof of this concept there is the increasing nervousness with which the technocratic élite is moving, exerting an unprecedented pressure against the legitimately elected governments in Europe, but not only.

The military strategies, which have tried for decades, sometimes with success, to divide the peoples of Eurasia, begin to become less effective. Indeed, they risk of creating further and uncontrollable outcomes, destabilizing entire geographical areas.

We need new languages and to rewrite the history with new points of view. It is the important work carried out, for example, by Augusto Grandi, economic journalist of the highest Italian financial newspaper «Il Sole 24 Ore», who in a book, has rewritten in detail 150 of Italian history<sup>2</sup>.

As rightly pointed out by Andrea Marcigliano, a senior fellow of the think tank «Gordian Knot», after the collapse of the Berlin Wall and the implosion of the USSR «it had spread an illusory and, in many ways, pernicious idea: the belief that we had now come to a «unipolar» world with a single hegemonic power, the United States of America, and, above all, with a single «culture» represented by the free-marketism concept in economics and its liberal-democratic «superstructure «in politics»<sup>3</sup>.

A concept theorized by the neoconservative, Francis Fukuyama, in his «The End of History and the Last Man» who was forced to revise deeply his theories, under the pressure of events of the last two decades. Events that have cancelled the «dream of globalization»

---

<sup>1</sup> [www.vxp.it](http://www.vxp.it).

<sup>2</sup> Augusto Grandi e Teresa Alquati, *Eroi e cialtroni: 150 anni di contro storia*. Politeia, Torino 2011.

<sup>3</sup> [www.NododiGordio.org](http://www.NododiGordio.org).

drowning it in a bath of healthy reality. Reality which has shown that, after the end of the dualism of the Cold War, the world has become, or rather has returned to be more complicated. And also, inevitably, more dangerous. From the crisis of the former Yugoslavia to the Maghreb, from Central Asia to Latin America, from the Dark Continent to the Far East and everywhere have gone back to act and powerfully to manifest the dynamics of what wouldn't be wrong to define the new «Great global Game». A game which no super-power could and can really govern in solitude, especially since the epochal economic crisis of the recent years has seriously put into question the primacy of Washington.

Hence, inevitable, a world scenario in which various «powers» act and interact with. Great Powers, of course, like China, resurgent Russia and the U.S. itself, but also «medium» powers, or if we want powers of «area», with which even the Giants are learning to deal. And from this so complex and intricate game which alone can raise that «concert» of powers, able of reshaping the global balance.

Balances, of course, always precarious and dangerous because continually changing. Yet the only equilibria that are emerging on our horizon. In short, a return in grand style, to the international politics and geopolitics. And a tombstone on the globalist utopias and on the dream (or nightmare) of a single Giant who stood around as planetary policeman.

Today things are very different. The recovery of different identities, the specific political and cultural traditions must carry us out the schematics of the recent past. There is no «Democratic System» sole and indisputable. There are several approaches to modernity, or to the politics of participation, of social justice, of the equitable distribution of income and freedom. Because they move from different cultures and traditions distinct but not incompatible with each other.

Hence a variety of models that may well be alternative to each other, but complementary to each other. Coexist and cooperate.

The different cultural and national resurrected or re-discovered identities confirm the end of the long season of the blocks, can not,

however, remind of a pure and simple return to the past. To the past of the nation-states relegated in their particularism and their selfishness, today in fact powerless in face of the complexity of the world scenarios. The new actors of the Great Game, therefore, are rather intended to be aggregates / coalitions based on a common background, sometimes very ancient, such as Eurasian, because prior to the crushing of «large multiple identities» in those, more restricted, the nation states.

The birth of the Eurasian among Russia, Kazakhstan and Belarus is an important example of these new combinations to cope with the deluge of the unique thought. A force, undoubtedly of economic nature, which disrupts the patterns designed in Washington and that will be attractive for many other «satellite» states in order to create an «Eurasian constellation».

Europe, however, driven by sheer by the financial speculation in recent months and by a short-sighted French-German chauvinism, limps. The original error has been having staked everything on the importance of a single currency, that Euro which today is more a weakness than a strength for Europe, instead of working together to design a new common policy, now shows all its limits.

We should plan the overcoming of the old patterns in the international relations, focusing our attention in creating «cultural, political and economic bridges» with realities kept confined to mere business partners in the energy sector. An attempt which, thanks to the project «Beyond Lepanto. From the clash of yesterday the cartel today» for example, has launched new models of relations between the Latin and Central Europe and Turkey<sup>1</sup>.

So how strong are the links established over the years with the Republic of Kazakhstan and Russia.

---

<sup>1</sup> [www.OltreLepanto.org](http://www.OltreLepanto.org).

# TO BUILD A REAL EURASIA: FEW JURIDICAL IDEAS

**Marius Vacarelu**

Dr., National School of Political and Administrative Studies  
(Bucharest, Romania)

*Trying to speak about continental political constructions, we need to understand their limits. Inside all human institutions there is a limit, because the possibility to create something able to satisfy always all interest is impossible.*

*In this case, we must look to the theories. All of them underline that in the moment when few great people want to introduce big ideas on public debate, a lot of critics will appear, not trying to accept and correct the positive aspects of these activities, but only speaking about the limits (economics, politics, human relations, etc.).*

*Eurasia is a big idea only if we want to thing to it; more than that — is a big idea if someone will try to explain this to the world. However, the dimension of these continents is huge, and a scientist will see easier the limits of this construction. And, when human society will be prepared, it could be a possibility to create a new European, maybe, after European Union model.*

*Inside all of these facts, Eurasian idea must be analyzed sine ira et studio (without hate and with morality), and few important aspects are brought by the national legislations and by the people who believe in them. Our text tries to describe some problems of this important equation, between ideas and legal possibilities to fulfill them.*

1. The question of Eurasia is an Eurasian question or only a single country question?

Why this?

Because, as always, when we analyze «the political constructions», we must note the difficulties to have a single vocabulary for every person who have access to the concept — as the main obstacle to construct ... something.

Thus, our text will speak about Eurasia. It's a concept with great socio-politic importance, and — following this idea, we'll use to describe it two important search engines and its documents, to present «popular» (in fact, public) access to information about the concept.

Google reports 15,500,000 notes about Eurasia, and 8,500,000 to the question: What is Eurasia?

Wikipedia has its own page about Eurasia<sup>1</sup>, where it can be read:

- **Eurasia** is a continent or super-continent covering about 52,990,000 km<sup>2</sup> (20,846,000 mi<sup>2</sup>) or about 10.6% of the Earth's surface (36.2% of the land area) located primarily in the eastern and northern hemispheres. Physio-graphically, it is a single continent, comprising the traditional continents of Europe and Asia (with *Eurasia* being a portmanteau of the two); the concepts of Europe and Asia as distinct continents date back to antiquity and their borders are geologically arbitrary. Eurasia, in turn, is part of the yet larger landmass of Afro-Eurasia, whereby Eurasia is joined to Africa at the Isthmus of Suez. Eurasia is inhabited by almost 4 billion people, more than 72.5% of the world's population (60% in Asia and 12.5% in Europe);
- *Eurasia* is also sometimes used in geopolitics to refer to organizations of or affairs concerning the post-Soviet states, in particular Russia, the Central Asian republics, and the Transcaucasian republics. A prominent example of this usage is in the name of the Eurasian Economic

---

<sup>1</sup> <http://en.wikipedia.org/wiki/Eurasia>.

Community, the organization including Kazakhstan, Russia, and some of their neighbors, and headquartered in Moscow and Astana. The word «Eurasia» is often used in Kazakhstan as the name of the continent or region in which that country is located. Numerous institutions in that country use it in their name, e.g., L. N. Gumilev Eurasian National University, the Eurasian Media Forum, the Eurasian Culture Foundation, the Eurasian Development Bank, or the Eurasian Bank. In 2007, Kazakhstan's President Nursultan Nazarbayev proposed that a «Eurasia Canal» be built to connect the Caspian Sea and the Black Sea via the Kuma - Manych Depression in Russia, providing Kazakhstan and other Caspian-basin countries with a more efficient access path to the ocean than the existing Volga-Don Canal. This usage is somewhat analogous to the U.S. usage of the term *Western Hemisphere* when referring to the concepts and organizations dealing with the Americas (e.g., Council on Hemispheric Affairs or Western Hemisphere Institute for Security Cooperation)<sup>1</sup>.

These texts are public and very easy to be found by anyone. The last site with great importance for our question (What is Eurasia) is [www.eurasiancenter.org](http://www.eurasiancenter.org), an important site from Unites States of America. We present it here, because today it is considered the US as the single global power, so, we must be concern about the initiatives started from this part of the word.

2. On the other part, the main wisdom in Eurasian problems belongs o both continents — because the common history speaks louder. In the same time, on this big scientific and concept map the main role of debate belongs, naturally, to Russia and to Russian specialists.

---

<sup>1</sup> This description is used at the bottom of the page, so, we can understand the option of the page author (and of a lot people, because this site is created by »everyone«).

- In this case, we must note also few ideas:
- Russia is the country to have the biggest part of its territory on both continents<sup>12</sup>, but its position is not perfectly favorable to develop a total discourse on Eurasia, because the most emergent part of it is situated in Europe<sup>3</sup>;
- Russia represents a perfect roof for the world — in this case, its Eurasian idea represents a correspondence with a human body with two special arms: the body is settled in northern Siberia, near the Arctic Ocean. In the same time, the arms has a double significance: a left arm who keep a shield in the Asian direction (mainly China — for extension, yellow race people), and the right one, the most efficient and productive, is stretched to the Europe. In this case, we must note something special: the left had defended Europe from the Vladivostok to the Pamir Mountains, and the right one is over the Moscow and Petersburg. So, a logic question: where is situated the sight of Russia? In our opinion, this is settled to a big area, with a fragmented history: Central Asia — Caspian Sea — Black Sea, as always in the history of humanity, from the North (Sever) to the South (Yugo);
- Eurasia is a new concept for history — it appeared in the 19<sup>th</sup> century, and only because it was on that time two empires who were important position on both continents: Russian and Turkish one. In this case, we must note an analogy: Christian Russia was opposed to Muslim Turkey on the same logic met after 1945 between Soviet Union and United States;
- Eurasia is an old concept related to European union, because the unionist ideas on Europe was blocked always by the presence of Muslim Constantinople, and, more than that, by the internal battle between main European land powers (with a «big brother» behind — Great Britain);

---

<sup>1</sup> Turkey has less.

<sup>2</sup> In a lot of European institution (as football or music) Israel is included in Europe.

<sup>3</sup> Despite the land reality.



- If Russia is the main territory for this idea, we must note that in the 21<sup>st</sup> century ideas must be kept by a stronger population<sup>1</sup>; thus — the future of Eurasian ideas in Russia must be accompanied by a better demography.

3. Our opinion about Eurasia is expressed in a very «scholar language» for a correct order of ideas.

Eurasia is a great political concept, but not completes, because the map limits are not always well understand.

Looking to the world map, we must note that the human land is separated between two big parts, understood as Old World and New (Columbus) World. All scientists have a great problem when the want to separate the Old world, because:

Western Europe is more or less catholic, protestant or atheist and is strong separated by the eastern Europe (history and economy, mainly after European Union creation;

Eastern Europe don't have a real limit, because Russia is situated on both continents;

Southern Europe is presented much more as part of Western Mediterranean Sea;

Southern Europe is related — because of Gibraltar and the same sea to Northern Africa;

Northern Africa is separated by a big desert (Sahara) to the rest of African continent (which is much richer with mineral resources than the Maghreb and Egypt);

Near East or Proche Orient<sup>2</sup> means Turkey (the other state with double Eurasian continental dimension), Caucasus, Jordan river territory and Egypt (a country belonging mainly to another continent (African), with a step in Asia (by territory and history) and ho was occupied and created as modern state by European powers of 19<sup>th</sup> century;

Near East is separated by the main Arabic population and energy resources by another strong desert;

---

<sup>1</sup> The catastrophic demography of Russia is not always positive to implement big ideas abroad.

<sup>2</sup> A French concept.

Middle East has two important borders (mainly because of history): Central Asia — where the Russian influence is the main actor for the last almost 200 years — and the Chain Mountains Pamir — Himalaya;

India is separated by big rivers and big chain mountains to Pakistan (Indus), South East of Asia (yellow race) and China;

China is the Middle Empire, with one hand related to the south and with the other one to the north. Today we are not sure where Beijing looks straight: to Pacific Ocean or to Middle East, Russia and India<sup>1</sup> in the same time. Last years show us that both directions are possible; in our opinion, always the middle position obliged the state claiming this position to watch more carefully inside;

South East of Asia is related more with Australia, where an important position is kept by the United Kingdom (the same chief of state In Australia and New Zealand);

Japan represents — somehow — a padlock for almost all Asian powers with interests of Pacific Ocean: here, the key belong to Washington sea power (on Mahan admiral doctrine).

Thus, we cannot consider that the actual dimension of Eurasia is correct, related with the geography and mainly to the history. Despite all innovative technology, the desert is still a desert, a big chain mountain remain on the same position.

It is true: maritime ships can transport a lot of products (it is very interesting to observe the Chinese offensive in weak Europe's ports<sup>2</sup>) and pipe-lines create a faster way to transport energy resources, but we must understand another limits:

Pipe-lines represent land states, land powers cooperating or in a perpetual competition (the differences between two attitudes is not always clear). In this case, we must note few moments when

---

<sup>1</sup> India is an »obstacle for a perfect seeing» to the South African rivers and mineral resources.

<sup>2</sup> In a famous report: Global trends 2025 — A transformed world made by National Intelligence Office (Washington, 2008), there are few observations about Chinese limit of economic development related to export of goods (p. 29 — 31).

tensions can create bigger problems, as blocking of oil transport in Ukraine or terrorist attacks on pipe-lines. In the same time, it is very easy to control a pipe-line, because it is stable on the land for kilometers, and no one can pay guards for every 100 meters to have a perfect safety of them;

Maritime transport means to control the straits, and for Eurasia there are four very important ones: Skagerrack, Gibraltar, Malacca and the sea in the front of Arabian Peninsula, to control Red Sea and the Persian Gulf. We see here a strong position of United Kingdom, USA and to the sea powers by excellence. Inside this perimeter, there is Bosphorus, Suez channel and a lack of military fleet for the «land powers of Eurasia».

As conclusion: the author believe that Eurasia is a small concept, we need to add here Africa too — minimum the northern part, from French part of Senegal to Bab-el-Mandeb strait near the Ethiopia and Somalia; today Chinese politics introduce in the geopolitical equation whole Africa ... and, in our opinion, soon we must be extend with Australia.

In this case, every state must understand its political dimension and its role on the Eur-Asi-African (our tri-continental proposal), named EAA, and to play well its card.

Following this idea, we must note the words of Professor J.L. Granatstein, on April 2011, at the reunion of Canadian Forces College<sup>1</sup>: «can a small or middle power have a Grand Strategy? Former diplomat Daryl Copeland defined Grand Strategy as a unifying, long-term vision of a country's global values and interests; an expression of where the country is, and where it wants to go in the world; and an analysis of its potential and capacity to achieve its objective. I consider it a core element of statecraft.

That sounds difficult to derive for most nation-states, but to me it does not sound like Grand Strategy, at least not for smaller powers. Smaller countries can fight wars against other smaller powers or

---

<sup>1</sup> J.L. Granatstein: Can Canada Have a Grand Strategy?, Canadian Defence & Foreign Affairs Institute, p. 2 — 3.

maneuvers to avoid them. They can join Great Power alliances or not. They can follow particular economic policies or decide not to. But they do not have Grand Strategies because they lack the human, industrial, and military resources to sustain them. In other words, the God of Grand Strategy is only found on the side of the big battalions. But small countries do have, like every other state, national interests, and their policies are (or should be) focused on advancing or protecting these interests and on their national survival.»

4. If we analyze Eurasia in this dimension, we must express another idea about the legal concept of Eurasia.

Legal concepts exist as it is written. In this scientific branch, words are words, and they cannot be understood in different senses. For any word it is a clear definition and a complex base for any different sense regarding any legal institution<sup>1</sup>.

Eurasian is not a concept for legal sciences; we need international treaties to proclaim the existence of this new legal institution. Thus, the author will analyze briefly only few ideas, because the potential for this scientific debate is huge and we don't have here enough space for it.

First of all, we must underline that inside Eurasia there are many legal systems, with many traditions — to create a real, single and unite Eurasia as concept and political entity, we need to harmonize these differences. For that, we can use only the legal principles, but

«Although confirmed by Article 38 of the Statute of the International Court of Justice, the idea that there exist general principles of law that are recognized by civilized nations has lost ground in recent years. This fact raises the question of whether such general principles have any order-providing meaning or value beyond the State. If compared to the apparently «natural» systematic structure of state legal orders, the global legal space appears to lack a body of general rules and seems dominated by sectionalism and fragmentation. Indeed, it resembles the medieval legal order,

---

<sup>1</sup> E. Balan: *Institutii administrative* (Administrative institutions), CH Beck, Bucharest, 2008, p. 8

characterized as that was by the simultaneous presence of various legal orders competing with each other. In reality, studies of legal history have led to a different understanding. We now know that that systematic structure was not natural. It was an integral part of a general pattern of morphological transformations undergone by the legal orders of states.»<sup>1</sup>

In this case, we don't know which legal principles must be fulfilled, because there are many differences between European continental law and religious Islamic law; between Chinese system law and the Britain law. For this debate we can write books, but, of course, in national parliaments it will be a complicate debate, because no one wants to renounce to the history (at least).

Second question: if we want a single Eurasia, where it might be the capital of the state? Any political entity without a center (capital) collapse in less than 5 years: thus, where it must be!

Logics speak: at the middle of the distance, because it is necessary to offer equal access to all persons to all services which are ruled from this big center. So, we can look to Caucasus, maybe to the Near East: Damascus — or Baghdad? ... Islamic capital means a different kind of administration of it, because here it was in the last two decades the most important military conflicts — it is need to a new urban architecture, for a capital of almost 4 billion inhabitants!

A lot of new institutions must be settled in this new capital: a Eurasian parliament, which must be able to adopt important, ethic laws, with a great availability for flexible interpretation, because:

a) These laws cannot be applied from the first moments, because it will be a great problem with internal constitution of the states, and with all secondary (administrative) legislation;

b) Looking to European Union constitutional treaty of 2006 and to the Lisbon Treaty of 2007, we can see the huge dimension of the texts<sup>2</sup>: if this it was possible for a group of 27 states with

---

<sup>1</sup> E. Chitti, B.G. Matarella: Global administrative law and EU administrative law, Springer, London, 2011, p. 89

<sup>2</sup> 300 pages or more, it depends by the editor.

common legal tradition (Roman Empire, in fact), can we predict the legal dimension of a Constitution for Eurasia?

c) In that moment it must be start a global educational change, not only in Law faculties, to understand and to apply new law, but also in every state, because the complexity of changes cannot be seen in one day.

In this context, we have a single question: the loyalty of every person of Eurasia will belong to whom? Because the history never must be forgotten<sup>1</sup>!

Another question is related about the administrative organization of the territory — now, only one big state, but what kind of internal autonomy inside every small part of every state who compose the Eurasian state, because without a strong centralization is impossible to build a functioning state.

The last question is about the justice — where it must be The Supreme Court of Justice? Where it must be The Constitutional Court?

Regarding this; we must note that:

How many procedural steps (appeal, recourse and more) a person must do to be judged by the Supreme Court of Justice?

How it must be invoked the control from The Constitutional Court?

Who are the administrative institutions who shall fulfill the decision of the Eurasian justice? Only one example: in one state a person is affected by the behavior of another state. He claims the state, but this state is too strong to be punishing easily ... ca we have equality between states?

### **Conclusion**

In this case, Eurasia is a seductive idea. However, it can be tried to create such a state, but, in our opinion, legal problems are the «big stone», in front of any political ideas. In fact, we must note the

---

<sup>1</sup> Title of a famous book about World War II.

process of negotiations — it is not simple, and, of course, somebody negotiate in a big state, but national parliaments must accept, and, after that, because the dimensions of Eurasia are too big for today human society, it must be approved on referendum by citizens. And today we are not sure about their political opinions ...

# **MULTIPOLARISM AND NEW REGIMES IN THE MEDITERRANEAN AREA MORE EVERYTHING BECOMES USELESS**

**Ermanno Visintainer**

Chairman of the Research Center «Vox Populi» (Italy)

This verse, inspired by a famous song of the Italian singer Franco Battiato, «The King of the World», not devoid of reference to the homonymous work of the French esoterist, Rene Guenon, and to all the corollaries deriving from it, seems, with its eschatological-oracular tones, to lend itself ad hoc in order to outline and extrapolate the geopolitical scenarios being in sight, in the first place for the imminent future of our continent, so for the entire planet.

The overwhelming economic crisis that we are experiencing at first hand, which, instead of finding a solution, bites more and more, along with the several dissolutive warning signs of spiritual nature, advocated by many traditionalists of the last century, does seem to place us in a epochal dark junction era, an era anyway of metamorphosis in comparison with the monolithic immobility that has characterized the previous scenarios of the international relationships.

The most recent update of these warning signs is represented by the extreme attempts of the Anglo-speaking West and its bards, to react to this sort of entropic process through the neo-conservatism - another regurgitation of the dialectical materialism of Marxian memory - and the unipolarism of the passed Bush era, besmirched in the Iraq quagmire. «The war against the sacred, never completed by the Left, which is more effectively carried out by the occidentalist Right» as writes Pietrangelo Buttafuoco.



Similarly, the allusion to the English language, paradigm of an asyntactic, irreverent and pseudo-egalitarian pragmatism lends itself well to rise to an icon of the clash of civilizations formulated by Samuel P. Huntington. By sunset, therefore, of some Western languages in favour of more conservative languages, utilizing in comparison of Latin, different writing systems if not even ideographic systems.

After the collapse of the Berlin Wall, it had spread an illusory idea, a belief that we had now reached a «unipolar» world, with a single hegemonic power, the United States of America, and, above all, a «unique» culture, represented by the concept of free market in economy and its liberal-democratic «superstructure» in politics.

But contrary to this view, today, many observers are increasingly in agreement that the geo-economic and geopolitical core of the world is moving toward the East and the centrality of the Anglo-speaking supremacy, which had its heyday during the last century, is shaken and crumbling in order to give way to a multipolarism already consolidated into new emerging entities, such as Russia, China, India and even Brazil.

However, beyond these «solo» players the real protagonists of the new Great Game, rather than individual countries are destined to be combinations or coalitions of countries based on a common background, such as Eurasian, because antecedent to the crushing of the «big identities» into the more restricted entities of the nation states.

And considering the geopolitical determinism, as well as the impulses and the synergistic movements that are crossing Eurasia, aimed at creating a new anti-Atlantis Silk Road, we can not minimize the role that might play all the minor entities, regional powers or communities of states which already have their own prestige on the international chessboard, such as Turkey, Iran or Central Asia.

Just Eurasia, because of its central role conferred on it by Mackinder, would seem destined to resume the role of hinge-axis and plot of that geostrategic diagram possessed by ancient empires of the steppes, especially now attributed to its geo-economic importance

due to the massive presence of natural energy sources. As well as that of natural corridor or container - depending on the perspective - the two emerging macro-powers, China and India.

One of these new realities is precisely the Eurasian Economic Community (EurAsEC), an international organization which brings together some of the CIS member states. Founded in 2000 by Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, and as observers the presence of Armenia, Moldova and Ukraine.

So much so that as starting from the January 2012, it will begin the practical phase of the Common Economic Space, which arguably has grown over the Customs Union of Kazakhstan, Belarus and Russia. Coherently there will be unified laws of real mechanisms for coordination of economic policies of the three countries and cross-border movement of resources, services, capital and workforce.

Side by side with the rise of this new community entity, we will also assist to a slow and inexorable crushing of another international actor: the European Union, which because of its outside-directed politics has shown that the only economy is not sufficient to implement a Community project like that. As says Alexandr Dugin, if it lacks a common political project, a clear geopolitical vision, it's impossible create anything of reliable. And what should be considered is the construction of a Eurasian Union. Therefore, we should start with the theory of a multipolar world, and not with the technical steps of economic integration.

Moreover, as stated by Leonid Savin, Europe is destined to the cooperation with Russia. It is not only for the energy dependence that the European politicians love to return to these steps, but also out of necessity due to the geographical constitution: the Heartland is in the heart of Russia, being a magnet for the entire Eurasian periphery.

As for Italy, it is an Eurasian Door open to the Mediterranean, the hot area of the planet in recent months. One of the areas where the monopolar forces are trying to play a new hegemonic game through the destabilization of the Middle East and North Africa.

A geographical area which, since the dawn of time, has been epicentre and cradle of the European civilization, eclipsed with the advent of the modern era after the discovery of America, but which today is coming back into vogue because of the huge increase in international trade transactions. But that is also coming back into vogue because of the inevitable slip of Italy and of the other Euro-Mediterranean countries towards this liquid continent, because of the Carolingian-centric policy led by Paris and Berlin, which now seems to sink on the spreads.

As the Italian journalist Pietrangelo Buttafuoco writes: «The magnificent Mediterranean Sea would shine the coffers of our future because, in short, if there is a horizon where the world is in making, this is the Mare Nostrum, not Paris or Berlin, which does not have the strength of Ankara. And it has been better for the Turks if they have not come into Europe. Now they are doubling the GDP, ten-point every year, if they would have entered into the UE, they would tell differently in the neo-Ottoman season and in North Africa».

After all is not a coincidence, that after the domino effect on the «regimes» of the Arabic countries, have fallen, albeit in soft and democratic manner, even the «regimes» of the countries bordering on the northern bank of the Mediterranean Sea, such as Greece, Italy, and Spain. Replaced, not by chance - at least in the first two cases - by governments, not free from Masonic connivances. As the new Italian prime minister, considered to be a Mason having had a dual affiliation, an English and a mixed Anglo-Franco-Belgian.

Italy is slipping into the Mediterranean and its role should be, next to that of Turkey, to contain the interference of these forces. In addition, the exercise of a leading role together with the Mediterranean countries of the north bank in order to create a new community that would differ from that one based on the Protestant ethic of work, characteristic of the of northern Europe counties.

However, if the time is not ripe for an awareness of this type, they will become soon for geo-economic necessity.

*Научное издание*

## **Левиафан**

### **Выпуск 3**

Материалы международной научной конференции  
по проблемам многополярности

Центр Консервативных Исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы,

МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: [seminar@socio.msu.ru](mailto:seminar@socio.msu.ru)

[www.konservatizm.org](http://www.konservatizm.org)

Руководитель Центра — профессор Александр Гельевич Дугин

Главный редактор

д. пол. н. А. Г. Д у г и н

Редактор-составитель

Л. В. С а в и н

Редактор

В. В. А л т у х о в

Оформление обложки

С. А. Жигалкин

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл. п. л. 12,5. Тираж 550 экз.

«Евразийское Движение»

Москва, 2-й Кожуховской проезд, д. 12, стр. 2, офис 5

Отпечатано с готового макета